

Александр Филичкин

ПРОЗА

книга 1

2014 - 2022 год

Александр Тимофеевич Филичкин
Проза. Рассказы книга 1
Серия «Взрослые рассказы
и повести», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69892567

SelfPub; 2023

Аннотация

В данную книгу вошли прозаические и юмористические повести и рассказы, написанные автором в течение 2014-го – 2022-го года

Содержание

Плиска	4
Сашкин автомобиль	11
Такси до Самары	18
Вывих	27
Верховой	46
Хлебоуборка	54
Визит к приятелю	65
Поликлиника	75
Рукопись	89
Коммерция	152
Табак	165
Финский вокзал	193
Встреча выпускников	201
Восстановление справедливости	210
Ужин после бани	215
Кафельная плитка	220
Высокопоставленный ученик	227
Коммерческий турнир	232
Помойка, тридцать лет спустя	241
Невропатологи	247
Анатолий	257
Языковой барьер	266

Александр Филичкин

Проза. Рассказы книга 1

Плиска

Володя пришёл в нашу контору, неожиданно для всех окружающих. Мы с ним не виделись уже лет десять-двенадцать. И вдруг, ни с того, ни с сего, он свалился, как снег нам на голову.

В восьмидесятых годах мы вместе работали в одной проектной конторе, которая занималась строительством. В то давнее время Володя был ещё холостой и весьма шепутной. Он очень любил, после работы зайти в «кабачок» и выпить там грамм сто пятьдесят сорокаградусной водки. Причём почти без закуски.

Нужно сказать, что раньше, он занимался любительским боксом. Поэтому, общаясь с соседями по «разливайке», парень не лез за словом в карман, да и выражения не всегда подбирал. То есть, он выражался, как бог на душу положит.

Но ведь люди, тем более совершенно случайные, попадают удивительно разные. Кто-то из них, в детстве и юности занимался борьбой, например карате. А кто-то, в этот момент, был не один, а с группой друзей. Так что, после таких

посиделок, Володя частенько щеголял фонарями. Они мрачно темнели у него под глазами.

Как-то раз одна из сотрудниц спросила: – Володя, а почему ты так часто приходишь на службу с разбитым лицом?

Он застеснялся и тихо сказал: – Да я боксом иногда занимаюсь.

– Лучше б ты бегом занялся, – посоветовала сердобольная девушка.

Через несколько лет, Володя уволился из нашей конторы, и начал работать на Севере, вахтовым методом. Потом он оформился на «постоянку» и получил где-то в Сургуте квартиру. Парень женился и стал продвигаться в служебной карьере.

Я тоже сменил несколько мест, но так и остался в Самаре. Через общих знакомых он находил мой телефон. Иногда он звонил, интересовался, кто, как поживает, и очень скупно говорил о себе.

В тот знаменательный день Володя пришёл к нам в отдел уже ближе к вечеру. Мы встали с ним в коридоре и завели разговор обо всём понемногу. Мимо часто ходили наши сотрудники и очень многие, здоровались с ним.

Как оказалось, кроме меня он знает почти половину нашей строительной фирмы. С кем-то он раньше работал в других институтах, с кем-то вместе учился, с кем-то встречался на стройках. Неожиданно выяснилось, что подобных

людей у него здесь полно. Володя вдруг извинился и тут же исчез.

Сожалея, что не удалось поболтать со старым приятелем, я вернулся к работе. Мой строгий шеф собирался в командировку, и мне нужно было, распечатать ему кучу листов.

В половине шестого я отнёс все бумаги начальнику и увидел толпу раскрасневшихся женщин. Они благодарили Володю за его угощение и приглашали почаще приходить в гости к ним. В коридоре витал запах вина и шоколадных конфет.

Тепло, распрощавшись с сотрудницами, Володя заметил меня и широко улыбнулся.

– Пойдём Саня, выпьем и поболтаем за жизнь, – заявил он по-дружески, – а то эти тётки употребляют только вино, а я его терпеть не могу. Сидел целый час «на сухую», и только им подливал.

Мы вошли в кабинет, где недавно закончилось встреча Володи с народом. В дверях нас встретила последняя из расходившихся женщин. Она отдала мне ключи и наказала, потом всё закрыть. Народ уже разбежался, и мы без помех устроились за скромным столом.

На белом листе плотной бумаги, заменяющим скатерть, стояло три порожних бутылки из-под вина, наполовину пустая коробка конфет и не початый флакон коньяка под названием «Плиска». Вся остальная столешница была покры-

та обёртками и упаковками от разной еды. Самих продуктов уже не осталось.

Я стал наводить на «поляне» хоть какой-то порядок. Пока убрал в урну весь мусор и опустевшую тару, Володя рассказал о себе: о жене, родившейся дочери, о приличной квартире и новой машине.

За прошедшее время, он сменил несколько разных профессий. Володя работал проектировщиком, инженером-строителем, инспектором котлонадзора, а потом уже стал аудитором.

Теперь он имел много важных друзей среди городского начальства. В лихих девяностых он перегнал из Сибири колонну автозаправщиков, неожиданно списанных в соседней воинской части. Оказавшись в Поволжье автомашины и тонны бензина, что в них находился, успешно продали. Деньги положили в карманы.

Володя завёл себе интересное хобби. Он на большом вертолете часто летает с друзьями на север, к берегам Карского моря. Там они пополняют коллекции из очень редких опалов и других полудрагоценных камней. Ещё он купил себе квартиру в Самаре и сейчас её успешно отделявает.

Было без десяти минут шесть. Володя свернул колпачок у пузатой бутылки и налил коньяк «Плиска» в разномастные рюмки. Налил очень немного, грамм двадцать пять – тридцать.

Мы выпили за неожиданную встречу и каждый из нас, откусил по половинке от своей шоколадной конфеты. Коньяк был довольно дешёвый, но, в общем, приемлемый.

Я вспомнил Болгарию, где мне удалось немного попить настоящей неразбодяженной «Плиски». Мы вспомнили о ПКБ, где вместе работали и об общих знакомых.

Володя налил по второй. Налил, так же, как раньше – очень немного. Мы выпили за здоровье друг друга. Я потянулся за своею конфеткой и ВСЕ! Как говорили тогда в наших кругах: – Шторка упала!

Кромешная тьма немного рассеялась. Я находился в квартире и растянулся в своей мягкой кровати. Правда лежал я на покрывале и, почему-то, одетый. Я взглянул на часы, было семь часов две минуты. На дворе стояла зима. За окном висела чёрная тьма.

Я с трудом поднялся с постели. К моему удивлению, похмелье оказалось не очень-то сильным, но что было, после второй порции «Плиски» я не помнил совсем. Пили мы ещё или нет, как мы расстались с Володей и как я, вообще, добрался домой?

Пешком от конторы до дома я, в нормальном своём состоянии, иду сорок минут. Ну, а сколько вчера ковылял, это вопрос. Размышляя о вчерашней попойке, я стал собираться на службу. Мама сидела в своей тесной комнате и смотрела цветной телевизор.

– Чего это ей не спится так рано? – спросил я себя, подошёл к зеркалу, что висело в прихожей, и включил электробритву в розетку.

– Куда ты это собрался? – спросила мама весьма недовольно.

– На работу, – откликнулся я. – Уже семь часов.

– Семь часов вечера! – взорвалась она. – Ты недавно явился неизвестно откуда! Ложись немедленно спать!

Я сразу поверил ее горячим словам, разделся и отправился снова в кровать.

Утром я встал, как ни в чем ни бывало. В восемь часов, уже на работе зазвонил телефон. Это была жена моего старого друга Тамара.

– Ты, как там живой? – с места в карьер начала разъярённая дама и тут же продолжила: – Мне уже в шесть утра звонил Горожанкин Володька. Он спрашивал надтреснутым голосом, не приходил ли он в гости ко мне, с тобою вчера? Я заявила, мол, удивительно рада, что вы не пришли. Сколько же вы вчера вместе выжрали, если Володька ничего больше не помнит? Ведь его же литром водки не свалишь!

– Ты не поверишь, – ответил я честно. – Была бутылка «Плиски», ноль пять. И то я не помню, допили мы её до конца или нет, – и я рассказал ей о странной «попойке».

– Самопал! – сделала вывод Тамара. – Намешали неизвестно какого спирта вбутыку. Наверное, Володька купил его

в ближайшем киоске.

– Нет, он говорил, что брал в небольшом магазине, – возразил я Тамаре.

– Скажите спасибо, что выпили мало, иначе отравились бы насмерть, – заключила жена нашего общего друга и бросила трубку.

Полгода спустя, мой телефон издал мелодичный сигнал. Я поднял трубку. Оказалось, что это Володя. После обычных приветствий он, сильно смущаясь, извинился за то, что очень давно мне не звонил.

– Понимаешь, мне весьма неудобно. Никогда со мной не было, чего-то подобного. Я совершенно не помню, что было тогда, после двух рюмок «Плиски».

Я, как мог его успокоил, рассказал, что было со мной, и сообщил о беседе с Тамарой.

– Хорошо, что не сдохли от этого пойла, – подвёл итог мой приятель Володя.

Сашкин автомобиль

Этот старый «Москвич» Сашке достался в подарок от тестя. Машина оказалась не новая и находилась в довольно плохом состоянии. Можно сказать, заслуженный был автомобиль, а если выразаться точнее – то многострадальный.

Когда тесть решил взять машину, он был уже немолодым человеком. Поэтому, ездил по городу очень медленно и осторожно, чем весьма раздражал всех прочих участников городского движения. И всё же, на его поседевшую голову, неприятности сыпались одна за другой.

В первые дни после покупки, мужчина помял дорогую машину. Солнце тогда светило вовсю. Неумелый водитель въехал с ярко освещенной площадки в сумрак своего гаража и затормозил слишком поздно. Стена была там кирпичная, и на ней не осталось даже царапины. А вот бампер у «Москвича» пришлось поменять.

Через какое-то время, тесть въезжал в каменный бокс задним ходом. Причём, смотрел назад через дверцу, приоткрытую с его стороны. Проём ворот оказался чуть меньше чем ширина автомобиля с распахнутой створкой. Тонкая жёсть с ужасающим скрежетом смялась в гармошку. Железо пришлось править и красить, но после того происшествия замок закрывался удивительно плохо.

Тесть любил покопаться в земле, а добираться до небольшого участка, было легче всего на машине. Именно там и случились ещё две неприятности. Однажды, предок жены въезжал на территорию дачи.

Он не рассчитал расстояние между столбами ворот и ободрал крыло с правого бока. Старик не стал его рихтовать, а просто замазал царапины. Как вы понимаете, эмаль в купленной банке, оказалась другого оттенка. Но это стало заметно лишь после того, как она окончательно высохла.

Рачительный тесть берёт дорогую машину, за который выложил все свои сбережения. Он поднатужился и построил у домика дощатый навес. Под ним должен был всегда находиться «Москвич». Ну, чтобы краска не старела на кузове, не выгорала обивка салона и не разрушалась «торпедо» над передней панелью.

Обычно машина там и стояла, но каким-то удивительным образом, один странный день, оказался исключением из правила. Надо же такому случиться, что именно в этот момент, неизвестно откуда, налетела гроза.

Загремел оглушительный гром, налетел сильный ветер и хлынул струи дождя. Как говорится в старых летописях: – Разверзлись хляби небесные и пал град на землю.

Ледышки падали с неба, как из мешка. Сначала они были не больше горошины, но их размер стремительно рос. Когда с неба посыпались глыбы величиною с яйцо крупной кури-

цы, тесть всё же не выдержал и помчался спасать своё дорожное имущество.

Он надел, на голову пустое ведро и, прыгая через лужи козлом, поскакал к «Москвичу». Пока он бежал, вскрикивая от прямых попаданий небесных «камней», пока садился в кресло водителя, пока заводил остывший мотор, гроза вдруг закончилась.

Однако, даже минуты хватило на то, чтобы машина утратила свою привлекательность. От сильных ударов, во многих местах, появились приличные вмятины и даже царапины. На лобовом и заднем стекле возникли звёздочки трещин. Поверхность автомобиля походила на, побитое оспой лицо пожилого крестьянина.

Через какое-то время, на той же на даче, в машине загорелась проводка. Тесть метнулся к багажнику, схватил огнетушитель и надавил на рычаг. Как это ни странно, тот агрегат не захотел почему-то работать и не испустил из себя, ни капельки пены.

Испуганный пожаром мужчина, схватил ведро, стоявшее возле крыльца, и выплеснул воду в салон. Огонь тотчас погас, и повалил густой дым. К несчастью владельца, холодная влага попала на разогретые стёкла. Они тут же рассыпались на тысячи крошечных кубиков.

Тесть печально вздохнул и нанял человека для замены проводов и обивки. Механик поставил машину почти на реб-

ро и подпёр её снизу пирамидой из старой резины. Как уж там всё случилось, он потом не рассказывал.

Скорее всего, когда работа подходила к концу, покрышки выскользнули из-под автомобиля и «Москвич» упал на колёса. Стоявший поблизости мастер попытался отпрыгнуть. Он сделал это недостаточно резво, и правая нога бедолаги попала под кузов. Она не выдержала такого удара и сломалась, в трёх разных местах.

Плюс ко всему, от пожара весьма пострадал передний капот, и его тоже пришлось заменить. Новую крышку покрасили и точно попали в родной колер машины.

Но тесть очень рано обрадовался. Спустя один месяц, пигмент неожиданно быстро выцвел на солнце. Поверхность вдруг обрела белесый оттенок, который ни капельки не походил на цвет «Москвича».

Но самое странное заключалось в другом. Стоило вымыть машину, как свежесть и яркость покрытия возвращалась назад. На пару минут «Москвич» обретал прежний вид и сиял так ослепительно, словно недавно сошёл с заводского конвейера. Так продолжалось, пока не высыхала вода.

Пришла промозглая осень. Начались проливные дожди, и тесть услышал плеск где-то в багажнике. Он открыл задний капот и всё хорошо осмотрел. Везде было сухо.

Мужчина вернулся в машину, проехал несколько метров и резко затормозил. Сзади раздался всё тот же подозритель-

ный шум. Мало того, машина немного качалась вперёд и назад, словно бы в такт приходящим волнам.

Тесть поехал к механику. Тот не стал долго думать, шагнул к задним крыльям машины и постучал по ним костяшками пальцев. Звук оказался на удивление разным, но стало понятно, что-то было в двух этих полостях.

Ремонтник взял дрель и просверлил снизу небольшое отверстие. Едва он вынул сверло, как из дыры хлынула коричневая жидкость. Как оказалось, в обоих крыльях машины собралось не менее пяти вёдер воды. Как она туда попадала, так и осталось неразгаданной тайной.

После всех передрыг, даже в движении по ровной дороге, в машине дребезжали все стёкла. А стоило скорость прибавить, как ветер свистел в незаметных щелях. Обивка салона выглядела, как самоделка.

Во время езды, что-то постоянно стучало, гремело и равномерно позвякивало. При торможении, машина всегда останавливалась с устрашающим скрипом. Измученный тесть не смог этого долго терпеть и подарил «Москвич» зятю.

Сашка тотчас рассудил, что подарённому тестем коню, в зубы не смотрят, и с благодарностью принял подарок. Машину он ничуть не жалел и гонял её и в гриву, и в хвост. Он мотался на ней на рыбалку, охоту и, конечно, на дачу. Частенько выпивал на природе, но совсем не боялся влететь в какую-либо аварию.

Как-то раз, он возвращался вечером с дачи. Он целый день копал землю «под зиму», а за обедом принял с устатку стакан сорокаградусной водки. Ближе к наступлению ночи, Сашка решил, что совсем протрезвел и тронулся в путь.

На подъезде к Самаре автомобиль тормознул инспектор ГИБДД. Он сразу учуял запах сивухи и потребовал у бедолаги права. Сашка внезапно упёрся и заявил что не пил.

Служивый принёс специальный прибор и приказали водителю дунуть в тонкую трубочку. Тест показал содержание алкоголя в крови чуть выше нормы. Сашка не сознаётся в употреблении каких-либо напитков.. Он утверждает, что ничего сегодня не пил, а прибор неисправен и требует, лабораторного освидетельствования.

Скоро инспектор устал с ним препираться. Он сел за руль «Москвича», а хозяин устроился рядом, на пассажирском сиденье. Дело было в июле, и машине стояла жара.

Когда отъехали от поста ДПС, Сашка полез в бардачок. Инспектор напрягся и потянулся к кобуре с пистолетом. Вместо оружия парень вынул пакет мятных пряников. Он вскрыл упаковку и начал их есть один за другим.

Милиционер успокоился и стал с интересом следить за удивительным действием Сашки. Пряники оказались удивительно сладкие и достаточно чёрствые. Во рту стало сухо, словно в Сахаре, но хозяин машины не останавливался и продолжал усердно жевать.

– Ты бы их хоть водой запивал. – посочувствовал Саш-

ке инспектор.— Чего доброго, случайно подавишься. Отвечай потом за тебя.

Сашка молча ел всю дорогу и когда въехали в город, он с огромным трудом проглотил последний кусок. Наконец, добрались до лаборатории. Инспектор отвёл шофёра к врачу, где взяли кровь на анализ.

Спустя полчаса, лейтенант с изумлением узнал, что содержание алкоголя в крови у водителя ниже допустимого уровня. Пришлось служивому тотчас извиниться, и отпустить на волю задержанного.

Сашка получил ключи и права, и пошёл к «Москвичу».

— Скажи, только честно. — спросил парня инспектор. — Ты когда пил, сегодня?

— Вчера! — не задумываясь, ответил водитель и тут же добавил: — У меня организм очень слабый!

С течением времени, невезучий «Москвич» износился до крайних пределов. Сашка с облегчением вздохнул и продал его на запчасти. Он добавил денег и купил себе новую «Ладу». Оформив покупку, он уселся в машину и ощутил себя совершенно другим человеком.

Такси до Самары

– Здравствуй, Юля! – послышалось в динамике трубки: – Надеюсь, узнала?

– Привет, дорогая сестрёнка! – закричала Юля в ответ: – Когда ты приехала?

– Вчера, поздно вечером. Пока добрались из Курумоча до Мехзавода, уже поздняя ночь на дворе. Вот, прямо с утра тебе и звоню. Как ты живешь, как твоя милая дочь?

– Женечке три с лишним года. У меня всё нормально, как у вас там дела?

– Пока в полном порядке! Приезжай, мы с тобой обо всём поболтаем.

– Так ты сейчас у наших родителей? Есть кто-то дома?

– Мама на даче, а отец чинит большой телевизор. – Таня понизила голос и добавила шепотом: – Вчера уронил его на пол, сейчас ремонтирует.

– Опять был вчера сильным пьяный? С чего в этот раз?

– Да у нашей мамани очередной роман закрутился. Доброжелатели тут же всё доложили отцу. Он очень крепко напился и начал выяснять отношения. Слово за слово, дошло, как обычно, до драки. Мы ночью приехали, а тут дым коромыслом. В общем, телевизор упал с тумбочки на пол, но к счастью экран не разбился. Корпус перекосялся и слегка по-

царапался. Да ещё звук совершенно пропал.

– Ладно, встретимся в воскресенье, всё подробно расскажешь.

– Юля, ты приезжай сразу на дачу. Я буду с сыном, а ты возьми Женечку. После обеда, муж к нам придет. У него какие-то дела в Мехзаводе. Потом пожарим и поедем шашлыки.

– Договорились! Пока! – весело бросила Юля.

В воскресенье, в десять утра, Юля с дочуркой примчалась на дачу родителей. Там уже суетилась Татьяна. Рядом с ней находился её сын по имени Коля. Ему было шесть с чем-то лет. Сестры расцеловались и начали поочередно рассказывать последние новости.

Женечка с Колей тотчас подружились. Они уселись в устроенной дедом песочнице и стали во что-то играть. Тем временем, сёстры трепались о своей личной жизни.

Минут через десять, поток последних известий понемногу иссяк. Таня немного помялась и тихо сказала: – Ты знаешь сестрёнка, сегодня я шла с Колей на дачу и встретила Петю. Ну, ты его помнишь, брат моей лучшей подруги Ларисы. У нас с ним ещё до замужества был очень бурный роман. Он после моей свадьбы со Славой, с большого расстройств уехал из города, а месяц назад вернулся в Самару.

Мы с ним договорились, что встретимся в квартире Ларисы в 12 часов. Она по каким-то делам сегодня умчалась в

Тольятти. Хочу поболтать с ним о том и о сём, а там видно будет, как дальше дело пойдёт.

Мой муж с друзьями приедет сюда часа в три, в полчетвёртого. Так что, нам времени хватит на всё. Если Слава вдруг спросит, куда я девалась, скажи, что к Ларисе пошла. – не дожидаясь ответа, Таня вскочила, чмокнула Юлю в правую щеку и унеслась на свидание с первой любовью.

Юля осталась на даче с детьми.

В четвёртом часу, появилась раскрасневшаяся от удовольствия Таня. Минут через десять, к даче подъехала небольшая машина серебристого цвета. Из салона выбрался Танин супруг по имени Слава. С ним прикатили двое его закадычных друзей с жёнами и маленьким пуделем.

На скромном участке сразу же стало шумно и тесно. Гости принялись разгружать багажник машины. Они достали десятилитровую канистру, полную пива, пакеты с продуктами и кастрюлю с порезанным мясом, замаринованным для шашлыка. Пудель скакал возле людей и радостно лаял.

Мужчины нарубили дрова и развели сильный огонь в старом мангале. Женщины стали мыть фрукты-овощи и резать салаты. Танин муж начал повесть о том, как он выбирал на рынке продукты, как торговался и как расплачивался за дорогие покупки.

В ходе рассказа Слава сунул руку в карман тёртых джинсов и жестом банкира вытащил полную жменю смятых ку-

пюр. Со стороны это выглядело довольно эффектно. Вот только все бумажки в руке имели один и тот же, самый небольшой номинал. Жена и друзья, хорошо знали парня. Они уже очень давно не обращали внимания, на его фанфаронство.

Наконец, шашлыки были готовы. Началось долгожданное пиршество. Таня была очень весёлой и стала рассказывать смешные истории. Все они, почему-то касались лишь её младшей сестры.

Юля смущалась и сильно краснела. Таня не обращала внимания на её недовольство. Она продолжала травить те потешные байки, которые не очень-то принято выносить из семьи.

Юля решила ответить сестре той же монетой. Она дождалась, когда все успокоились и веско сказала: – После окончания школы Таня познакомилась с замечательным парнем.

Все, в том числе и супруг, с большим интересом посмотрели на Таню. Не замечая грозных взглядов сестры, Юля продолжила: – Они встречались всё лето. Осенью парень завербовался на промысел рыбы. Уезжая на Дальний Восток, он пригласил Татьяну с собой.

Сестра собрала чемодан и, не сказав никому ни единого слова, поехала с ним. Мне Татьяна велела хранить её тайну ровно два дня. На третьи сутки, я всё сообщила мамаше. Ох, и досталось мне тогда от родителей, за то что я столько мол-

чала. Они тут все с ума посходили и уже собирались обратиться в милицию.

Переждав общий смех, Юля заговорила опять: – Поезд да Владика шёл две недели. Дней через двадцать, мы получили от неё телеграмму:– «Мама вышли денег на дорогу домой. Владивосток, до востребования». Мать вытащила записку отца и отправила Тане приличную сумму.

Через неделю приходит ещё телеграмма:– «Мама вышли денег мне на дорогу. Хабаровск, до востребования». Ещё через неделю:– «Мама вышли денег на поезд. Благовещенск, до востребования». И так далее, раз в неделю, приходила к нам телеграмма с одинаковым смыслом. Менялись лишь города.

Ираида Васильевна занимала денег у родных и знакомых и отсылала по нужному адресу. Через два с лишним месяца, Таня вернулась домой. Мать её спрашивает что, случилось дочка в дороге? Почему ты так долго добиралась в Самару? Ты что, постоянно отставала от поезда?

На даче повисло заинтересованное молчание. Юля выждала драматическую театральную паузу и спокойно закончила: – Нет, мама, – отвечала ей Таня, – просто я из города в город ехала на машине такси. Мама чуть не рехнулась от такого ответа. Она влезла в большие долги, чтобы её любимая дочка доехала из Владивостока в Самару в такси.

За столом разразился гомерический хохот.

Чтобы переключить вниманье, на что-то другое, Таня

прикрикнула на своего сына Колю: – Ты почему, только мясо жуёшь, а сало бросаешь. Оно тоже полезное. Ешь шашлык весь, целиком.

Коля откусил самую малость жирной субстанции. Чуть пожевал и с трудом проглотил. Мальчик недовольно поморщился и отдал кусок чёрной собачке, крутившейся рядом. В разговор вмешалась хозяйка животного: – Не давайте ей сало, у неё будет расстройство желудка!

Коля взглянул на свою строгую маму и изумлённо спросил: – А у меня, расстройства не будет? – теперь уже все смеялись над Колей.

На десерт был предложен большой кремовый торт и свежесваренный чай. Кондитерское изделие умело разрезали на большие куски. Разложили ломти по тарелкам и раздали всем, кто сидел за столом.

– Хочу сливочное мороженное. – вдруг закапризничал Коля.

– Мороженого тут сейчас нет. – строго сказала тётя Татьяна. – Ешь вкусный торт.

– Не хочу этот торт. – заканючил ребёнок: – Почему нет здесь мороженого?

– Деньги закончились. – отрезала мама мальчишки.

– Хочу сливочное мороженное.

– Ты же мальчик, у тебя должна быть сила воли. – поддержал жену Слава, Колин отец.

– Нет у меня силы воли.

– Значит, будем её выработать. – продолжал гнуть своё суровый родитель.

– А как? – неожиданно спросил сорванец.

– Если хочешь мороженное, а его рядом нет, значит нужно терпеть, а не ныть. Понял?

– Понял... – Коля печально вздохнул и уныло добавил: – Хочу сливочное мороженное.

Маленькая Женечка сидела молчком.

Десерт скоро съели. Посуду убрали и быстро помыли. Наконец все собрались в дорогу. Танин муж с друзьями, собакой и жёнами погрузились в машину и тут же уехали.

На даче остались сёстры с детьми. Расставив по полкам тарелки, стаканы и чашки, женщины заперли домик. Все вышли на дачную улицу. Таня закрыла калитку и тихо сказала: – Юля, отведи сына, пожалуйста, к нам, а я забегу на минутку к Ларисе.

Юля лишь удивлённо пожала плечами. Мол, делай, что хочешь. Взяв детей за руки, она пошла к дому матери. Благо идти было не так далеко. Всего минут двадцать спокойного хода.

Они уже подходили к родной пятиэтажке. Вдруг Коля вырвал ладошку из руки своей тёти и помчался вперед. Где-то поблизости зашумела машина. Юля подхватила дочку подмышку и метнулась за мальчиком.

На краю тротуара она догнала племянника и схватила за

ворот рубашки. Женечка неожиданно, дёрнулась. Сандалики дочки попали между коленками мамы. Юля чуть не споткнулась. На ногах она устояла, но качнулась в сторону здания.

Коля снова попробовал вырваться. Юля ударилась головой о стену. Приложилась виском не очень и сильно, но кожу слегка повредила. Восстановив равновесие, женщина строго спросила мальчишку: – Куда ты бежишь?

– Да вон же наш дом. – ответил племянник.

– Держись возле меня. – отрезала Юля. Коля вздохнул и пошёл рядом с тётей.

Юля с детьми пришла в квартиру родителей. Она сдала Колю своей старой маме, Ираиде Васильевне, и поболтала о том и о сём. Хмурый отец смотрел телевизор и не желал ни с кем разговаривать

Обработав спиртом глубокую ссадину, Юля простилась со всеми и поехала с дочкой в Самару. Добрались они удивительно быстро. Дома жена рассказала мужу о травме.

Осмотрев неглубокую ранку, супруг спокойно сказал: – Ничего, в общем, страшного. Только к утру, может возникнуть синяк. Подружки начнут тебя спрашивать, что мол, и как? Подумай о том, что завтра будешь им отвечать?

Юля молча пожала плечами.

Утром синяк появился во всей своей сине-багровой кра-

се. Отыскав самые большие очки с затемненными стёклами, Юля одела их нос и поехала на работу, в больницу. Всю дорогу она размышляла, как рассказать о случившемся?

Около полугода назад, на работу пришёл сотрудник с таким же большим синяком. Она отлично запомнила, как люди вокруг с хихиканьем слушали его объяснения.

Мол, дверца у мебельной стенки сорвалась с креплений и ударила его по лицу. Едва он ушёл за порог, как все со смехом припомнили, что жена у него любит распускать кулаки.

Не придумав ничего интересного, Юля вошла в кабинет. Она поздоровалась и сняла большие очки. Все тут же взглянули на её огромный синяк.

Неожиданно для себя, Юля вдруг подбоченилась и громко сказала: – Что у меня, мужа нет что ли? – и гордо посмотрела вокруг.

Все молчком отвели глаза в сторону. Что они говорили потом, Юле было без разницы.

ВЫВИХ

Российская империя часто меняла размеры, название и политический строй, но, как ни крути, а приходится защищать свою территорию от ближайших соседей. Поэтому, вдоль южных границ СССР был создан пограничный район. Все жители данной местности имели паспорта со специальной отметкой.

Любой другой человек, не прописанный в этих зонах, мог приехать к родным лишь после того, как получал в КГБ особый одноразовый пропуск. Совершенно естественно, что иностранным шпионам не удавалось проникнуть туда ни при каких обстоятельствах.

Нужно напомнить, что в те времена, ребята в азербайджанских колхозах работали с нежного раннего возраста, а трудовые книжки они получали после того, как им исполнилось пять лет. Так что, у Любы тоже имелся такой документ. Он назывался «вкладышем к трудовой книжке» и до сих пор лежал, где-то в шкафу.

Причём, дети разных народов «пахали» не только в каникулы, но и в прочие месяцы года. Кончались занятия в классе, и давай-ка голубчик, двигай на ток, или в полевую бригаду. До заката её очень многое можно успеть.

В 1946 году, девушка окончила среднюю школу. К четыр-

надцати годам, Люба имела неплохой аттестат о семилетнем образовании и трудовой стаж, приближавшийся к двум пятилеткам. Кроме того, она была комсомолкой, спортсменкой и, наконец, просто красавицей.

За это время она успела поработать на ферме, на виноградниках, на табачных и на хлопковых плантациях. Благодаря организаторской жилке, она стала бригадиром полевой школьной бригады и вела отчётность перед правлением не хуже взрослых товарищей.

В то тяжёлое время отец Любы – Фёдор Терентьевич Соболев работал председателем их большого колхоза. К нему иногда приезжал руководитель экспедиции «Азморнефте-разведки».

Тогда в данном районе искали чёрное золото, бурили везде, где только возможно, в том числе, и на землях сельхоз-предприятия. В связи с чем, постоянно возникали вопросы, которые приходилось решать.

Этот крупный начальник познакомился с Любой и предложил ей устроиться в его контору, начальником отдела кадров. Нужно напомнить, что в те далёкие послевоенные годы в стране были огромные сложности. Грамотных людей, хорошо знавших русский и азербайджанский язык, везде не хватало, а ехать в подобную глушь из Баку, желающих найти не могли.

Несмотря на высокую должность отца, жили они удиви-

тельно бедно. Воровать в эту пору, было не только не принято, но и смертельно опасно. За хищение социалистической собственности давали огромные тюремные сроки, а то и расстрел. Меж тем, их большая семья состояла из двух взрослых людей и семи дочерей. Люба самая старшая.

В колхозе платили тогда очень мало, а в «нефтеразведке» оклады оказались значительно больше. Люба поговорила со своей милой мамой и та посоветовала: – Иди дочка, только пока, никому не болтай.

В понедельник отец уезжает в Баку, в министерство, выбивать кое-какие запчасти. Он будет там всю неделю. За эти дни ты устроишься на новое место и начнёшь там работать. Ну, а потом, когда отец всё узнает, он покричит и утихнет.

Ранним утром Фёдор Терентьевич, отправился в столицу республики. Через десять минут, Люба тоже вышла из дома. Контора «нефтеразведки» тогда находилась в десяти километрах от села Новоголовки.

Так что, в восемь часов она оказалась в кабинете начальника. Её приняли на должность начальника отдела кадров. Показали рабочее место и ввели в курс работы.

Мало того, новой сотруднице дали подъёмные и спец.одежду. Кроме шинели, шапки-ушанки и ботинок военного кроя она получила американский комбинезон из синей парусиновой ткани. На нём имелось много карманов и необычных заклепок. На каждой из них было написано странное

слово – «jeans».

Вечером, после работы Люба прибежала домой и отдала все это богатство своей маме – Евдокии Николаевне Соболевой. Деньги, по тем временам, оказались просто огромными. Да и вещи оказались не лишними. С шинели тотчас спороли все знаки различия, и получилось пальто для второй сестры – Маши.

Ботинки хорошо подошли Наде – третьей сестре. Шапку и комбинезон постановили продать, а, на добытую «спекуляцией» сумму, купить обновки всем остальным. Подъёмные дружно решили, пока что не трогать.

Утром нового дня, Люба примчалась в «Нефтеразведку» и приступила к работе. После обеда, девушка вместе с начальником села в кабину «студебеккера». Они поехали по буровым, знакомиться с остальными участками.

Спустя пару дней, провели комсомольское собрание, на котором начальник представил сотрудникам Любу и предложил её кандидатуру в качестве секретаря «Нефтеразведки».

Он уже верховодила комсомолом в своей семилетке. Так что, опыт подобной работы у неё оказался немалый. Все дружно проголосовали за нового «кадрика». Предыдущий молодёжный вожак сдал ей печать, несколько папок с бумагами. Пожелал огромных успехов, а сам отбыл в район, на повышение по линии ВЛКСМ.

Первое время, Люба утром ходила на работу в контору,

а вечером возвращалась в родное село. Десять км в каждую сторону, это не шутки и она попросила начальника поскорее решить вопрос с её проживанием.

Товарищ Ахметов удивился тому, что она до сих пор ходит на службу из дома. Он позвонил куда надо и дал кому нужно, разгон.

Поздним вечером Люба пришла в общежитие, где её встретила дородная азербайджанка лет тридцати. Она выдала новой жиличке бельё для устройства постели и повела на отведённое место девушке. В коридоре им встретился большой рыжий кот.

– Это питомец нашей бухгалтерши. – сказала вдруг комендантша, – Очень наглый зверюга. Глав.бух. живёт в отдельной конурке, что расположена в конце коридора. Ты с ней не шути, на редкость склочная баба.

Женщина остановилась у одной из дверей. Она отперла замок и сказала: – Вот и пришли. Все твои три соседки ушли в сельский клуб. Туда привезли трофейный фильм из Германии. Вот тебе ключ. Будешь куда уходить, сдашь его мне, а пока размещайся.

В небольшой комнатке находились четыре железные койки и столько же тумбочек. Маленький обеденный стол и несколько простых табуреток. У стены стоял самодельный шкаф «типа комод», с выдвигаемыми широкими ящиками. На нём виднелось несколько безделушек и роскошное новое

зеркало размером с тетрадный листок.

Пока Люба стелила кровать, разбирала чемодан из фанеры и раскладывала вещи в своём уголке, за порог заступил давешний кот. Гость, молчком осмотрел помещение, подошёл к небольшому комоду и запрыгнул наверх.

Девушка с интересом взглянула на рыжую бестию. Осторожно двигая пушистые ноги, любимец бухгалтерши шёл меж безделушками. Он добрался до зеркала, остановился и уставился большими глазами на Любу.

– Брысь! – сказала она.

Кот презрительно фыркнул и, не отводя в сторону наглого взгляда, столкнул зеркало с верхней части комода. Сверкнув амальгамой, оно несколько раз кувыркнулось в полёте, со всего маху грянулось об пол и разлетелось в мелкие дребезги. Сотни осколков брызнули в разные стороны.

Люба застыла от изумления. Наглец глянул вниз, на стеклянное крошево, и не стал рисковать своим мягкими лапами. Он спрыгнул на ближайшую койку. Задрал хвост трубой, прошествовал по покрывалу, соскочил на чистые доски возле порога и скользнул в коридор.

Не успела Люба придти немного в себя, как за дверью раздались голоса. В комнату со смехом ввалилась ватага девочек. Среди них были представители разных народов: русские, азербайджанки, армянки, тальшки и даже фарси.

– Привет, секретарь. – сказала одна из соседок. Люба

немедленно вспомнила, что видела её на собрании.

Затем всё веселье разом затихло. Нужно признаться, для этого у всех появилась причина. Картина, открывшаяся взору вошедших, оказалась достаточно странной. В одном углу стояла Люба с одеялом в руках, в другом комод, с осколками нового зеркала, что ярко блистали на голом полу.

– Кот сбросил на пол! – объяснила смущённая Люба.

Кто-то сбегал за комендантшей. Когда дородная женщина появилась в дверях, соседки, словно все сговорились и стали кричать на двух языках, на азербайджанском и русском.

Речь шла о том, что отвратительный кот разбил прекрасное зеркало. Мало того, он постоянно шкодит, гадит, ворует еду и вообще, его пора приструнить. Худые девчонки сновали вокруг упитанной женщины, словно шустрые ласточки возле флегматичной совы.

Неожиданно в дверь вошла холёная дама с высокомерным лицом.

– Бухгалтерша. – решила Любаша.

Увидев её, девчонки совсем разъярились. Крики набрали небывалую силу. Какое-то время дама их внимательно слушала. Затем, ткнула пальцем в смущённую Любу и изрекла непререкаемым тоном: – Зеркало разбила она. – после чего, громко добавила: – Мой кот не мог этого сделать! – бухгалтерша повернулась и, гордо вскинув красивую голову, вышла из комнаты.

Все ошарашено смолкли.

– Кот не мог этого сделать! – повторила одна из соседок: – А секретарь комсомольской организации мог!

Утром нового дня, вся контора «Нефтеразведки» обсуждала необычные новости. Мнения, как всегда, разделились. Комендантша встала на позицию нейтральной державы. Мол, свидетелей нет. Можно верить тому, кто тебе больше понравится.

Однако, всех волновал главный вопрос, кто будет в ответе за погибшую собственность великой страны? То есть, кто же заплатит за дорожущее зеркало – глав.бух или ком.секретарь?

Ближе к вечеру, дело дошло до начальника экспедиции. Товарищ Ахметов оказался на нелёгком распутье. Кого наказать полновесным советским рублём? Обе дамы – начальники ведущих отделов «Нефтеразведки» и прекрасно работают. Так что, ссориться из такой ерунды он ни с кем не хотел. Как истинный восточный мудрец, он принял решение, достойное царя Соломона – списать разбитое зеркало!

В пятницу, ближе к обеду, во двор конторы влетели два крепких джигита. Осадив коней возле крыльца, они ловко соскочили на землю. Привлечённая стуком копыт, Люба оторвалась от кучи бумаг и посмотрела в окно. Одним из двух всадников был её любимый отец – Фёдор Терентьевич, председатель родного колхоза, а вторым её крестный – парторг

того же сельхозпредприятия.

Дядюшка принял скакунов под уздцы и остался на месте. Похлопывая ногой по голенищу сапог, отец шумно протопал по коридору и вошёл в отдел кадров конторы. Едва сдерживая бушевавшее бешенство, он заявил: – Любка! Быстро сложи дела в сейф!

Трясушимися руками, девушка начала собирать все бумаги.

– Запри замок и опечатай дверцу на сейфе! – продолжил отец.

Люба, сделал всё, что велели.

– Закрой и опечатай отдел! Сдай ключи глав.буху «нефте-разведки»! – послышалась другая команда. Пока Люба выполняла приказы, отец грозной тучей нависал над столом.

Закончив сдачу ключей и печатей, родственники вышли из тесной конторы. Мужчины вскочили на чуть отдохнувших коней и погнали Любу домой – в Новоголовку.

Худенькая невысокая девушка бежала чуть впереди, как молодая рабыня, которую пленили хазары. За ней гарцевали два хмурых абрека и, время от времени, щёлкали в воздухе своими нагайками.

В таком вот порядке, они прошли десять вёрст, всего лишь за час.

Мама девушки возилась в тот день на веранде. Она подняла голову и увидела такую картину. Задыхаясь от быстро-

го бега, Люба влетела во двор родимого дома. Следом за ней, верхами ехал отец вместе с крёстным.

Женщина бросилась к измученной дочери и, прижав её крепко к себе, завопила на мужа: – Фёдор, наказание какое, да что же ты делаешь?

Отец спрыгнул с седла, бросил крёстному повод коня и, швырнув нагайку на землю, в ответ закричал: – Евдокия! Как председатель, я запрещаю детям колхозников уезжать из села. Тем временем, моя старшая дочь тайком сбежала на сторону? Нет уж, она будет работать в полях, так же, как и все остальные. Завтра же утром, пойдёт на прополку арбузов.

В семье началась перепалка. отец стоял на своём. Сердобольная мама пыталась ему возражать. Минуту спустя, возле ворот остановился боьшой «студебеккер». Из просторной кабины вылез начальник «Азморнефтеразведки» товарищ Ахметов.

– Фёдор Терентьевич! – вклинился он в разговор. – Я возвращаюсь в контору, и мне сообщают, что ты угнал в свой колхоз моего заотдела по кадрам. Это, как понимать? Ты разве не знаешь, что моя экспедиция выполняет очень ответственное поручении партии? Стране не хватает нефти и газа и у нас каждый человек на счету.

– И в нашем колхозе каждый человек на счету! – закричал в ответ разъярённый отец. – И зерна тоже пока не хватает. А кто его будет выращивать, если все убегут завтра в город?

– Во-первых, не в город, а в геологическую партию! Во-

вторых, без нефти не будет бензина, тракторов и машин. Так что, не на чем будет пахать.

– На быках землю вспашем, и всё уберем. А вот без хлеба вы не набурите много.

Разговор перешёл в бурный диспут о том, что же важнее яйцо или курица?

Евдокия Николаевна обняла уставшую Любу и увела её в дом. Мужчины ещё долго кричали один на другого. Мало-помалу, обсуждение становилось спокойнее и конструктивнее.

Солнце медленно клонилось к западу, и мама накрыла на стол. Она принесла из подвала литр самогона и четверть с домашним виноградным вином. Позвали шофера из «студбеккера» и сели все ужинать. После еды водитель вернулся в машину, а руководители двух предприятий продолжили свой разговор.

Часам к девяти они, наконец, всё обсудили и договорились о том, что геолог напишет в правление колхоза письмо. В нём будет просьба об откомандировании Любы в распоряжение «нефтеразведки».

В качестве шефской помощи, колхоз получит кое-какие запчасти, а так же горючее. В случае необходимости, во время уборки, Ахметов будет им выделять трактора и машины.

В десять начальник поднялся из-за стола. Он простился отцом измученной девушки и, немного пошатываясь пошёл

к «студебеккеру». После выпитого на двоих самогона с вином, отец только стал слегка заикаться.

Он проводил важного гостя до автомашины и помог ему забраться в кабину. Руководители ещё один раз ударили по рукам, позвали Любу, и начальник важно сказал: – Мы всё уладили. Завтра ты продолжаешь работать в конторе начальника отдела кадров. – потом он повернулся к шофёру и бросил: – Поехали!

В восемь утра Люба уже находилась в своём кабинете. Жизнь продолжала вертеться, как колесо.

В «Нефтеразведке» трудилось много людей, приехавших из разных мест огромной страны. Работы велись в пограничном районе. В связи с чем, порядки там были суровые. Каждый квартал, все сотрудники сдавали свои паспорта начальнику отдела кадров. Она брала документы и возила их в Бакинское управление КГБ. Там бумаги вновь проверяли и продлевали действие временных пропусков.

Прошёл положенный срок. Настал день, когда нужно было ехать в столицу Азербайджанской республики. Люба собрала несколько сот паспортов. Она аккуратно сложила их в большую прочную сумку, села в кабину машины и отправилась в путь.

Нужно сказать, что село Новоголовка находилось в трёхстах километрах от центра. Асфальтированных шоссе тогда ещё не было. Поэтому, чтобы обернуться за день, выехали

сразу после рассвета.

Весь прошлый вечер Люба провела в местном клубе. Сначала смотрела индийскую мелодраму. Потом были танцы и неспешные провожания одного ухажёра. Они продлились немного за полночь.

Дорога к столице в тех дальних местах удивительно скучная. Она шла по выжженной солнцем равнине, представлявшей собою полупустыню. Далеко на юго-западе маячили тёмные горы. Изредка попадались небольшие речушки. Вдоль них тянулись бедные русские, азербайджанские и армянские сёла.

Унылый, монотонный пейзаж нагнал на Любу усталость, а затем и сонливость. Не помогли ни обзор ближайших окрестностей, ни болтовня со старым шофёром.

Страшной силы зевота напала на бедную девушку и начала разрывать её миленький ротик. Во время такого зевка, машина налетела на рытвину, которых было не счесть на пыльном просёлке.

Пассажирку резко трянуло. Головка челюстного сустава выскочила из углубления в черепе. Люба пыталась закрыть распахнутый рот. Однако, нижняя челюсть сдвинулась немного вперёд и не вставала на прежнее место.

Девушка хотела сомкнуть зубы силой, но ничего из этой затеи не вышло. Она попробовала сказать об этом шофёру, но опять не смогла. Вместо разборчивой речи донеслось лишь мычание.

Пассажирка схватила водителя за правую руку и, развернув, показала ему на себя. Ее лицо удлинилось, вывихнутый сустав стал опухать, из открытых губ потекла тонкая нитка слюны.

Шофер остановил грузовик и уставился на молодую попутчицу. Коверкая слова, она кое-как рассказала о том, что случилось. К счастью опечаленной девушки, мужчина оказался из местных. Он сразу вспомнил, что в соседнем селе имеется врач. Он русский, окончил мединститут где-то в Поволжье. Приехал сюда по направлению и работает в этом районе уже несколько лет.

Водитель предложил поехать к нему. Девушка тотчас закивала. Машина развернулась в обратную сторону и, громко ревя мощным мотором, помчалась в другом направлении.

Люба тряслась на жёстком сидении, страдала от боли и держала руками отвисшую челюсть. Она взяла из кармана носовой платок и вытирала постоянно набегавшие слюны.

Скоро въехали в большое село. Там быстро нашли скромный медпункт, закрытый на амбарный замок. Шофёр спросили местных жителей. Люба с огорчением узнала, что ещё ранним утром врач уехал в деревню, что лежит в двадцати километрах к востоку.

Помчались по новому адресу. Добрались до места, а там вся история опять повторилась. Потом ещё раз и ещё. В разноречных деревнях они слышали один и тот же рассказ: –

Был врач сегодня с утра. Осмотрел всех больных. Сел на попутку и отправился дальше.

Ближе к вечеру, они сделали круг по району и, наконец-то, догнали русского медика в том самом селе, откуда начали поиски.

Молодой человек интеллигентного вида, был чем-то похож на Михаила Булгакова. Он вымыл с мылом руки под жестяным ручкомойником и подошёл к пострадавшей. Затем посадил девушку на табурет, лицом к себе и встал перед ней.

Люба жалобно смотрела на доктора. Он внимательно изучил челюсть и осторожно ощупал снаружи. Потом сунул большие пальцы двух рук в распахнутый рот и утвердил подушечки крайних фаланг на нижних коренных зубах пациентки. После чего, обхватил ладонями нижнюю челюсть и сильно потянул её вниз.

Любе вдруг показалось, что человек, пригивавший её к деревянному полу, сейчас переломит ей тонкую шею. Голова оторвётся и покатится неизвестно куда. Она схватилась руками за табурет и, стараясь выпрямить спину, напряглась, как только могла.

Продолжая тянуть челюсть вниз, врач толкнул её от себя, и немного поднял. Сустав беззвучно встал на прежнее место, предназначенное мудрой природой. Доктор вынул пальцы изо рта пациентки, и сказал: – Попробуйте сейчас закрыть рот.

Не веря в то, что всё уже кончилось, Люба, осторожно сжала непослушные челюсти. В этот раз они прочно сомкнулись.

– Теперь голубушка, ты всё время должна следить за собой. – сказал эскулап: – Зевать нужно весьма осторожно, а не на всю ширину. Лучше всего, придерживать челюсть рукой.

Подобная травма у женщин всегда превращается в, так называемый, «привычный вывих». Если это случится ещё один раз, то будет потом повторяться всю твою жизнь. На всякий случай, я тебе объясню, как самой вправлять себе челюсть. – он рассказал, что и как он всё недавно проделал и строго спросил: – Ты запомнила? Повтори.

Девушка тотчас повторила.

– Хорошо! – похвалил её доктор: – Будьте здоровы.

Люба поблагодарила врача. Вместе с шофёром вышла из медпункта на улицу и вдруг увидела, что начинает темнеть. Только теперь, она вспомнила про тяжёлую сумку, полную паспортов и оставленную без присмотра в пустом «студебекере».

Девушка бросилась к грузовику и облегчённо вздохнула. К счастью, никто не осмелился влезть в большую кабину.

В то давнее время, люди в глубинке не так уважали, как сильно боялись военных машин. А надпись «Азморнефте-разведка», выведенная белой краской на дверцах, являлась верительной грамотой всемогущих послов. Она защищала

любой грузовик лучше всякого сторожа.

– До Баку мы сегодня с тобой не доедим. – сказал старый шофёр. – Бензин почти весь уже кончился, а денег всего с гулькин нос. Не хватит, чтобы заправиться.

– Вернёмся домой. – согласилась усталая Люба.

К конторе они подъехали ближе к полуночи. Несмотря на столь позднее время, окна во всех кабинетах ярко горели. Не успела девушка спрыгнуть на землю, как из здания выбежал удивительно злой товарищ Ахметов.

– Где вас черти носят обоих? – заорал он во весь голос: – Мне из Баку позвонили. Сказали, что вы где-то пропали с целой горой документов. Всю погранзону подняти уже по тревоге. Вас ищут сотни солдат. Вы понимаете, чем это нам, всем грозит?

А грозило всем это – очень большим заключением.

Люба начала объяснять. Шофёр тихо поддакивал. Начальник позвонил погранцам и доложил, что всё в полном порядке. Паспорта и люди на месте. Просто курьер получил сильную травму и оказался в больнице.

Из трубки слышался забористый мат и обещание пересягать всех в тюрьму, кого только возможно. Мало-помалу, на том конце провода слегка успокоились. Абонент пригрозил огромными сроками и напоследок сказал: – Сегодня отбой! Завтра во всём разберёмся!

От тюрьмы всех спасло одно обстоятельство. Дело всё в

том, что в Закавказье, огромную роль играли знакомства и связи. К счастью, в то давнее время, двоюродная тетушка Любы оказалась женою начальника той пограничной заставы, которую подняли по команде «в ружье». Другая сестра её матери являлась супругой директора Бакинского ГУМа.

Так что, кончилось всё без ужасных последствий. Каждый получил лишь по административному «втыку». Любу, как главного виновника всей передраги, на месяц перевели в простые диспетчеры и вкатили ей строгий выговор от ВЛКСМ. Начальник получил по линии партии, а шофёр от родных профсоюзов.

Вот только вывих челюсти превратился в «привычный» и остался у Любы на всю её долгую жизнь.

После нескольких лет скитаний по безводной степи, руководитель геологической партии получил повышение. Он переехал в город Сальяны, расположенный в ста пятидесяти километрах от столицы республики.

Часть сотрудников он «увёл за собой». Среди них оказалась и Люба. Какое-то время, она жила общежитии «Азморнефтеразведки». Потом шеф выбил для «кадрика» трёхкомнатную квартиру в новом районе.

Не успела девушка хорошенько обжиться в новых хоромах, как геолога перевели в столичный Баку. Люба поехала следом и стала работать в большом гараже, которым теперь управлял товарищ Ахметов. Около года, она приезжала в Са-

льяны по воскресеньям, проводила в своём новом доме пару часов и возвращалась назад.

Чтобы квартира не стояла пустой, она пустила подругу-армянку пожить в одной комнате. Потом, поселила в соседней клетушке другую товарку – азербайджанку. Затем, пришла русская женщина с малолетними детками и попросилась к ней на постой.

Люба и ей не смогла отказать. Она собрала небольшой чемодан из фанеры, переехала в Баку насовсем, где опять оказалась в общежитии. Больше она от советской страны никогда ничего не имела.

Девушка получала лишь небольшую зарплату за упорный самоотверженный труд. Маленький дом Люба построила на те скромные деньги, которые она, вместе с мужем, зарабатывала в «Азморневтеразведке».

Верховой

В 1950 году, моему отцу Филичкину Тимофею Ивановичу исполнилось восемнадцать лет от рождения. Его призвали в советскую армию и, по тогдашней традиции, тут же отправили на противоположный конец СССР.

Он оказался в Баку, где служил в артиллерийском полку, расположенном на дальней окраине столицы Азербайджанской республики. Вместе с ним тянул лямку родной брат Гелены Великановой. Была такая эстрадная дива, гремевшая в то давнее время на всю нашу страну. Самая её известная песня называется – Ландыши.

Вместе с приятелем, Тимофей ходил в увольнительные и даже бегал, иногда «в самоволку». В одной из таких вылазок в город они познакомились с моей будущей мамой – Соболевой Любовью Фёдоровной. Она была девушкой очень эффектной и оба парня сразу влюбились в красавицу. Какое-то время она выбирала из двух ухажёров и усиленно думала, кому же отдать предпочтение?

Владимир – близкий родственник известной певицы. Приехал в Баку из Москвы и часто показывал письма знаменитой сестры. Она сообщала о новостях всесоюзной столицы и всегда добавляла, что очень скучает по любимому брату.

А в одном из посланий Гелена писала, что недавно вер-

нулась с зарубежных гастролей и на заработанные за границей деньги купила ему легковую машину, «Москвич» серого цвета. В отличие от него, Тимофей – простой парень из большого совхоза, что расположен на границе Куйбышевской и Ульяновской области.

Как водится в такой ситуации, всё дело решила нелепая мелочь. Во время одной такой встречи в Баку, на троицу молодых и беспечных людей случайно наткнулся старшина той воинской части, в которой служили оба солдата.

Командир увидел своих подчинённых. Он сразу понял, что они «ушли в самоволку» и решил покарать их за дерзкий проступок. Он поставил солдат по стойке «смирно», а затем, приказал: – Лечь на асфальт и ползти.

Ничуть не колеблясь, Владимир растянулся в пыли и попластунски устремился вперёд. Тимофей упрямо набычился и отказался исполнить команду, что унижала его в глазах юной девушки.

Старшина приказал двум бойцам немедленно отправиться в часть и доложить дежурному офицеру о том, что они оба наказаны. За отлучку без спроса начальства, москвичу дали два наряда вне очереди, а самарцу вlepили неделю гауптвахты.

После этого случая, сердце моей милой мамы рванулось к «невинно пострадавшему парню». Ну, а второй претендент остался, увы, не удел. Не помогло и родство со знаменитой певицей.

В 1953 году срок службы у Тимофея окончился. Он устроился на нефтепромыслы, и девушка стала ему верной женой. Первое время, молодожёны жили каждый в своём общежитии и лишь изредка, ночевали у хороших друзей, что имели жилплощадь.

Оба ударно работали и постепенно скопили немного денег. Сколько смогли, они заняли у родных и знакомых. Хорошо поднатужились и купили дом-развалюшку, состоявший из одной крохотной комнаты и маленькой кухоньки.

Небольшая хибарка стояла на крутом склоне горы, на проезде Баилова, недалеко от района Баку под названием – Шихово. Супруги побелили все помещения дома и стали жить счастливой семьей.

Одним хмурым утром, Люба проснулась из-за того, что ощутила под телом непривычную сырость. Она пощупала себя в разных местах, вроде сухая: – «Неужто Тимофей обмочился?» – мелькнула в её голове неприятная мысль.

Тут она поняла, что любимый супруг тоже не спит, а тихо лежит и старается не шевелиться в постели. Чтоб разрешить неприятную для всех ситуацию, Люба решительно села в кровати. Она спустила ступни и оказалась почти по колено в чём-то холодном и мокром.

Она завизжала, вскочила на ноги, громко шлёпая по непонятной субстанции пошла к выключателю. Муж поймал Любу за расплневшую талию уже возле самой стены. Он схва-

тил её за руки и не дал щёлкнуть тумблером.

Молодожены чуть успокоились и, трясаясь от жуткого холода, осмотрелись вокруг. Благо, что уже занимался рассвет. Выяснилось, что они стоят в холодной, густой, грязной жиже. Кое-где с потолка падали редкие крупные капли. Лишь после этого они сразу поняли, что же случилось? По крыше стучал сильный дождь, который очень редко бывает в Баку.

– Не включай пока свет! Сейчас я открою наружную дверь! – приказал муж жене. Он направился к выходу и с ощутимым трудом распахнул разбухшие створки. Скопившаяся в помещенье, вода с шумом рванулась во двор, а оттуда на улицу.

Как потом оказалось, всё это случилось из-за недалеко-видных соседей, живших чуть выше по склону горы. Кто-то из них, отвёл сточную канаву проулка прямо к задней стене их неказистого домика.

Совершенно естественно, что вода потекла по ней вниз, нашла щели в кладке и проникла в тесную комнату. Она растеклась по деревянному полу и, постепенно накапливаясь, поднялась до колен. После чего, добралась до панцирной сетки, провисшей от веса двух спящих людей, и своей сыростью разбудила супругов.

– Повезло, что свет не включили. – судачили после соседи: – А то уже были поблизости подобные случаи. Целые семьи убило электрическим током.

– Хорошо, что успели выпустить воду из комнаты. – рассудительно добавляли другие: – Не дай Бог, размокла бы глина под стенами. У их развалюшки и фундамента-то нет никого. Рухнул бы домик, и придавило всех крышей до смерти.

Вот так началась их совместная жизнь в солнечном жарком Баку. Спустя определённое время, Люба уехала к матери в село Новоголовку, рожать любимого сына. Тимофей занялся подведением фундамента под капитальные стены, а так же ремонтом прохудившейся крыши.

В те времена ещё не умели пробивать наклонные скважины, уходящие от вертикали на множество градусов. Для того, чтоб увеличить добычу «чёрного золота», приходилось ставить железные вышки недалеко друг от друга.

Скоро стало понятно, месторождения, так называемые «нефтяные поля», уходят под дно Каспийского моря. Плавающих буровых установок, в те годы ещё не имелось, и встал насущный вопрос: – Что делать дальше?

К счастью добытчиков, в пятидесяти километрах от берега, в море нашлась огромная отмель, которая называлась тогда «Чёрные камни». Глубина там оказалась совсем небольшая, от одного до двенадцати метров. Учёные немного подумали и предложили построить искусственный остров.

В мелководье забили толстые сваи, а сверху по ним уложили железный настил. На созданных так эстакадах размещали буровые устройства, что пробивали глубокие скважи-

ны. Добыча сырья оказалась настолько успешной, что эксперимент решили продолжить. Скоро в море возник небольшой городок под названием «Нефтяные камни».

Там постоянно трудились люди многих национальностей. Там были русские, азербайджанцы, евреи, армяне, украинцы, грузины и прочие жители великой страны. Всех их приходилось возить на морских катерах.

Добыча там шла вахтовым методом «неделя, через неделю». Так что, в первое время, все жили в каютах отслуживших своё кораблей, посаженных на прямо мель. С течением времени, там возвели одно, двух этажные здания, куда переселили рабочих.

В 1960 году, посёлок вдруг посетил тогдашний генсек КПСС Никита Хрущёв, Со свойственным валюнтаризмом он приказал строить пяти и даже девятиэтажные жилые дома. Эстакады не выдерживали подобной нагрузки, и пришлось насыпать под фундаменты огромные дамбы.

Мой любимый отец устроился на те острова, и работал в «интернациональной» бригаде несколько лет. Сначала обычным подсобником, а потом верховым. Так назывался тогда человек, который сидел на самой макушке металлической вышки. Он отцеплял-прицеплял длинные трубы, что подавались в бурильный станок.

Как-то раз, во время приличного шторма, вид тысяч волн, катящихся по Каспийскому морю, хорошо «укачал» верхо-

вого. А тут ещё ветер сильный поднялся. Он не устоял на верхней площадке и сверзился вниз.

Тимофею тогда повезло. Каким-то удивительным образом он себе ничего не сломал и не получил сильной травмы. Отец отделался лишь сильным ушибом и лёгким сотрясением мозга. Правда, после того происшествия, его стали мучить головные мигрени. Они продолжавшиеся до самой кончины.

Рабочие смены на буровых длились двенадцать часов. Свободное время все люди были тогда предоставлены сами себе. Уехать на материк не имелось возможности, и сотрудники проводили их в общежитиях. Они отдыхали, а при хорошей погоде играли в волейбол через сетку. Чтобы мяч не слетел в Каспийское море, его привязывали тоненькой леской к высокой трубе. Те люди, что любили рыбачить, бросали спиннинг в солёную воду.

Выйти наружу в разыгравшийся шторм было довольно опасно. Эстакады поднимались над морем на шесть с чем-то метров, но волны порой, захлёстывали высокий настил. А шквалистый ветер дул с такой потрясающей силой, что мог легко унести человека. Поэтому, всюду имелись ограждения из стали и натянутые верёвки.

Через несколько лет, отец окончил вечерний энергетический техникум. Он получил диплом автомеханика и начал работать на бурильном станке.

В 1962 году, отец уговорил мою маму, переселиться в Россию, в город под названием Куйбышев, ныне Самара. Мы уехали из благоустроенного предместья Баку, пересекли половину страны, и оказались в селе Большая Царевщина.

Нас поселили в одноэтажном бараке, что был расположен возле подножья Царёва кургана. Рядом стояла знаменитая православная церковь. Правда, тогда она не работала и служила в качестве склада.

К этому времени, и в Жигулёвских горах нашли очень большое месторождение нефти. Однако, мои дорогие родители не вернулись на промыслы. Они устроились в парк большегрузных автомобилей и проработали в данной системе до пенсии.

Хлебоуборка

В семидесятых годах прошлого века, инженеров из нашей проектной конторы вызвали к большому начальству. Там объявили, что нас сняли с работы, велели взять смену вещей на пару недель, а утром, отправиться на хлебоуборку в качестве автодиспетчеров.

Предполагалось, что мы будем руководить прикомандированными к колхозам водителями. А значит, следить за их дисциплиной, контролировать перевозку зерна и так далее.

То есть, станем вроде политкомиссаров при военных частях, созданных из революционных матросов. Так я и попал в небольшую степную деревню. Оно обозначалось на карте, как Студенцы.

То ли, всегда там было довольно прохладно? То ли, когда-то давно там жило много студентов? Точно не знаю, но как бы то ни было, из этой затеи ничего толком не вышло.

Существовала тогда в Среднем Поволжье огромная организация – Средне-Волжское Управление. В него входили все автомобильные предприятия области. Именно на эту контору, обком коммунистической партии всегда возлагал большую обязанность – доставить в загатники Родины урожай зерновых и прочих культур.

Кроме того, грузовики брали у всех, у кого они толь-

ко имелись. Благодаря такой установке, крупные автопарки страны почти в полном составе выезжали в деревни. Ну, а перевозки в больших городах почти замирали.

Зато в сельской местности всё резко менялось в обратную сторону. Оторвавшись от семей и начальства, шофера там вели очень разгульную жизнь. Как говорится, что хоть святых за порог выноси. Поэтому, руководство не придумало ничего интереснее, чем поручить инженерам надзор за водителями.

Когда я приехал в деревню, то обнаружил автоколонну в тридцать с лишним машин самого различного класса и вида. Причём, всех их собрали «с бору по сосенке».

Водители от Средне-Волжского Управления, относились ко мне, как к незначительной, но очень зловредной персоне. Она может доставить им огромные хлопоты и, плюс ко всему, лишит заслуженной премии. Поэтому, они делали вид, что всё же мне подчиняются.

Зато все остальные, вели себя так, как анархисты бабки Махно. Да и грузовики у них были в очень плохом состоянии. В первый же день, у одной из машин провалился пол в тесной кабине. Все вокруг сильно обрадовались, что это произошло на стоянке, а не на полном ходу.

Водитель только уселся за руль. Завёл старенький двигатель, но к счастью, он не успел тронуться с места. Раздался подозрительный шум. Мужчина вместе с сидением рухнул

на землю и ткнулся лицом в ножные педали, что расположены в самом низу.

В колхозных условиях кабину кое-как подлатали и изувеченный «ГАЗ» тихим ходом поплёлся в Самару. Как он доехал до места и добрался ли он туда вообще, мне, увы, неизвестно.

Другой «привлечённый» водитель встал рано утром с большого похмелья и приехал на ток, где собирали и сушили зерно. Он развернулся на огромной, пустынной площадке и сбил кузовом столб. А тот, между прочим, был единственным на всю ближайшую степь.

К столбу от ближайшей подстанции, вёл подземный электрический кабель. В свою очередь, эта подстанция находилась в двух километрах от данного места. Электропроводка, конечно, замкнула и вся сеть мгновенно сгорела.

В связи с тем, что к столбу подключались все электромеханизмы округа: веялки, транспортёры и прочее, обработку пшеницы пришлось прекратить на два полных дня. И это в самый разгар летней страды.

Третий шофёр гулял с друзьями почти до утра. Им, как всегда не хватило, и ребята решили, что нужно съездить другую деревню за выпивкой. Такое часто случается на хлебоуборке. Есть ещё поговорка на эту серьёзную тему: – Сколько водки не купишь, а всё равно, придётся два раза ходить.

Видно, у парня так сильно горела душа, что катить вкруго-

вую по сельской дороге ему показалось невмочь. Он немного подумал и рванул напрямик, через дамбу. Насыпная плотина перекрывала огромный овраг, и была не очень широкой. По ней ходили только пешком. Ну, а если и ездили то лишь да телегах, да на мотоциклах с коляской.

Шофер с пьяных глаз, почему-то решил, что грузовик у него небольшой и тоже проскочит, но немного ошибся. Самосвал слетел с узкой дамбы и хорошо, что рухнул не в пруд, полный грязной воды, а на противоположную сторону. К счастью водителя, там оказался пологий откос, не более двух этажей в высоту.

Услышав подозрительный шум, друзья гонца за горючим, качаясь, вышли из хаты, что находилась поблизости от места аварии. Они присмотрелись и с удивленьем узрели такую картину. Машина упала в овраг и лежит там, на дне колёсами кверху. Они дружно решили, что утро вечера мудренее и отправились спать.

На рассвете, колхозники пошли на работу и видели под дамбой машину. Они пошли к председателю и объяснили ему ситуацию. Начальник велел пригнать «К-700». Был в то время, такой очень большой, мощный трактор на огромных колёсах.

К «Кировцу» прицепили машину и с огромным трудом извлекли её из оврага на ровное место. Кабина вся оказалась смята в лепешку. Металлическим тросом дверцы привязали,

к тому же колёснику, и вырвали их вместе с корнями. Затем, срезали сваркой плоскую крышу и отыскивали под ней живого шофёра.

Всё время непростой операции по спасению «ГАЗа», водитель тихо лежал на дне смятой кабины и не подавал даже голоса. Самое странное было в другом. Когда он поднялся на затёкшие ноги, то неожиданно выяснилось, что росту в нём ровно два метра.

К счастью начальства, парень оказался худым, словно щепка и только это спасло его от увечий. Вызванный на происшествие, участковый мильтон посмотрел на щуплого «лётчика» и удивлённо спросил: – Как же ты влез в узкую щель между сидением и мотором «газона»?

– Захочется жить – запросто втиснешься. – хмуро буркнул водила.

Много позднее, на экраны страны вышел фильм «Особенности национальной охоты». Там эта фраза прозвучала немного иначе: – Жить захочешь – не так раскорячишься!

Как бы то ни было, но разбитую всмятку машину прицепили к «техничке» и волоком утащили в Самару.

Дождей в тот знаменательный год, выпало до обидного мало, а жара там стояла просто ужасная. Все просёлки были усыпаны толстым слоем земли, измельчённой колёсами в тончайшую пыль. За каждой машиной, ехавшей по засушливой степи, тянулись длинные шлейфы, что состояли из кро-

хотных, белесых частиц.

Вы должны понимать, что оказаться в таком плотном облаке было весьма неприятно. Мельчайший прах почвы долго висел в сухой атмосфере и забивал глаза, нос и рот.

Тем, кто не желал, глотать летучую грязь, приходилось тотчас поднимать стёкла в окнах кабины. Они давили на газ и старались, как можно скорее, проскочить «задымлённую» полосу.

Хорошо, если имелось хоть слабое движение воздуха. Оно сдувало с дороги серую взвесь, что состояла из удушающей пыли. Страдал только тот, кто оказался с подветренной стороны от просёлка.

С огромным трудом шофера мирились с таким обстоятельством, но всё же терпели. Мол, что можно поделаться против закона природы? Сейчас ты попал в этот шлейф, завтра в него, влетит кто-то другой.

Но не все оказались настолько покладисты. Однажды, один из водителей решил изменить естественное течение жизни. В тот день, ему выпало счастье, оказаться с подветренной стороны от грунтовки.

Он почему-то подумал, что нужно ему перейти на английскую схему движения и выскочить на другую обочину. Благо, что степь вокруг была ровной, как стол. По ней можно ехать, куда только угодно, без всяких дорог.

Оказавшись перед встречным «газоном», он резко свернул в левую сторону, и полетел наперерез своему визави.

Тот, увидел машину, что ехала в лоб. Он попытался уйти от аварии и крутанул руль направо.

Создатель той суматохи, сразу заметил, что встречный «газон» старается перекрыть ему путь. Он вывернул руль значительно больше. Второй водитель повторил его действия с зеркальной настойчивостью.

Они помчались почти параллельными курсами и столкнулись бортами метрах в тридцати от дороги. К счастью, в тот раз всё обошлось, и никому не досталось каких-либо увечий. Ни машинам, ни людям.

Меня, как диспетчера, командировочного на уборку зерна, поселили в маленьком доме двух старых колхозников. Хозяйкою хаты, являлась высокая широкостная тётка, которой перевалило за семьдесят. Её верным супругом, являлся маленький сухонький дедушка.

Самое странно заключалось и в том, что дражайшая половина семьи возвышалась над мужем на целую голову. Заметив мой недоумевающий взгляд, женщина печально сказала: – В молодости он был ростом выше, чем я, и очень крепкий сложением, а вот ближе к старости сильно усох.

Вместе со мной, у них жил водитель «Камаза», с виду, мой одноклассник. Мы познакомились и быстро сдружились. Уборку зерна ещё не начали толком. Делать пока нам было нечего, и он устраивал мне большие экскурсии по колхозным полям.

Кругом, расстилалась гладь бескрайних степей. Изредка

попадались овраги, да ещё лесополосы, что были посажены более века назад. Когда машина катилась сквозь рукотворные рощи, дорогу перебегали упитанные на вид куропатки и серые зайцы.

Недалеко от нашего дома располагалась другая деревня, которая носила название Новый Иерусалим. Место это было весьма примечательным. После поездки по голой степи, глазам вдруг открывалась неглубокая впадина с большим водоёмом.

С трёх разных сторон внушительный пруд окружало великое множество толстых берез. Среди них находился оздоровительный лагерь для колхозных детей. Дома местных крестьян стояли на голом, как лысина, другом берегу. Они смотрели на водную гладь, окружённую целой толпой белоствольных деревьев.

Как-то раз, шофёр захватил небольшой бредешок. Мы спустились к воде в дальнем конце длинного пруда и сделали три-четыре захода. В общей сложности, мы извлекли с полведра серебристых карасиков, размером с мелкую кильку. То есть, семь-восемь сантиметров в длину. Мимо шел пожилой человек. Он нас застал за противоправной рыбалкой и грустно сказал: – Нет тут теперь нужной живности.

– Почему? – спросил я у мужчины.

– Откуда-то взялся проклятый ротан и жрёт всю рыбью икру. – крестьянин нам показал на стайки чёрных мальков

мелькавших у берега. Как оказалось, это взрослые рыбы. Только они очень мелких размеров, не длиннее простой серой спички.

Ближе к вечеру, мы вернулись домой, и попросили у наших хозяев сковороду. Никто не захотел чистить привезённую мелочь. И мы зажарили её в свежей сметане так, как она и была, с чешуей, плавниками и всем остальным.

На мой взгляд, получилось очень невкусно. Уж слишком жёсткая чешуя оказалась у белых у карасиков. Не то что у мойвы. Но не пропадать же добру, на добычу которого мы затратили столько трудов?

Мы пригласили к столу престарелых хозяев и предложили им странное блюдо. К моему удивлению, они жевали его с большим удовольствием. Затем, мы достали бутылочку водки и быстро слопали всё, что смогли наловить.

В одной из поездок по степи, мой приятель-водитель сказал: – Сейчас впереди будет весьма интересное место. Смотри повнимательней.

Я повертел головой и увидел, что вокруг расстилается голая ровная местность.

– Держись! – вдруг крикнул товарищ.

Перед носом «Камаза» открылся огромный овраг, в который резко нырнула грунтовка. По какой-то причине, шофёр не стал тормозить. Наоборот, он поглубже вдавил педаль газа.

Грузовик мощно взревел и рванулся вперед. Колея вдруг ушла из-под передних колес, и пару мгновений, машина неслась по инерции дальше. Затем она ухнула вниз и полетела параллельно дороге.

Пока грузовик не упал на просёлок, мы находились в том состоянии, что близка к невесомости. Сердце взлетело к самому горлу, судорога сжала желудок, а по спине пробежал холодок.

– Ну как? – весело поинтересовался приятель. Машина промчалась по склону оврага. Она достигла плоского дна, пронеслась по нему метров двадцать и с рёвом взлетела на другой крутой берег.

– Неплохо! – сказал я шофёру и тихо добавил: – А если бы нам попался кто-то навстречу?

– За пять километров до этого места я уже посмотрел, не едет ли кто-то с той стороны?

– А вдруг чья-то машина стояла внизу? – не отставал я от шофёра.

– Хочешь сам порулить? – ушёл от ответа приятель.

Совершенно естественно, что я не смог устоять. Мы развернулись. Поехали в обратную сторону, и я собрался уже сесть за баранку.

– С этой стороны лучше не пробовать. – остановил меня мой водитель: – Здесь дорога пересекает склон наискось. Поэтому, при приземлении наша машина может легко опрокинуться.

Мы выехали на исходную точку. Я уселся за руль большого «Камаза», разогнал его до шестидесяти километров за час и, словно болид влетел в широкий овраг. К своему удивлению, я не почувствовал никакого эффекта и вопросительно взглянул на приятеля.

– Невесомость тут возникает при скорости больше семидесяти! – снисходительно пояснил мне водитель: – Давай всё с начала.

Во второй раз, я разогнался уже до семидесяти!

– Значительно лучше! – кивнул мне сенсей: – Повтори!

Лишь с третьей попытки, грузовик достиг скорости семьдесят пять километров, и всё получилось, как надо.

С тех пор, каждый раз, когда мы с приятелем и тяжёлым «Камазом» оказывались рядом с оврагом, мы развлекались таким глупым образом. К нашему счастью, ни один грузовик, никогда внизу не стоял.

Визит к приятелю

В десяти километрах от села Студенцы, Самарской области, стоял большой посёлок Елань. Когда я вернулся из командировки домой, то посмотрел, что означает это странное слово? Я открыл словарь Даля и с удивлением прочёл, что раньше так называлась голая открытая пустошь, лысина или проплешина.

В месте с таким странным именем, «диспетчерил» Пётр, инженер из соседнего отдела КБ. Так же, как я, он пытался наладить рациональную перевозку зерна. Как-то раз, я оказался в Елани по служебным делам и зашёл на ток, где очищали и сушили зерно. Там я узнал, где живёт мой приятель, и забежал к нему в гости. Мы поболтали о том и о сём. После чего, я уехал.

В один жаркий день, я мучился от ужасающей скуки и решил нанести новый визит к старому. Сосед мой «по обществу» – водитель «Камаза», тоже вдруг захотел прогуляться. Он завёл свой грузовик и подбросил меня до Елани. По пути, он обещал мне вернуться часа через три и умчался по важным делам.

В то давнее время сотовых телефонов ещё не имелось в продаже. Поэтому, мы договорились с шофёром, что я покручусь в селе пару часов, поем в местной столовой, и буду

ждать его на повороте шоссе. Если в назначенный срок, меня не будет на месте, значит, я вернулся домой с кем-то другим.

Я вылез из просторной кабины и направился к частому дому, где жил сослуживец. Дверь мне открыла молодая хозяйка и сообщила, что мой приятель утром уехал в Самару. Делать в Елани мне оказалось, в общем-то, нечего, и оставалось лишь снова отправиться назад, в Студенцы.

Вернувшись к повороту дороги, я постоял там десять минут, но ни одного грузовика, в нужном мне направлении, не было. Я быстро прикинул, что десять км я пройду за пару часов, а ждать персональный «Камаз», мне придётся, считай целых три. Да и торчать столько времени, возле шоссе, мне совсем не хотелось. Вот я и двинулся собственным ходом.

Проселок, идущий напрямиком в Студенцы, оказался прекрасно накатан. Вдоль колеи бежала тропинка. Значит, местные жители здесь часто ходили. Светило яркое солнце, которое изредка пряталось за облака белого цвета.

Дул небольшой ветерок, было тепло, но не жарко. Вокруг простирались поля спеющей пшеницы и ржи. Весело трещали кузнечики. Высоко в небе порхал серый жаворонок. Шагало легко и приятно.

Минут через десять, лёгкое дуновение немного усилилось. Облаков резко прибавилось, а дневное светило скрылось из виду. Небо вдруг потемнело, и начался тёплый дождь. Сначала он был совсем слабый, как говорится слепой,

но скоро начал усиливаться.

Минут через пять хлынуло, как из ведра и я сразу вымок до нитки. С каждой секундой водные струи становились всё толще и холоднее. Просёлок тут же размок. На ноги налипли тяжёлые комья грязи.

Я тащился вперёд и размышлял над вопросом: – Сколько будет идти этот дождь и куда мне теперь лучше направиться? Шагать вперёд, к Студенцам нужно семь километров под ливнем, но там есть сухая одежда и тёплый ночлег. Вернуться обратно в Елань всего три версты, но приятель умчался в Самару, а пустит ли в дом меня молодая хозяйка, никому неизвестно.

Пелена дождя вдруг расступилась, и мне навстречу вынырнул большой грузовик. «Зил-130» остановился передо мной. Из кабины высунулся знакомый шофер и спросил: – Ты куда это топаешь?

– В Студенцы! – ответил я на редкость уныло.

– Сейчас уже все размокло. Ты не сможешь пройти через овраг, что находится возле околицы, а в обход будет ещё пять километров. Так что, садись, довезу до Елани.

Открыв ярко-синюю дверцу, я разглядел, что заняты все три места в кабине. Люди, как смогли потеснились. Я едва втиснулся внутрь, и грузовик потащился по раскисшей дороге. Через десять минут меня высадили на знакомой развилке и машина уехала.

К тому времени, дождь прекратился, как по мановению

чьей-то руки. Вот только воздух ещё оставался сырым и холодным. Меж тем, я опять очутился у того поворота, где договорился о встрече с приятелем. Только теперь я стоял мокрый, как рыба, а ноги оказались заляпаны грязью до самых колен.

До появления «Камаза» оставалось более двух с половиной часов. Я же так сильно мёрз, что нужно было что-нибудь предпринять, иначе недолго подхватить воспаление лёгких. Ничего не придумав, я пошёл к тому дому, где квартировал сослуживец.

Я поднялся на большое крыльцо и нажал на кнопку звонка. Не услышав привычного треньканья, постучал в дощатую дверь. Створка открылась и на пороге вновь появилась хозяйка. Она посмотрела на неожиданного гостя и оторопела от моего несусветного вида.

Я объяснил ситуацию и попросил у неё помощи, чтоб просушить рубашку и брюки. Она пригласила войти, принесла электроутюг и включила штепсель в розетку.

Дрожа от сильного холода, я уныло топтался среди тесной комнаты. Спустя пять минут, утюг оставался таким же холодным, как лёд. Удивлённая женщина щёлкнула выключателем люстры. Как оказалось в доме нет света.

– Наверное электричество выключилось из-за грозы. – предположила она. – Ты возьми что-нибудь сухое у Пети. – предложила она и показала на комнату, где жил сослуживец.

Я открыл его спортивную сумку, вытащил джинсы с, модной тогда, «олимпийкой» и прикинул их на себя. Штаны оказались не по размеру. Пётр был ростом ниже меня, где-то на голову и значительно тоньше в сложении.

Верхняя часть от костюма для спорта оказалась весьма примечательной. Она не распахивалась до самого пояса, как обычная куртка, а имела лишь короткую молнию, что едва доходила до середины груди.

С трудом натянув странную шмотку, я вышел в общую комнату и глянул в трюмо, что стояло у стенки. Я убедился, что «олимпийка» сидела на мне, как на корове седло. Мало того, что она была ядовито-синего цвета с алыми вставками спереди, так ещё, и облежала меня, как говорили когда-то, в обlipочку. Короче сказать, трещала по швам.

Тогда я щеголял юношеской спортивной фигурой и выглядел в зеркале, как немного засушенный, «[superman](#)» из американского комикса. Не хватало только литеры S на груди и плаща за спиной. Надевать мокрое на дрожащее тело, мне совсем не хотелось, и я решил: – Пойду домой так.

Хозяйка дала мне пакет из белого пластика, в который я сунул рубашку.

Спустя семь минут я опять, уже в пятый раз, оказался на знакомой развилке. Кроме меня, на том повороте стояли два парня и девушка. Я так устал, что решил тормозить все машины подряд, мол, куда повезут туда и поеду.

Первым остановился бежевый, как крем-брюле, жигулёнок. Из него высунулся, крепкий мужчина сорока с чем-то лет с небольшим бельмом на глазу. Он с ходу сказал: – До Самары, по два с полтиною с носа.

К счастью, у меня в кармане штанов обнаружилась трёшка. Не раздумывая ни единой секунды, я посмотрел на попутчиков. Все дружно кивнули, и мы расселись в удобном салоне. Я занял место на переднем сидении, и мы отправились в путь.

Водитель попался отличный, машину он вёл легко и уверенно. Поэтому, скорость зашкаливала за сотню км. Проезжая мимо одного водоёма, шофёр вдруг сказал: – В прошлом году, я гонял осенью в город, а на этом вот озере сидела целая стая диких гусей.

Не знаю, что их спугнуло, но неожиданно, они начали один за другим вставать на крыло, и строиться на ходу в большую цепочку. Набирая высоту, они летели перпендикулярно дороге и пересекали мой путь.

Когда я оказался под ними, последний гусь поднялся над этой дорогой только метра на полтора, и не больше. Мои «жигули» врезалась в птицу на полном ходу. Хорошо, что мощный удар пришёлся в переднюю кромку крыши машины.

Перья и пух полетели в разные стороны, а я испугался, что лобовуха вылетит на фиг. Резко затормозил, остановился и вылез наружу. Смотрю над самым стеклом виднеется вмятина.

– Легко, отделались! – поддержал я разговор: – Хорошо, что птица не врезалась в вас чуточку ниже. Не то осколки попали в глаза, вы не удержали машину на трассе и улетели в кювет.

– Повезло... – согласился водитель, и продолжил: – Я вернулся назад. Подобрал мёртвого гуся с асфальта, бросил в багажник и отправился дальше.

Шофёр опустил левую руку в карман дверцы и вынул оттуда полулитровую бутылку сорокоградусной водки с завинчивающейся пробкой. В те времена, такая тара лишь начала появляться в продаже, и я решил, что он хочет сейчас похвалиться покупкой.

Не снижая внушительной скорости, водитель придержал руль локтями. Он с хрустом свернул колпачок и приложился к бутылке. Уровень жидкости в прозрачной посуде сильно упал. Я и все пассажиры с удивлением уставились на лихого шофёра.

Ухмыльнувшись, он закрутил пробку, положил бутылку на место и довольно сказал: – Без этого я не могу!

К этому времени я уже много лет проработал в Средне-Волжском управлении транспортном. Мне приходилось ездить с водителями разного вида. В том числе, с теми, кто принял на грудь. Несколько раз, повезло прокатиться и с пьяными в стельку. Ходить они уже не могли, но баранку крутили довольно уверенно.

При этом, они все любили подчёркивать, что никогда не пьют за рулем. Всегда ВЫЛАЗЯТ из-за него! Но данный мужчина всех превзошёл. Принял сто пятьдесят на полном ходу, и даже не «закусил рукавом».

Чтобы насторожить немного возницу, я стал рассказывать небольшую историю, что очень кстати вспомнилась мне: – Скоро дорога пойдёт под уклон. Нырнёт в котловину, а потом резко поднимется в гору.

– Знаю я, это место. – ответил мужчина.

– В прошлом году, там с нами случилась авария. – не унился я: – Мы ехали вместе с директором на служебной машине. Шофёр торопился домой и разогнался на спуске. Мы все впервые катились по этой дороге и, конечно, не знали, что в той котловине, перед самым низким участком, имеется незаметный трамплин.

«Волга» подпрыгнула на асфальтовой кочке и продолжила мчаться вниз. К сожалению, спуск к этому времени кончился и начался подъём. Летящая со всей дури, машина врезалась передними скатами в склон. Удар был такой удивительной силы, что нас подняло с сидений, и впечатало головами в низкую крышу.

Из обивки салона вылетела огромная пыльная туча. В кабине стало темно, словно ночью. Когда воздух немного очистился, машина уже поднялась из ямы наверх и оказалась на другой полосе. Хорошо, что навстречу нам никто не попался.

Добравшись до ровного места, водитель притормозил. Он

прислушался к шуму мотора и говорит: – Похоже, что коленвал полетел. Работают два цилиндра из четырёх.

Так что, дальше мы ехали со скоростью восемь, самое многое, десять километров за час. Передвигались, словно на телеге с резиновым ходом, удивительно тихо. Двигатель почти не шумел. В окно было слышно, как поют птицы в лесопосадке, что протянулось рядом с шоссе.

Шофер выудил из кармана на дверце бутылку и опять основательно к ней приложился. В склянке осталось менее половины объёма.

«Жигулёнок» поднялся, на самую высокую точку в округе. Внизу расстилалась долина без конца и без края. Её было видно на десятки километров вокруг. Тут и там плоская степь пересекалась дорогами, оврагами и лесопосадками.

Местами блестели нитки речушек, пятачки озёр и прудов. Белели здания разных селений. Над всей этой равниной, как средневековые замки, торчали массивные башни больших элеваторов, построенных для сохранения урожая зерна.

Шофер втопил педаль газа в пол и «жигуль» ринулся вниз. Впереди замаячила знакомая мне котловина.

– Притормозите, немного. – попросил я водителя: – Здесь мы и угробили двигатель «Волги».

– Не волнуйся! – успокоил возница: – Я по три раза в неделю гоняю в Самару! Знаю здесь каждую кочку.

Машина с рёвом летела вниз. Я упёрся ногами в полник ка-

бины, схватился за ручку, что висела над дверцей, и приготовился к очередному удару. Автомобиль промчался через самое низкое место и вымахнул на другой склон, словно выброшенный мощной пращей.

В этот раз, я не заметил никакого трамплина. То ли, за прошедшее время его убрали дорожники? То ли, шофёр его ловко объехал?

– «Жигули» намного короче и легче увесистой «Волги». – сказал мне водитель: – Поэтому нас не потрянуло. – он достал из загашника всё ту же бутылку и стал отвинчивать пробку.

– Остановите машину! – закричала милая девушка, сидевшая сзади: – Остановите, я выйду.

Шофёр не среагировал на громкую просьбу. Он сделал пару-тройку глотков и спокойно сказал: – Не волнуйтесь, я пошутил. Это просто вода. – он протянул ей поллитровку.

Девушка взяла и осторожно понюхала горлышко. – Правда. – обескуражено пробормотала она и вернула почти пустую посудину.

Дальнейшая часть нашей поездки прошла совершенно спокойно. Через час с небольшим, я был уже дома, в Самаре, где поразил всех родных своим странным видом. Так завершился визит к моему сослуживцу. На другой день с утра, я уже ехал назад, в Студенцы.

Поликлиника

Как-то раз, в конце октября, меня прихватил приступ болезни, которую зовут мочекаменной. Из тела, пошёл мелкий песок. Да так обильно, что пришлось обратиться к врачу.

В жарком июле, за три месяца до этого случая, наша частная во всех отношениях контора, попала под широко рекламированную правительством акцию. Называлась эта большая афера «Национальный проект – Здоровье нации».

Денег туда зарядили немерено, а пользы нет ни на грош. Я имею в виду пользу для нации. Каким-то начальникам, данный проект, наверно принёс очень много хорошего. Да и врачи подхалтурили, срубили денегат по-простому – получили за всё сверхурочные.

Приехало в нашу кантору с десяток врачей, разных специальностей. Они забрали наши анализы – кровь, мочу, кардиограммы. Кроме того, завели на каждого – «Индивидуальную карту амбулаторного больного» и «Паспорт здоровья».

Всем обещали, отослать документы в ту поликлинику, к которой человек был приписан, и приложить к ним рекомендации для участкового. Мол, терапевт ознакомится с теми бумагами и, если это потребуется, то вызовет тебя для беседы и, очень возможно, предложит лечение.

По всему выходило, что терапевту нечем заняться, как

только искать себе дополнительные объёмы работ. То есть, брать под наблюдение всех окружающих.

Ну, а «Паспорт здоровья» отдали нам. Я с большим интересом посмотрел в свой «аусвайс». Особенно меня умилила короткая запись в графе «Группа крови». Там было написано – ТОЧНО НЕ ЗНАЕТ!

То есть, я свою группу крови не знаю, а они определить её, видимо, никак не смогли. В графе «Заболевания, выявленные в ходе диспансеризации» не было совсем ничего, хотя я усиленно жаловался на песок в почках, а так же артрит. А рекомендация состояла из одного единственного слова – НАБЛЮДЕНИЕ!

И так, в первый день ноября, после обеда я отпросился с работы и потопал к врачу. Мой участковый в этот день должна была работать во вторую смену с 14.00 до 20.00. Теперь во всех поликлиниках «буграми» стоят терапевты, и все идёт через них. Терапевты решают, стоит ли больного отправить, к более узким специалистам, чем они.

– Ваш врач на сегодня поменялась на первую смену! – сказали мне в регистратуре: – Могу записать вас на завтра. Пойдёте?

Я согласился, и мне дали талончик на второе число на 18.00. Я ждал увидеть замызганный кусочек картона, на котором криво написано время и номер кабинета врача.

Мне же вручили отпечатанный на лазерном принтере ли-

сток в половину листа А-4. На нём было написано ФИО врача, номер его кабинета и час посещения. Там ещё фигурировали мои ФИО, адрес, номер полиса и целая уйма другой информации.

Я подивился такому прогрессу и вернулся назад на работу. Про карточку, которую должны были прислать те врачи, что нас недавно обследовали, я не спросил.

Я почему-то решил, что за три долгих месяца, она уже точно дошла до моего терапевта. Мне втемяшилось в голову, что при компьютеризации медучреждений Самары, карточка не могла потеряться между двумя поликлиниками.

Вообще-то я человек обязательный и стараюсь, по мере возможности, быть пунктуальным. Поэтому в назначенный день, я опять отпросился с работы и пришёл в поликлинику на 15 минут раньше назначенного в «талончике» времени. В коридорах не было ни единой души.

– Вот, что значит, отлично спланировать работу с больными! – подумалось мне. – А раньше тут до конца рабочего дня народ постоянно толпился.

Я подошёл к кабинету, постучал и услышав: – Войдите! – открыл деревянную дверь. Медсестры внутри уже не было. Врач, женщина в белом халате лет шестидесяти, стояла в одном сапоге и пыталась влезть во второй.

– Что вам? – неприветливо спросила меня терапевт.

– Я на прием!

– Почему же так поздно? – не прекращая борьбу с подвер-

нувшимися большим голенищем, весьма недовольно поинтересовалась врачаха,

– У меня талон на восемнадцать часов! – сказал я несколько обескураженный столь холодным приемом.

– В восемнадцать меня тут уже никогда не бывает! – не скрывая вспыхнувшей злости, бросила мне наследница самого Гиппократа.

– Сейчас без пятнадцати шесть! – напомнил я очень вежливо.

Врач печально вздохнула и как была в одном сапоге села за стол: – Слушаю! – бросила она обречённо, и взяла у меня, мою старую карточку. Её я на всякий случай, всегда держу дома и беру с собой в поликлинику. Так как, мои остальные бумаги, в регистратуре исчезают бесследно.

Я коротко изложил свою большую проблему: – Песок вдруг пошёл! Но очень обильно, и появилось ощущение чужеродного тела во внутренностях. – Я указал на правую сторону нижней части своего живота.

– Давно проходили обследование? – бросила мне терапевт.

– В июле проходил диспансеризацию по месту работы, – и зачем-то добавил: – по нацпроекту.

– Бумаги должны уже были придти! – огорчилась вдруг врач, и начала заполнять мою старую карточку. Через минуту она протянула мне три кусочка бумажки, каждая оказа-

лась размером с два коробка серных спичек.

– Сдадите кровь и мочу! – пояснила мне врач. – И запишитесь потом на УЗИ. Все это в соседнем корпусе. После с анализами прямо к урологу. – Она вернула мне карточку и занялась своим сапогом.

– Спасибо! – поблагодарил я усталую женщину и тихонечко вышел. В регистратуре я взял талончик к урологу и пошёл на УЗИ.

В соседнем корпусе народу не было тоже. Но и свет горел далеко не везде. Я нашёл кабинет под названием УЗИ и постучал. Из-за двери послышалось: – Подождите!

Я подождал. Минут через пять выглянул небольшого росточка, лысый мужчина в белом халате и спросил: – Записаться?

– Да! – откликнулся я и протянул ту бумажку, что получил от терапевта.

Он взял направление и скрылся за дверью. Спустя полминуты он выглянул снова, вернул мне бумажный клочок и исчез в своем мрачном «УЗИлице». На обороте моего направления было написано 24.XII.

Я открыл дверь и вошёл вслед за врачом.

– Может быть, пока нет никого, Вы меня всё же посмотрите? – спросил я.

– Вы хотите всё сделать платно? – удивился мужчина.

– А сколько это стоит? – поинтересовался я осторожно.

– Пятьсот девяносто рублей! – сурово бросил мне человек в белом халате.

– Дороговато! – вымолвил я и добавил: – Но не ждать же целых два месяца! – Я полез в карман, достал деньги и положил на стол шестьсот рублей.

– Сейчас касса закрыта, – промямлил вдруг врач – а личными нам не положено. . . .

– Ну, если бы всё было у нас, как положено, – сказал я назидательно, – все были веселые и совершенно здоровые.

Врач немного помялся, вернул мне мятую сотню и принялся за осмотр. Я спросил, у него, как работает лаборатория по проведению анализов крови, а так же мочи?

Человек объяснил, что он интроверт и анахорет, поэтому носа не кажет из своего кабинета и ни с кем не общается. Я ему только поддакивал. Почувствовав во мне понимание, он рассказал мне о женщине, что всё время пытается, привлечь его дорогое внимание к себе.

Я посочувствовал медику. На что, врач предложил мне, заодно с бедными почками посмотреть и простату. Осмотр подтвердил мои опасения. В соответствии с возрастом, в моём организме имелся песок.

Расстались мы с ним почти что друзьями. Он посоветовал мне проходить на УЗИ хотя бы раз в год. Мол, можно так проследить динамику всех изменений. Я поблагодарил врача за совет и пообещал им воспользоваться.

Через три долгих дня я снова отпрашивался с работы, теперь поутру, и с результатами готовых анализов рванулся к урологу. Талончик с часом приёма и здесь оказался сплошной ерундой.

Больные все шли в порядке живой очередности. Передо мной оставался один человек. Из кабинета появилась сестра и небрежно сказала: – Мы уезжаем на вызов! – и тотчас удалась, следом двигался врач.

Мой предшественник по длинной очереди стал дожидаться возвращения медиков. Я посмотрел на расписание работы уролога. В эту смену он принимал с 8.00 до 14.00.

Время было только одиннадцать. Я благоразумно решил, что раньше чем через час они не вернуться. Если мой черёд и пройдет, то займу очередь снова и пошёл по каким-то делам.

Спустя один час я снова был в поликлинике. Перед нужным мне кабинетом не было ни единой души. Пришлось постучать в деревянную дверь.

– Войдите! – предложили мне изнутри.

Я тут же вошел. Врач, кругленький как колобок, невысокий мужчина сидел за столом уже без халата и весело о чем-то болтал. Он недоумённо взглянул на меня.

– Я на прием! – доложил я человеку.

– Вы по талону? – удивился вдруг врач. Я кивнул.

– Я ведь предупреждал, что сегодня мы работаем лишь до двенадцати! – возмутился пожилой эскулап.

– Я был в очереди, когда Вы ушли! – парировал я.

– Мы уезжали на вызов! – объяснил насупленный врач.

– Понимаю, – кивнул я в ответ, чуть помолчал и спросил: – Вы меня примите? – потом сделал короткую паузу и тут же продолжил: – Или же нет?

– Проходите! – смирился уролог.

Я уселся напротив и протянул все бумаги. Он брезгливо отбросил мой «Паспорт здоровья» и анализы крови с мочой.

– Это машина там работал! – пояснил он с напором. – Для урологии анализы делают только вручную. Выпиши направление на завтра и послезавтра! – приказал он медсестре. Потом снова обращаясь ко мне: – Какие имеются жалобы?

Я рассказал об ощущении инородного тела где-то во внутренних органах и показал место на своём животе.

– Аппендицит! – безапелляционно изрек насупленный врач. – Это точка Мейерхольда! – снизошёл он до объяснения. – Аппендицит болит именно там! Это главный симптом! Пройдемте теперь в смотровую!

В соседней маленькой комнатке он приказал мне задрать рубаху и приспустить брюки на бёдра.

По всей видимости, смотровая была одна на два кабинета, и находилась между их помещениями. Все двери в при этом, оставались открытыми. Из комнаты в комнату сомнамбулически бродила пожилая уборщица, и вяло возила мокрой тряпкой по полу. Я распустил ремень и поднял рубаху, штаны с меня сами упали.

Эскулап осмотрел меня спереди. Легонько потискал мой, наметившийся в последнее время живот, и развернул затылком к себе: – У вас не только почки, но и печень далеко не в порядке! – с радостью отметил мужчина.

– Вот эти шишки, – он резко нажал мне пальцем на спину – говорят, что у вас ещё и остеохондроз. Это тоже симптом! И эти точки на коже – он развернул меня снова и ткнул в красное пятнышко, размером с маковое зерно, на груди, – ещё один важный симптом! – С каждым разом в его звучном голосе слышалось всё больше злорадства.

– Одевайтесь! – врач с удовлетворением закончил осмотр и пошёл вымыть руки.

Я подобрал штаны с пола, заправился и последовал за эскулапом. Мы вернулись в его кабинет и сели возле стола.

– Встаёте по ночам в туалет? – задал он мне новый вопрос.

– Встаю! – признался я в этом грехе.

– Сколько раз? – с иезуитским прищуром врач взглянул на меня.

– Один, два раза, – продолжал я выкладывать свои мрачные тайны.

– Ещё один непреложный симптом! – радостно воскликнул уролог. Казалось, что он едва сдерживается от того, чтоб потереть с наслаждением руки.

– Так я пью много воды! – попытался я оправдать своё постыдное, в его глазах, поведение.

– А чего ты пьешь-то её? – спросил он меня, словно Ле-

нин в старом кино. Ильич тогда говорил с ходоками о тех кулаках, что проживали в деревне.

– Чтоб утолить возникшую жажду! – выложил я последний свой аргумент.

– Вот! – воскликнул радостно врач: – и назидательно поднял в верх указательный палец: – Еще один неоспоримый симптом!

Я, осознав всю ничтожность своей жалкой личности, смиренно потупился и удрученно молчал.

– Подойдите к двери и прочитайте левый столбец! – приказал мне уролог.

Я покорно выполнил его указание. На двери висел плакат «Продукты противопоказанные при почечно-каменной болезни».

– Вы не дадите мне ручку переписать этот список? – спросил я униженно.

– Ничего мы вам не дадим! – резко прервал меня эскулап.

Я ошалело обернулся к врачу.

Медсестра попыталась смягчить ситуацию, и вступила в наш разговор: – Сначала сдадите анализы, потом придете сюда и тогда поговорим о диете. – Она подала мне направления. Я забрал все бумажки и попрощался с суровыми медиками.

После Октябрьских праздников, которые у нас наступают, всегда в Ноябре, я опять пришёл на прием. Из двух сданных анализов у врача обнаружился только один: – Второй не ищи,

сказал медсестре мрачный уролог: – В тот день лаборатория не уже работала. – Он посмотрел состав мочи, результаты УЗИ и надолго умолк.

Медсестра что-то писала, а врач сидел и ожидал, пока она с эти закончит. Наконец, она освободилась, приклеила к моей карточке лист чистой бумаги и подала всё это врачу.

Он начертил в несколько невероятных каракулей. Из них я разобрал только то, что особенных жалоб у меня, в общем-то, нет и нечто такое про УЗИ от 02.XI. Сестра опять стала что-то писать и вдруг спросила: – Ураты?

Если врач ей как-то ответил, то я не заметил каким именно образом. Может быть, послал ей ментальный сигнал.

– Ураты? – попытался я уточнить.

Медики мне не ответили. Медсестра выписывала рецепт, а врач надолго умолк. Он видимо ждал, что сестра станет рассказывать мне про диету, но так и не дождался её.

Наконец, он печально вздохнул и монотонно оттарабанил мне те же рекомендации, что висели на двери. По ходу рассказа он вытащил из стопки бумаг два плохо отксеренных листочка и проиллюстрировал свой короткий рассказ.

На одном был перечень запрещенных к употреблению продуктов. На другом размещалась таблица степени окисляющей или ощелачивающей способности всех видов еды, сочиненная какими-то американцами.

Честно сказать, я подумал, что после всех объяснений врач отдаст мне эти листочки. В проклятые демократами со-

ветские годы, когда у меня была та же проблема, СОВЕТСКИЙ УРОЛОГ такие бумажки мне отдал совершенно БЕСПЛАТНО!

С тех давних прошло много лет, тюрьма всех народов – Советский Союз был благополучно разрушен либералами разных мастей. Они построили нам такую страну, в чьей конституции говорить, что РФ – социальное государство.

Как пишут все словари: – Социальное государство – Государство, в котором каждый гражданин имеет гарантию достойного уровня жизни и широкого спектра социальных благ.

Так вот, немедленно выяснилось, что нынешняя медицина весьма отличалась от прежней. Врач окончил свой монолог и стал очень медленно убирать все листочки. Он видимо ждал, что я начну их униженно кланяться. Он будет отказывать, но, в конце концов, всё-таки смириться, и уступит моей настойчивой просьбе, но только за приличную плату!

Я же, опять попросил бумагу и ручку, чтобы переписать длинный перечень не рекомендованной мне наукой еды.

– Мы никому не даем здесь бумагу! – возмутился уролог: – И ручки тоже никому не даем! У нас чернила все белые! Вы не сможете ничего написать!

– Дайте мне прочитать фамилии авторов этой таблицы! – не сдавался я наглým образом: – Я скачаю всё из интернета.

– Ничего вы не найдете в сетях интернета! – возразил эс-

кулап, но ручку всё же мне дал. Когда я попросил ещё и кусочек бумаги, он сухо бросил: – Запишите на карточке!

Сменив гнев на милость, мужчина достал из стола потрепанный томик и посоветовал: – Заодно поищите и данную книжку, там есть все таблицы!

Я переписал название с фамилией автора и, заметив, что он потянулся взять у свою дешевую ручку из пластика, положил её на стол перед ним. Уролог взял своё драгоценное стило и убрал на другой край столешницы.

Потом протянул мне рецепт и стал объяснять, что, как и сколько нужно мне принимать. Закончив с рекомендациями, настоятельно посоветовал мне купить все лекарства в определенной, совершенно конкретной аптеке. Врач объяснил, как до нее добираться, и поведал о том, что там самые низкие цены в округе.

Я взял рецепт, сказал урологу: – Большое спасибо, – и сразу же вышел.

Аптека моего эскулапа находилась на другой остановке трамвая, и идти мне туда было совсем не с руки. Я всё же решил, сделать приятное медику и купить препараты именно там.

По дороге мне встретилось ещё три аптеки. Я сравнил везде цены и с удивленьем узнал, что они везде одинаковые! Видно, в том месте, куда меня послал врач, работали его близкие родичи или друзья. Скорее всего, они башляли ему какой-то процент от продажи лекарств.

Вернувшись домой, я залез в интернет и нашёл все таблицы и нужную книгу! Причём, совершенно БЕСПЛАТНО!

Рукопись

... мы рождены, чтоб Кафку сделать былью...
Из разговоров депутатов Государственной Думы

Франц Кафка – немецкоязычный писатель.
Его произведения, пронизаны абсурдом и страхом
перед внешним миром и высшим авторитетом.
Примечание автора

Мы прекрасно работали в СССР. При хозяевах,
что после развала страны, создали нашу контору,
была тьма переделок.

После всемирного кризиса 2008 года, пришли
другие владельцы, и начался настоящий дурдом.
Из разговоров проектировщиков

Как-то раз, я зашёл по делам в один офисный центр, быстро поговорил с нужным мне человеком и решил заглянуть на пятый этаж. Захотелось подняться туда, где много лет размещался большой институт, когда-то известный на весь Советский Союз. В те времена он занимал внушительный корпус более шестидесяти метров длиной.

После КАТАстройки Мишки Горбатого, «Индустройпро-

ект», как и другие конторы подобного толка, тотчас захирел. Руководство конторы уволило почти всех сотрудников, и приХватизировало огромное здание и прилегающую к нему территорию.

То есть, из сторожей социалистической собственности, назначенной советским народом, они в один миг, превратилось во всесильных владельцев крупной недвижимости. И зажили они после этого, словно кум королю. Сдавали в аренду все помещения, получали огромные деньги и жили на них, ни в чём себе не отказывая.

Несколько бывших сотрудников, что «остались в пролёте», решили вновь возродить институт. Сказано – сделано. Они оформили уйму бумаг и занялись тем единственным делом, какому были обучены – принялись проектировать, всё что закажут.

Начали с торговых киосков. Постепенно набрали умелых людей и взялись за другие объекты. С течением времени, контора приобрела нужный опыт и начала выполнять большие проекты серьёзных сооружений и зданий.

Правда, выбиться в лидеры институт так и не смог. Не было связей в администрации города. А положение середняка в обществе наших проектировщиков он занимал совершенно заслуженно.

Но тут, как всегда это случается, вмешались необоримые силы современной действительности. Той самой, где властвуют дух чистогана. Совершенно внезапно, вдруг разразил-

ся финансовый кризис 2008 года. Что было дальше с тем институтом, я точно знал. К этому времени меня одолели другие проблемы, и постоянно следить за чей-то судьбой мне было уже не досуг.

И всё же, оказавшись поблизости, я не смог устоять перед большим искушением и решил проведать контору, где проработал несколько лет. Мне было любопытно узнать, как поживают те интересные люди, с которыми когда-то давно меня столкнула судьба.

Размышляя о том, кого же увижу сейчас, я быстро поднялся по лестнице и открыл дверь, что вела в институт. Там оказалось совершенно темно. Я пошарил рукой по стене возле входа и нащупал коробочку выключателя света.

Сухо щелкнула клавиша и несколько электрических ламп засветились под потолком. Я увидел распахнутые двери всех помещений, обрывки бумаг и всюду валявшийся мусор.

Всё это говорило о том, что здесь случилось не очень давно. Персонал собрал все свои вещи и выехал неизвестно куда. Наверное, так выглядели здания государственных учреждений, отправленных на восток нашей страны, во время нашествия немцев в 1941 году.

Ошеломленный необычной картиной, я неторопливо прошёлся по коридору, и заглянул в два или три кабинета. Везде было пусто. Шкафы, столы, стулья, оргтехника и всё остальное, что наполняло те помещения и создавало канцелярский

уют, все бесследно исчезло.

Пыльный, давно не мытый уборщицей пол, был сильно истоптан следами больших башмаков. Скорее всего, они принадлежали нанятым грузчикам, выносившим отсюда оборудование с мебелью.

Я увидел табличку со знакомой мне строгой надписью: – Строительный отдел, –

не смог удержаться и вошёл в прекрасно знакомый мне кабинет. Как мне показалось, помещение сохранило в себе отпечаток творческой ауры. Её оставили те чудесные люди, которые здесь когда-то работали.

Тут и там, на стенах висели, поблекшие от долгого времени, картинки знакомых сооружений и зданий. Их создавали, как архитекторы, так и строители.

Посмотрев на останки былой творческой жизни, я пошёл уже к выходу. И тут мой опечаленный взгляд зацепился за странный рулончик писчей бумаги, перепоясанный розовой аптечной резинкой.

Он сиротливо лежал в углу помещения и был почти не заметен на фоне разного мусора. Я сам много лет работал проектировщиком в разных конторах, и до сих пор, с уважением отношусь к чертежам и расчётам, что выполнил кто-то другой.

Не зная зачем, я подошёл и поднял с пола рулончик бумаги, стряхнул с него пыль и потянул за резинку. Пересохшая от долгого времени, «завязка» тотчас разорвалась. Бумаги с

таинственным шелестом развернулись в руках.

Я пролистал несколько пожелтевших листов А-4. Судя по дыркам в левом крае страниц, раньше они были в скоросшивателе. Затем, рукопись вынули из твёрдой обложки и за чем-то свернули в плотную трубку. Наверное, чтобы занять меньше места.

Листы были заполнены прекрасно понятным, убористым почерком. Меня удивили редкие пятна, что покрывали бумагу. Их странная форма походила на крупные капли дождя, а вокруг каждой виднелись десятки мелких брызг.

Похожие «кляксы» я видел в письме, что мне после развода, прислала моя дорогая жена. Тогда я не сдержался и лизнул одно большое пятно. Оно показалось мне дольно соленым. Сказать с полной уверенностью, что там были её горячие слезы, я до сих пор не могу.

Ведь точно так же, смотрелись бы на почтовой бумаге и пятна простого соляного раствора, на капанного из обычной пипетки, да и мочи, в конце-то концов. С неё, с моей бывшей, станется. Меня извиняло лишь то обстоятельство, что в то давнее время, я мою бывшую, ещё очень любил.

В тот раз я, понятное дело, не стал проверять вкус странных пятен. Я хорошо понимал, что вряд ли бы человек, писавший данный дневник, а то, что это потерянный кем-то дневник, я был совершенно уверен, стал бы кропить своё сочинение мочой. Однако и чьи-то слезы, мне пробовать со-

всем не хотелось.

Я взглянул на часы. До встречи, назначенной мне по содействию с этим офисным центром, оставалась ещё уйма времени. Я мог позволить себе никуда не спешить. Я подошёл к наружной стене, примостился у подоконника, и взялся за чтение. Далее приведён текст дневника с небольшим сокращением...

... августа 2008 года. Массмедия словно рехнулись. Все, как сговорились и тряндят об одно. Якобы в штатах начался финансовый кризис. Ну не хай, у них он начался. Нам что до этого? Какой у нас может быть кризис, если нас завалили заказами на два года вперёд? Гендир упорно отказывается брать другие объекты. Рабочих рук не хватит, чтобы все сделать в намеченный срок...

... декабря 2008 года. Людей, желающих заказать нам проект, вдруг резко убавилось. Все почему-то стали кивать на Америку: – А вдруг и у нас начнется финансовый кризис? Прежде чем проектировать что-то, нужно чуть подождать, посмотреть, как дело везде обернётся.

Я их хорошо понимаю. Первой жертвой всякого кризиса всегда становится сначала строительство, а за ним культура и дворники. У нас пока всё в порядке. Заказов ещё на год-полтора. Сейчас добиваем крупный офисный центр. Пашем изо всех своих сил. Хотим успеть к нужному сроку...

... июль 2008 года. Офисный центр мы сдали вовремя. Заказчик обещал расплатиться, но что-то всё тянет. Пока получаем зарплату за счёт прочих объектов. Заказчики все куда-то пропали.

Мапсмедиа пишут, что все деньги ушли за границу. У них там финансовый кризис, а наше правительство и богачи вынимают рубли из России, переводят их в доллары и пересылают всё в штаты. Спасают Америку за счёт нашей страны...

... январь 2009 года. Нашу контору банально кинули с офисным центром. Заказчик забрал наш проект и объявил о банкротстве. Другие заказчики разорвали все договоры. Денег нет ни гроша. Чтоб заплатить нам зарплату гендир взял кредит...

... май 2009 года. Начальник отдела вдруг взъелась на архитекторшу пред пенсионного возраста. Чего это вдруг, непонятно. Столько лет тётка работала и вот тебе на. Конечно, звёзд она с неба никогда не хватала. Главной чертой характера была её крайняя набожность, доходящей иногда, до абсурда. Она нам частенько казалась толи блаженной, толи юродивой ...

... июль 2009 года. В конце концов, архитекторшу всё же уволили. Неожиданно вспомнилась такая пословица: – Не

стоит деревня без праведника ...

... август 2009 года. Платят только зарплату, что официально прописана в трудовом договоре. Это лишь половина от того, что мы всегда получали. Остальные надбавки (наличкой) совершенно пропали. Ходят упорные слухи о продаже нашей конторы...

... август 2009 года. Начальник строительного отдела, что выжила набожную архитекторшу, уволилась по семейным обстоятельствам. Говорят, у неё большие проблемы с детьми ...

... сентябрь 2009 года. Наш институт внезапно купил крупный энергетический холдинг. Приходил новый владелец. С виду мужик совершенно вменяемый. Говорил, что структура конторы останется прежней. Наше начальство будет работать, как прежде. Добавил ещё, что проектировщики штучный товар.

Огорошил всех заявлением, что в настоящих условиях, скорой прибыли от института он вовсе не ждёт. На всякий случай, будем работать ещё и в энергетической области.

Сейчас набирают специалистов. Как это ни странно, наш новый хозяин владеет большим производством туалетного мыла, порошков для стиральных машин, и средств гигиены. В народе эту контору все называют мыльной фабрикой. Это

весьма настораживает ...

... январь 2010 года. Не понятно зачем, мыльная фабрика купила ещё два института, в Нижнем Новгороде, а так же а Иванове. И это притом, что и наша контора загружена на сто процентов.

Набрали к нам энергетиков. В основном молодняк, сразу после диплома. Зарплаты у всех в три раза больше чем у «строителей». Начальниками и ГИПами (главный инженер проекта – Примечание автора) взяли преподавателей и производственников, что всю жизнь занимались ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ энергосетей. Удивительный выбор ...

... июнь 2010 года. За полгода сменилось три главных инженера, назначенных мыльной фабрикой. Новые ГИПы хватали заказов без исходных данных, от которых уже отказались все остальные конторы.

Они заключили договора, в которых наш институт должен добыть все эти исходные данные и создать рабочий проект за чрезвычайно короткое время. Да ещё и с огромными санкциями в случае срыва намеченных сроков. Наш бывший владелец, сейчас он просто гендир, протестовал, но бесполезно. Всё решается мыльной фабрикой. Мы все находимся в шоке ...

... ноябрь 2010 года. Твориться что-то совсем непонят-

ное. Денежные объекты, которыми наш институт мог перекрыть все убытки от работы над нелепыми договорами, нахапанными новыми ГИПами, уходят на субподряд непонятным конторам.

По странному стечению всех обстоятельств, теми шарагами владеют сограждане определённого типа. Причём, их непростые фамилии, весьма непривычны для русского уха. Они звучат так, словно все люди, родились из одном из местечек, где-нибудь под Одессой. Наподобие: – Тыр-Пыр-Чковский.

Похоже, что мыльная фабрика получает от них неплохие откаты. Только это и объясняет такую идиотскую тактику...

... декабрь 2010 года. Почти год гендир пытался повысить зарплату «строителям» хотя бы до нижнего уровня «молодых энергетиков». Мыльная фабрика вдруг заявила: – У нас в институте, одни энергетики прекрасно работают.

Кроме того, мы провели мониторинг (наблюдение за каким-либо процессом с целью изучения динамики – Примечание автора). По состоянию рынка труда проектировщиков-строителей вы и так получаете удивительно много.

Тем более, что сами ничего не умеете и все объекты приходится отдавать сторонним компаниям. Так, что строители, а тем более архитекторы нам по крупному счету, уже ни к чему, мы теперь энергетикой начнём заниматься ...

... май 2011 года. Мыльной фабрике уже надоело слушать поученья гендира. Поэтому его, а также всё руководство прежних времён, сдвинули на ступеньку пониже. Был он гендир, а стал зам по строительству. Был зам гендира, стал просто ГИП.

Им приказали в течение дня очистить свои кабинеты и переехать в небольшие клетушки. На освободившиеся места прислали своих верных людей: юристов и экономистов, никогда не работавших в проектных канторах ...

... июнь 2011 года. «Старый» гендир решил, создать свой институт и забрать с собой своих верных соратников, всё бывшее руководство конторы. Его зам предложил мне и, ещё кое-кому, уйти вместе с ними.

Я с интересом спросил: – На какую зарплату? – и не получил никакого ответа. Вместо каких-либо цифр, я услышал: – Первое время придётся слегка потерпеть... – и, прочее в том же уморительном духе.

Такой разговор повторился с начальником несколько раз. В конце концов, я не выдержал и сказал человеку: – Это тебе можно терпеть. У тебя двое сыновей-бизнесменов. Они не дадут тебе пропасть с голоду, а у меня, кроме зарплаты, нет каких-либо доходов. – На этом вербовка закончилась.

Между прочим, за время долгой работы в том институте, всё руководство обеспечило своих многочисленных «деток»

квартирами, обстановкой, дачами и, конечно, машинами. И это при том, что каждый «мальчонка» имел по две-три семьи и пять-шесть ребят.

А я и другие «строители» сидели на низкой зарплате. Особенно если сравнивать с проектировщиками, что трудились в конторах нашего города.

Сразу же вспомнился один разговор. Я возвращался с работы и встретил старого друга. Начался самый обычный, в таком положении, трёп. Ты где, как, сколько сейчас получаешь?

Мужик рассказал, что их институт слепил проект односекционного жилого девятиэтажного дома. Сам он сделал посадку, планировку, инсоляцию, демонстрационный материал, плюс подоснову. Все прочие части чертили люди смежных специальностей. За всю работу, с ним расплатились однокомнатной малометражной квартирой.

Я чуть не упал от услышанных слов. Дело всё в том, что в течение года, я сделал ту же работу по семнадцати секциям! И кроме достаточно средней зарплаты получал только взбучку за то, что работаю медленно.

Приятель послушал мою возмущённую речь, пожал плечами и лишь усмехнулся. Только потом, до меня вдруг дошло, в чём собственно дело. Насколько я знал, он являлся хозяином мелкой проектной конторы и, чтобы не нанимать архитектора, сам всё начертил. Совершенно естественно, что большую часть всей оплаты, он взял себе.

После той памятной встречи, я пришёл на работу, не смог удержаться и пересказал разговор гендиректору и его многочисленным замам. Все повели себя одинаково.

Они смущённо опускали глаза, и осторожно подбирали слова, словно беседовали с тяжело больным человеком. Например, с сумасшедшим. Причём, все перевели разговор на нейтральные темы.

Потом я случайно узнал, что руководство получало от наших заказчиков не только квартиры. Им так же давали помещения под офисы. Именно там они собирались разместить свою новую фирму ...

... июль 2011 года. После своего понижения, «старое» руководство конторы не вняло голосу разума и так же, как прежде, объясняло хозяевам, как нужно работать. Им всем предложили уволиться. Я помогал гендиректору выносить из нашего здания альбомы, дипломы и почётные грамоты. Ему оставалось два месяца до получения пенсии...

... август 2011 года. Гендир со своими детьми и их жёнами быстро уволился. В общей сложности набралась целая дюжина. С ними ушло два «старых» зама и пять проектировщиков – друзья и подруги гендира. Видимо это были те люди, кому он обещал довольно приличный твёрдый оклад.

Все остальные благоразумно решили, так же как я: – Мы и так много денег для них заработали. Всё слушали байки о

том, что нам нужно ещё потерпеть. Потом они купят офис, и институт туда переедет.

Тогда, мол, контора не будет платить за аренду всех помещений и наша зарплата значительно вырастет. Снова терпеть, ради того, чтобы у них раскрутилась ещё одна фирма, никто не хотел, и не двинулся с места. Ведь нашим хозяевам нужно было обеспечить квартирами, дачами, а так же машинами, своих подрастающих внуков. А там, глядишь, и правнуки будут ...

... август 2011 года. Мыльная фабрика приобрела участок земли недалеко от нашего города. Начальство решило – застроить всю площадь дешёвым жильем и продать.

Нам дали задание – слепить коттеджный посёлок. Сроки назначили нам нереальные, явно взятые прямиком с потолка. Даже в ударные советские годы таких сжатых темпов никогда не бывало. Мы поворчали и стали работать, с успокоительной мыслью: – Сколько сможем, столько и сделаем ...

... сентябрь 2011 года. Приняли нового зама по строительству. Он армянин, мужик довольно толковый. Всегда занимался проектированием сооружений и зданий и твёрдо знал, что по щелчку пальцев хозяев, чертежи не возникнут. Он пошёл к молодому гендиру, сыну хозяина мыльного холдинга, и вернулся совершенно убитым.

Он рассказал, что в ответ на слова о нереальности сроков,

начальник – экономист по диплому, вдруг заявил: – Да, что вы мне тут говорите! Есть такая программа, «Архикад» называется. Стоит там кнопку нажать, как в компьютере всё появляется. Вот я, например, свою трехэтажную дачу сделал всего за два часа.

Экономист был совершенно уверен, что 3D моделька, слепленная им на досуге, и является настоящим проектом. Его уже можно, нести в экспертизу и отправлять сразу на стройку ...

... октябрь 2011 года. Заказов у новой фирмы «старых» хозяев, к сожалению, нет. Заместитель гендира, его верный соратник, что был вместе с шефом более двенадцати лет. Человек, получивший не меньше чем владелец конторы, вдруг разругался с ним в пух и прах.

Выяснилось, что никак невозможно слегка потерпеть, пока институт не раскрутится в полную силу. Он гневно потребовал от прежнего друга свою часть активов. То есть, отобрал у него часть помещений. Расстались они очень плохо ...

... ноябрь 2011 года. Замдиректора, что разругался со «старым» гендиром, пригласили создать новую фирму. Она должна была заниматься тем же, чем и наш институт, под управление мыльного холдинга.

То есть, проектированием энергетических и прочих объектов. Он позвал к себе всех «строителей» нашей конторы.

Люди хорошо его знали, и идти к нему не очень хотели.

Честно сказать, бывший замдир был замечательный специалист определённого профили. Подобных людей в СССР называли массовиками-затейниками. Организовать и провести пикник на природе или поход в ближайший кабаk – это он делал с блеском, а вот насчёт проектирования был слабоват. Да и грёб под себя, никого не стесняясь.

Для начала, народ решил, сходить к новым начальникам и попросить скромной прибавки к зарплате. Ну, а если всё выгорит, то оставаться на месте и больше не дёргаться.

Новый гендир презрительно бросил в глаза просителям: – Уходите, кто хочет. Мы никого здесь не держим.

На следующий день, пятнадцать сотрудников подали ему заявление на увольнение. Итого за три месяца, институт благополучно покинуло более тридцати человек. Архитекторы то же сказали, что скоро уволятся.

Строительный отдел опустел, и тут неожиданно для молодого гендира, выяснилась неприятная вещь. Оказалось, что строители чертили фундаменты под опоры для ЛЭП. Да и сами опоры пересчитывали и усиливали. Так как, ужесточились все нормативы на воздействия погодных условий ...

... ноябрь 2011 года. Молодого гендира-экономиста вызвали на мыльную фабрику и распекли парня за то, что он не умет работать с людьми, благодаря чему они все ушли к конкурентам.

«Эффективные менеджеры» попытались набрать новых сотрудников. Да только на те небольшие зарплаты, что имелись тогда в институте, желающих, увы, не нашлось. Не помог даже их мониторинг.

Пришлось руководству мыльного холдинга стиснуть зубы от злобы, и подкинуть немного денег тем инженерам, что ещё оставались на месте. Правда, зарплата не поднялась до уровня «молодых энергетиков». Теперь этот разрыв стал составлять всего пятьдесят-сто процентов. С огромным трудом набрали новых «строителей» ...

Больше всех выиграл главный архитектор конторы. Причём и в зарплате и в должности. В давнее время «старый» гендир переманил его со стороны и обещал мужику должность главного архитектора всего института. После ухода бывших хозяев выяснилось, что он числится главным архитектором отдела строителей!

Нужно сказать, что такого ещё нигде не было в постсоветской России. Человек отвечал за архитектуру всего института, а числился и получал, как руководитель проектного сектора или же группы! После тринадцати лет упорных трудов, справедливость наконец-то была восстановлена ...

... ноябрь 2011 года. Понеся большие убытки, мыльная фабрика предприняла противоправные действия. Служба её безопасности позвонила бывшему замдир конторы, что переманил людей в новую фирму, и пригрозила ему скорой

расправой.

Он заявил, что его нанял энергетический холдинг, который находится на дальнем краю нашей страны. Они дали ему полный карт-бланш в создании своего филиала. Поэтому любые вопросы нужно решать с его дорогими хозяевами. Не ограничившись этим, мужчина нанял охранника.

Шеф безопасности передал данный ответ руководству. Вопрос о плохом поведении окраинного энергохолдинга перенесли в столицу России. Говорят, что рыжий Чубайс тоже встрял в столь глобальный вопрос. Как ни крути, здесь решалось, кто же начнёт контролировать всё проектное дело энергетиков Поволжья с Сибирью.

Из окраинного энергохолдинга прибыла большая комиссия, состоящая из матёрых мужиков-проектировщиков. Они быстро провели аттестацию набранного к ним персонала. Кое-кого сильно понизили в должности. Кому-то пришлось и вовсе уволиться.

Кончилось тем, что пожилого замдира, который создал новую фирму и набрал персонал, по-тихому проводили за дверь. Место начальника занял его персональный шофёр. Он очень кстати оказался бывшим военным, подполковником, который находился в отставке. Руководить филиалом стал председатель комиссии. Говорят, будет сидеть здесь целый год ...

... май 2012 года. Наш новый зам по строительству, сын

свободолюбивой Армении, прожил двадцать лет в средней России. За долгие годы он слегка обрусел, но не смог до конца, усмирить свой большой темперамент.

На любом совещании мыльного холдинга, он хотел кое-что объяснить жадным хозяевам, которые совершенно не знали проектного дела. В первую очередь, он говорил им о том, что документацию небольшого посёлка на двести коттеджей невозможно слепить за такие короткие сроки. После очередного такого пассажа ему настоятельно предложили уволиться.

– Оченн хАрашо! – Громко воскликнул истинный горец: – Давно хОтЭл с вами расстаться. – и армянин сделал то, чего все ожидали, написал заявление.

Следом за этим, он сделал то, чего никто не ждал от него. Обычно, кавказцы любят пустить пыль в глаза, своей неслышанной щедростью. Зам по строительству оказался совсем не таковским. Он закатил такую отвальную, что очень запомнилась людям. Таковую, что и прижимистые дети Израэлены могли бы ему позавидовать.

В последний день службы, он принёс к архитекторам маленький тортик, купленный в небольшом магазине и пару початых бутылок сухого вина. Они остались в его холодильнике с недавнего дня рождения нашего молодого сотрудника.

Мы, было решили, что это только для нас. Все слегка пожурились, что маловато будет, конечно, на десятерых чело-

век. Впрочем, и ладно, не стоит особенно жадничать. Спасибо, мол, и на этом.

Чать не госпремию он получил, а увольняется по собственному желанию мыльного холдинга. Мог бы сильно обидеться и не проставляться совсем. Все бы поняли это.

Но вот чего мы не поняли, так это зачем, при таком угощении он пригласил весь отдел – человек двадцать с лишним. Увидев такую «поляну», многие люди пожелали мужчине успехов на новом месте работы и свалили из комнаты. Нам уйти было некуда. Пришлось слушать его разговоры ещё целый час. Причём на сухую ...

... июнь 2012 года. Должность зама по строительству стала свободной. На это место экономист пригласил своего соседа по даче. Видимо он обучал молодого гендира работе в программе, что зовут «Архикад».

Оказалось, что это милый, улыбчивый и незлобивый мужчина лет тридцати. Имелся только один недостаток, он не никогда работал проектировщиком, а трудился преподавателем архитектуры в университете нашего города.

Как я узнал от знакомых, к нему иногда обращались с заказами. Он с удовольствием делал эскизный проект и получал за это приличные деньги. После чего, заказчик брал неплохие картинки и «сырые донельзя» планировки сооружений и зданий и передавал их проектировщикам.

Такие институты, как наш, доводили всё до ума, разработа-

тывали все чертежи, проходили госэкспертизу и курировали введение строительства. Но самое парадоксальное, что автором всё же считался именно он.

Я показал новому шефу своё большое портфолио. Оно насчитывало почти пятьдесят крупных объектов, из которых три с половиной десятка было успешно построено. После чего, попросил показать результаты его многолетних трудов.

Он немного помялся, но всё же принёс. Кроме двух заурядных многоэтажных домов, сделанных в коллективе соавторов, ничего интересного я больше там не нашёл. Большую часть его скромных работ составляли интерьеры квартир и тесных кафешек. Он и сам как-то обмолвился, что пришёл на эту работу, чтобы годам к сорока создать хоть что-то серьёзное ...

... июль 2012 года. Зам по строительству вдруг объявил, что он хочет создать архитектурную группу. Она будет вести разработку эскизных проектов. Мол, мы будем лишь рисовать планировки с картинками, а разработку всех чертежей начнем отдавать куда-то на сторону, на субподряд.

То есть, теперь будем работать, как он делал всегда. Слепил кое-что, кое-как, получил за халтуру приличные деньги и благополучно забыл, а там, хоть трава не расти.

Наш главный архитектор несказанно обрадовался. Честно сказать и я тоже. К этому времени, я почти сорок лет разгребал дерьмо за эскизниками. Захотелось самим перейти из

категории «рабочей скотины», в когорту скаковых лошадей, которые только красуются на ипподроме ...

... июль 2012 года. Мыльная фабрика потребовала ускорить проект посёлка на двести коттеджей. Нужно сказать, что за прошедшие месяцы, конкретных заданий от наших хозяев мы так и не видели.

Раз в две недели в руководстве мыльного холдинга появлялся очередной менеджер по продажам жилья. Вместе с ним, кардинально менялся тип застройки деревни.

Самое страшное, что ни одного письменного указания мы ни разу не получили от них. Не говоря уж о конкретном техническом задании на проектирование, подписанного вельможным заказчиком. Все было, словно в шпионских романах. Всё на словах и только сглазу на глаз, чтобы не было ненужных свидетелей. В самом крайнем случае, по телефону.

Каждый из менеджеров утверждал, что сейчас хорошо продаётся этакий тип малоэтажных домов, такой общей площади. Типы были самые разные. Одно, двухэтажные отдельные здания, блокированные дома и таунхаусы.

Площади тоже варьировались в очень широких пределах: от 60 метров квадратных до 240. Каждый раз, мне было нужно срочно слепить несколько вариантов для утверждения начальством. Пока я их чертил, менеджер, почему-то менялся, и всё приходилось делать сначала.

... июль 2012 года. Кроме планировок коттеджей мыльная фабрика требовала и цветные картинки трехмерных моделей. Зам по строительству мне заявил, что я работаю в программе, которую зовут «Автокад».

По нынешней моде это уже моветон (проще сказать, просто дерьмо – примечание автора). Все теперь лепят трехмерку в «3D MAX», в крайнем случае, лишь в «Архикаде». Поэтому он нанял людей, которые будут теперь заниматься лишь этим, а я займусь чертежами в группе «строителей» ...

(Тут на бумаге, оказалось удивительно много внушительных капель. Местами крупные слёзы заливали весь текст, написанный гелевой ручкой. Причём, заливали его так обильно, что с трудом удавалось прочесть эти горькие строчки. – примечание автора)

... июль 2012 года. Принесли пять картинок, что выполнили новые люди. То, что было сделано в «3D MAX», слегка превосходило мою работу по качеству, но не настолько, чтобы меня сильно хаять.

Да и фотореалистичности добиться они не смогли. Сразу было понятно, это не распечатанный на принтере фотографический снимок, а трёхмерная графика. Кстати сказать, мыльная фабрика не заплатила парням за работу, и они отказались сотрудничать с нашей конторой ...

... июль 2012 года. Зам по строительству вдруг объявил: – Наконец-то, завтра приходит работать молодой архитектор. Она очень быстро работает в «Архикаде», прямо, как молния. Не успеешь ей дать задание, как уже всё готово. Мол, теперь-то дела пойдут на ура, и с укором посмотрел на меня.

Вышла какая-то пигалица, судя по внешности из чистокровных дочек Сиона. Она вела себя так, словно принцесса с Востока. Слушала только себя и пропускала чужие слова мимо ушей. Она заняла отведённое место и принялась за работу.

Тут срочно понадобились картинки трехмерных моделей и меня вновь подключили к процессу. Часть делал я, часть наше ещё молодое, лет тридцати, дарование.

Выяснилось, что она выдаёт результат не быстрее, чем я. Да и картинка её мне не очень понравились. Без архитектурных изысков, про которые я был очень наслышан, и какие-то тёмные, даже на экране дисплея. Ну, а если их распечатать на обычной бумаге, так вообще, будет не на что глянуть. Мои изображения выглядели значительно ярче и были более чёткими.

Меня это сильно обидело, о чём тут же узнал зам. по строительству. Он передал мне через главного архитектора, чтобы я прекратил соревноваться с молодым дарованием и занялся вплотную рабочей. (Чертежами «строителей» – примечание автора)

Тут я, уже в тысячный раз, вспомнил то наблюдение, ко-

торое отлично усвоил в своей долгой жизни: – Главное, не как ты работаешь, а как тебе начальство относится ... (Опять очень много пятен от слёз – примечание автора)

... август 2012 года. Главный архитектор несколько раз съездил на совещания на мыльную фабрику. Каждый раз он пытался, кое-что объяснить жадным хозяевам.

Сидевший рядом гендир, толкал его ногой под столом и злобно шипел: – Помолчи!!! Они не любят, когда им перечат!!!

После очередного вояжа к начальству, гендир перестал его брать с собой ...

... август 2012 года. Заму по строительству объявили на очередном совещании: – Медленно очень работаете! Срыва-ете сроки!

Он попытался всё объяснить. Мол, задержки все вызваны постоянными переделками зданий. Слишком противоречивые команды поступают от менеджеров. В связи с чем, нужно каждый раз понемногу сдвигать сроки сдачи.

На что получил суровый отлуп в стиле ответа красного пролетариата английским буржуям во главе с Чемберленом: – Переделывать будете до тех пор, пока мы не утвердим эти планы!

И более твёрдо добавили: – Сроки не обсуждаются! А если у тебя в институте люди плохо работают, нужно их застав-

лять! За два месяца, что ты сидишь на занимаемой должности, ты даже никого не уволил!

Зам по строительству приехал в контору, тихо зашёл в комнату архитекторов, печально посмотрел на сотрудников и, погрузившись в задумчивость, вышел. Минут через пять, секретарша вызвала одну нашу женщину в кабинет гендиректора.

Две минуты спустя сотрудница вернулась назад с бледным от пережитого униженья лицом. Срывающимся от волнения голосом она сообщила: – Приказали написать заявление по собственному желанию, я написала ...

... сентябрь 2012 года. Неожиданно выяснилось, что мыльная фабрика купила под застройку посёлка весьма непростой участок земли. Он входил в биосферный заповедник Поволжья, взятый на учёт структурой ЮНЕСКО. На той территории не то что, строить, но и запрещено находиться без специального пропуска выданного природоохранными учреждениями.

Оказалось, что местность, где собрались возвести аквапарк, относиться к особо охраняемой зоне каскадных озёр. (Это такие огромные лужи, расположенные одна чуть выше другой. В них вода постепенно переливается из верхней полости в нижнюю. – Примечание автора)

Кроме того, данная местность весьма заболочена. Там гнездятся какие-то очень редкие утки и проживают совсем

эндемичные мухи. Таких во всём белом свете больше не сыщешь.

Ну а то, что кроме таинственных мух там ещё с давних времён обретается большая деревня, ничего не доказывает. Вопрос о переселении этих людей постоянно находится на контроле у губернатора области.

(Прошло десять лет, а люди всё так же живут там, как прежде. Скорее всего, все эндемичные мухи и утки уже передохли. А может быть губернатору ЮНЕСКО теперь не указ. – Примечание автора)

Мыльная фабрика тотчас заявила, что всё это чушь, и она быстро добьётся всего чего нужно, от губернатора области. Он напишет указ о переводе этих земель из территории заповедника в обычную зону, где можно жить людям.

Тут неожиданно выяснилось, что и бумаги у них на данный участок не все толком оформлены. По всему получалось, что процедуры по переоформлению земли могут занять три года, не меньше. Сумму, в которую встанет вся эта затея, никто не осмеливался даже назвать ...

... сентябрь 2012 года. Мыльная фабрика отложила проект строительства коттеджной деревни на берегу каскадных озер. Они решили заняться серьёзным объектом под помпезным названием «Ближние выселки».

Благо, что у мыльного холдинга оказался в запасе ещё один крупный участок. Он находился недалеко от места жи-

тельства эндемичных уток и мух. Здесь наши хозяева решили построить маленький город. Ну, город не город, а по советским стандартам, посёлок городского типа на девять тысяч жителей.

За два года до этого, нечто подобное принялись возводить на противоположной окраине центра нашей внушительной области. Владелец земли предлагал там довольно недорогие небольшие квартиры. Их возводили из очень дешёвых строительных материалов. (Короче сказать, просто дерьмовых – примечание автора)

В среде проектировщиков, тот городок все называли «Кошмар-проектом». Однако, выгода оказалась невероятно существенной. Ну, раз не получилось нажиться на отдельных коттеджах, тогда заработаем на малоэтажных домах, решила мыльная фабрика.

Строительство намечалось на месте пойменных, обширных лугов бывшего сельхозпредприятия. В проклятые либералами, советские годы совхоз снабжал весь большой город свежими овощами и фруктами.

(По нынешним временам, буржуи решили, зачем всё выращивать прямо под боком? Такие продукты значительно выгоднее купить за границей: в Европе, Турции или в Китае. По крайней мере, деньги там сразу останутся, и не придётся думать о том, как их увезти из России. – Примечание автора)

Если кто-то не знает, то пойменные луга, заливаются реками во время всех половодий. Да и среди жаркого лета вла-

га достаточно близко подходит к поверхности почвы.

Одним словом, если копнуть там на полметра лопатой, то сразу увидишь, что в лунке стоит мелкая лужа. Такие гидрогеологические условия очень подходят для выращивания овощей и всяческих ягод, а вот хороши ли они для строительства многоэтажных строений, вопрос?

Воды было так много, что в давнее время, совхоз там провёл мелиорацию. В полях прорыли каналы шириною в три метра и глубиной полтора. Они отводили лишнюю влагу в ближайшую реку.

Однако, планировка посёлка не предполагала строительства там глубоких каналов, словно в Венеции. Да, и завозить гондольеров с их длинными лодками, туда никто не хотел.

«Эффективные менеджеры» из мыльного холдинга родили очередную гениальную мысль: – Насыпать на эти поля немного земли, а сверху устроить газоны и уложить обычный асфальт.

То, что фундаменты зданий всегда будут в воде, никого не расстроило. Однако, этим весьма озаботились проектировщики. О чём они доложили начальству. Последовал окрик из мыльного холдинга, и мы взяли под козырёк.

Как говорил один умный мужчина: – Проектировщики, это рабы на галерах прогресса. – Поэтому, один взмах плети хозяина и работа тотчас закипела во всю. (Правда, народ переименовал название большого посёлка, и стал его называть: – Лужным городом или городом луж – то бишь, Лужниками –

Примечание автора)...

... сентябрь 2012 года. Началась та же самая драма, что и с малоэтажной деревней. Каждый следующий менеджер по продажам жилья, отвергал наработки, выполненные по указаниям предшественника.

Вот только типов всяческих зданий оказалось значительно больше, чем видов коттеджей. Они ведь бывают самыми разными: секционные, коридорные, галерейные, рядовые и угловые.

Полюс ещё и квартиры: одно, двух, трёхкомнатные и, конечно же, студии. Началось все со студий. Якобы они теперь самые модные и покупатели их просто вырывают из рук.

Студия это такой длинный вагончик. При входе с торца – крохотная прихожая, здесь же дверь в совмещенный санузел. Дальше всё вместе и зала, и спальня, и кухня в едином флаконе. И все это на площади не более 25 метров квадратных.

К тому же, у менеджеров есть какой-то мифический коэффициент – отношение продажной площади здания к общей. При идеальном раскладе он должен стремиться к единице. Мы напахали десятки разнообразнейших схем, но тут на мыльную фабрику пришёл новый менеджер и студии канули в лету ...

... октябрь 2012 года. Ура! Мы взялись за дома с простыми квартирами.

Мыльная фабрика поставила перед нами очередную большую задачу: – Создать жильё не похожее на те небольшие клетушки, что предлагал их конкурент из «Кошмар-проекта».

Я распечатал им планировки бюджетных домов, которые наш институт проектировал до своего разорения. Менеджеры по продажам просмотрели все чертежи и заявили, что это жильё для олигархов, а не для простых россиян.

В следующую пачку листов я вложил планировки квартир, что назывались в народе «хрущобами». (Их много построили во времена незабвенного Никиты Хрущёва. То есть, более чем полвека назад. – Примечание автора)

Из мыльной фабрики мне сообщили, что квартиры, в, общем, хорошие, но они слишком большие. Никто их не купит. Нужно хорошенько ужаться. Менеджеры долго нас мучили и требовали тьму вариантов с разнообразным набором всех площадей, как жилых, так и подсобных.

Наконец, они очень устали, слегка успокоились и выдали суровый вердикт: – Лучше, чем у «Кошмар-проекта» человечество придумать не сможет. Поэтому возьмём его квартиры за образец.

(Эти квартиры были теснее и хуже, чем те «хрущобы», которые всегда проклинали либералы России. Улучшение жилищных условий в нашей «социальной стране» продолжает продвигаться вперёд. В настоящий момент продаются «квартиры» площадью в пять метров квадратных. – примечание

автора)

Мы плюнули и нарисовали им то, что захотело начальство. Получилось шесть разных секций трёхэтажных домов...

... октябрь 2012 года. Стали мы размещать эти секции на генплане района. Вспомнили об инсоляции. (Степень освещения помещений лучами нашего солнца – примечание автора)

Делать расчет дали «молодой» архитекторше. Она сделала его достаточно быстро. Из своего любопытства я взглянул на него, и меня что-то смутило. Чуть присмотревшись, я понял, в чём собственно дело. Не могла инсолироваться комната, что находилась на западной стороне угловой жилой секции. Тень от самого здания должна закрывать это окно.

Я высказал большое сомнение по поводу правильности расчёта «молодой» архитекторши. И получил гневную отповедь. Суть её сводилась к тому, что она уже десять лет всё считает, и никогда в экспертизе не было никаких замечаний. И вообще она работала не только проектировщиком, но и руководителем группы и главным архитектором фирмы так, что опыта ей не занимать.

Я построил в компьютере трехмёрную модель данного дома и показал всем, как перемещается тень от движения солнца. Проверяемое окно не инсолировалось ни одной минуты.

В ответ я услышал, что «Автокад», в котором работаю я,

это не доказательство моей правоты. Я попросил архитекторшу построить модель в «Архикаде», повесить солнце над ней, и снова проверить её инсоляцию. По её спутанным фразам я понял, она даже не знает, что это возможно.

Я изучил «Архикад» довольно неплохо, но не любил в нём работать. На мой взгляд, он не давал достаточно яркой и чёткой картинки. Всё в нём получалось, словно в лёгком тумане.

Я стал объяснять архитекторше, что и как нужно сделать. И тут же наткнулся на резкий отпор. Мол, это всё ерунда, нужно считать по специальному графику СНИПа, как она постоянно работает уже много лет.

Я попросил объяснить, как же она проводит свои вычисления? Скривившись, словно лимон раскусила, она показала прикидки по данному дому.

Выяснилось, что все десять лет, архитекторша брала свои чертежи и вставляла в них график из СНИПа с огромной погрешностью. То есть, в масштабе в два раза меньшем, чем нужно! Совершенно естественно, что при расчёте всех затенений от стоящих поблизости зданий она получала неправильный вывод.

Длина падавшей тени у неё выходила в два раза короче, чем было на деле. Поэтому по её вычислениям всё получалось, как надо. Затенение не доходит до окон и квартиры хорошо инсолируются.

Я лишь подивился её невероятной везучести. Ведь в то

жилье, что она проверяла, не попадало ни одного лучика солнца. За десять лет, такую работу ни разу, никто не проверил и не вчинил крупный иск за большую ошибку.

Архитекторша отказалась внимать голосу разума, и я доложил об этом начальству. Зам по строительству сам ничего не понимал в инсоляции. Однако, он мне не поверил, подошёл к своей протее и приказал разобраться.

Скрепив своё сердце, она позвонила кому-то в другую контору, и ей там объяснили, что я прав во всём. Архитекторша ещё больше скривилась, но, всё же преодолела гордыню и, извинившись передо мной, попыталась обернуть инцидент просто в шутку ...

... октябрь 2012 года. Хозяева вдруг озаботились соцкультурным Лужного города. Меня посадили на разработку детского сада. Сначала сделал на 220 мест. Следом на 240. Потом на 280. Причём, все в трёх вариантах. Плюс модификации с детским бассейном и без бассейна. Чертежи велели отдать куда-то на сторону.

После чего, я занялся катком (крытый стадион с искусственным льдом – Примечание автора). Подоснова так же ушла неизвестно куда. Фамилия у субподрядчика оказалось такой же витиеватой, как и у прочих руководителей мыльного холдинга. У меня создалось впечатление, что мы все живем в филиале Израиля. (То же самое можно сказать и про телевидение «великой России» – примечание автора)...

... октябрь 2012 года. Зам по строительству привёл к нам в отдел ещё одного «молодого сотрудника». Это оказался мужчина лет тридцати с небольшим. Сын архитектора довольно известного в городе.

Он тоже трудился на значительных должностях в разных конторах. Вот только сам, никогда не занимался проектной работой. (Ничего не поделаешь, наступил век горлохватов и дилетантов. Главное связи, а не умения и знание конкретного дела. – примечание автора)

«Юный талант» высказал полное пренебрежение к СНИПам и другим документам, что используют в российском строительстве и начал конфликтовать по этому поводу с нашим главным архитектором.

(Чего уж тут удивляться, если наш президент В.В Путин, призвал: – «Зачистить СНИПы и хрипы ... для наведения порядка в строительной отрасли». – примечания автора)

Главный архитектор сначала весьма добродушно отнесся к этим пассажирам. Мол, будем делать, как велит руководство. Всё равно отдадим подоснову на сторону. Пусть субподрядчики и разбираются с данным эскизником, и ломают башку, как правильно выполнить рабочий проект.

Но тут зама по строительству нашей конторы вызвали на мыльную фабрику и выразили неудовольствие по поводу неспешной работы его подчинённых.

Повторился знакомый уже разговор:

– Будете делать столько вариантов жилья, пока нам не понравится какой-то из них.

– А сроки?

– А сроки не обсуждаются. У тебя люди плохо работают! Чтобы их подстегнуть нужно кого-то уволить!

Зам по строительству думал недолго. Он предложил главному архитектору написать заявление с просьбой перевести его на должность руководителя группы с зарплатой ниже на двадцать процентов.

Глав. архитектор не стал ерепениться и написал заявление, заявление на увольнение. Было очень похоже, что зам по строительству не ожидал такого исхода. Он думал поставить своё протеже главным архитектором нашей конторы, а ответственность за все решения и сроки повесить на вновь испеченного руководителя группы ...

... октябрь 2012 года. На место уволенной архитекторши тридцати двух годов от рождения, приняли «новую» женщину за шестьдесят. Видимо никто помоложе, не пошёл на такую зарплату .

Кроме того, все последние годы старая дама чертила генпланы. Это всех нас совершенно добило. У нас и так было два генпланиста, которые успешно справлялись с работой, зачем нам ещё-то нужна?

Все прояснилось, когда мы узнали, что эта сотрудница работает в «Архикаде», очень любимом генеральном директо-

ром. Зам по строительству решил всех генпланщиков переучить на эту программу. Они наотрез отказались. (Им тоже было под шестьдесят. В таком «зрелом» возрасте учиться уже ни к чему. Проще выйти на пенсию – примечание автора)

Теперь у нас три генпланицы, а архитектурные чертежи, кроме меня, выполнять больше не кому. Гордая дочка Сиона, протеже руководства и «специалист по инсоляции», занимается только картинками, да ещё подосновами.

Мало того, перетруждаться она, увы, не намерена. При любых обстоятельствах, встаёт ровно в пять и уходит домой. Я начал следовать такому примеру. Работаю ровно восемь часов, с девяти до шести и не больше ...

... ноябрь 2012 года. Всё время работы в нашей конторе зам по строительству усердно трудился в своём родном университете. Так сказать, без отрыва от основного места работы.

Читать одновременно лекции и пребывать девять часов в институте он, конечно, не мог. Поэтому бывал у нас только наездами. Да и то не каждый день «вырывался он к нам».

Совершенно естественно, что дело от этого сильно страдало. Тогда он настоял, чтобы приняли ещё одного ГИПа (главный инженер проекта – Примечание автора), который бы занимался Городом Луж. Отказать дорогому приятелю и соседу по даче, генеральный директор, конечно, не смог. И так,

появился у нас ещё один надзиратель.

Обязанности глав. архитектора зам по строительству повесил на своего протеже. Ответственность за сроки на ГИПа. Тот не был совсем дураком. Он вызвал меня и стал делать накачку в чисто социалистическом духе.

Мол, я должен делать то-то и то-то, в том числе, и нести ответственность за всех архитекторов. Кроме того, я обязан ещё и писать чёткие графики на себя и на каждого проектировщика и регулярно отчитываться об их исполнении.

Я спросил ушлого ГИПа: – Зачем мне это нужно? Я ведь не начальник данного сектора?

– Потому что ты самый опытный и авторитетный в той комнате и это твоя прямая обязанность! – давил он на меня.

– Где это написано? – продолжал я выпытывать.

– В должностной инструкции! – с каждым моим «глупым» вопросом ГИП раздражался всё больше и больше.

– Покажите мне мою должностную инструкцию. – вежливо попросил я мужчину.

– Напишем, покажем! – зверея, прорычал грозный начальник.

– Вот когда я с ней ознакомлюсь и её подпишу, тогда и продолжим наш разговор. – откликнулся я, встал и ушёл ...

... ноябрь 2012 года. Со своими дурацкими графиками ГИП наезжал на меня ещё несколько раз. Я ему честно ответил: – Это ваша обязанность нагружать меня текущей ра-

ботой и указывать сроки её исполнения. А я должен всегда выполнять реальные планы своего руководства.

Я не собираюсь брать на себя повышенные кем-то из вас обязательства и героически их выполнять. Сейчас не социализм на дворе. Как говорят нам в правительстве: – Каждый труд должен быть, честно оплачен.

Хотите, чтобы, кроме своей персональной работы, я делал что-то ещё – платите деньги за это. Если на них, я ещё соглашусь.

На этом наши разговоры и кончились. Согласно законодательству, руководство имело возможность, в любую секунду уволить меня. Вот только они не могли этого сделать прямо сейчас.

Тогда бы они, остались лишь со своими двумя протеже и затормозили бы выпуск продукции на тридцать процентов. Конечно, незаменимых в нашей стране никогда не имелось, но чтобы найти кого-то другого, нужно определённое время, а это ещё больший срыв назначенных сроков ...

... ноябрь 2012 года. Протеже зама по строительству не потянул должность глав. архитектора. Во-первых, характер у него оказался не того склада, что нужно. Мужчина привык работать по принципу: – Сделал эскизник, получил за них приличные деньги, а там хоть трава не расти.

А тут приходилось, принимать технически грамотные решения и отвечать за них перед своим руководством и госэкс-

пертизой. Во-вторых, работу по созданию картинок с него никто не снимал.

К этому времени, мыльная фабрика озаботилась внешним обликом малоэтажных домов, и начался довольно мучительный поиск архитектурного образа. «Эффективные менеджеры» постоянно шарахались от конструктивизма до классицизма. После утомительных поисков остановились на некоем подобии сталинского ампира. Только без звёзд, серпов, внушительных молотов и других атрибутов соцреализма ...

... ноябрь 2012 года. Похоже, что жадность совершенно застила глаза хозяевам мыльного холдинга. Там вдруг решили, что мы должны сделать точную копию «Кошмар-проекта» и пригласили консультантом того человека, который там недавно работал. Он притащил тьму чертежей.

Мы их смотрели и буквально качались от удивления. В век всеобщей компьютерной грамотности всё было исполнено на бумаге руками. Причём очень коряво, словно они в первый раз увидели простой карандаш.

Кроме того, чертили всё это очень странные люди. То ли, тётки позднего пенсионного возраста, то ли, студенты первого курса стройинститута? Скорее всего, это были вторые сограждане под управлением первых. Первые видимо уже много забыли. Ну, а вторые, похоже, никогда, ничего и не знали

...

... декабрь 2012 года. Почти в шесть часов вечера, когда все уже собрались домой, в комнату внезапно ворвался невысокий мужчина лет сорока. Следом трусил зам по строительству и все остальные «строители».

Начальник представил всем позднего гостя. Фамилия у него оказалась из той самой серии, что у крупных наших начальников. Что-то типа: – Тип-Пыр-Чковский. Это и был тот легендарный консультант-перебежчик, что украл информацию у конкурентов мыльного холдинга (У «Кошмар-проекта» – примечание автора).

Ощущая себя приглашенной на периферию звездой, он громко вещал разные глупости. Причём, давал нам безграмотные рекомендации по планировкам дешёвых и низких домов.

Как я писал в дневнике, до наступления кризиса, наша контора только за год запроектировала и провела экспертизу 17 жилых внушительных секций от девяти до двадцати этажей.

На наши попытки, прервать бесполезный поток словоблудия, «приглашённый варяг» не обращал никакого внимания. Так и болтал целый час. Наконец, он слегка притомился, и позволил кому-то, вставить фразу по поводу его странных высказываний.

Злобный проектировщик прицепился к несущественной мелочи в рассуждениях гостя и сообщил, что СНиП это, увы, запрещает (Строительные Нормы и Правила – основной до-

кумент в российском строительстве – примечание автора).

Ничуть не смутившись, мужчина отставил в сторону правую ножку – ну вылитый Наполеон перед горящей Москвой, и с неслыханной гордостью вдруг заявил: – Да я эти СНиПы никогда не читал и вон, какой там посёлок построил!

В комнате воцарилась мёртвая тишь. Зам по строительству, которому мы всё же сумели привить уважение ко всем документам, что регламентируют стройки России, аж поперхнулся. Он постарался свернуть разговор и увести странного гостя из комнаты.

На следующий день, весь институт уже знал о словах консультант-перебежчика. После чего, кто-то пустил по конторе другой вариант его благородной сионистской фамилии. Теперь его называли не иначе, как: – Мудаковский.

Кличка к нему так и прилипла, вряд ли уже оторвешь ...

... декабрь 2012 года. Перед наступлением нового года ГИП завёл разговор, что наша контора срывает производственный план, намеченный большим руководством. Поэтому, возникла особая необходимость. Мне нужно будет приходиться на работу в течение долгих «январских каникул».

Мол, за это меня премируют отдельно. Я уже трижды выходил в выходные, но никакой компенсации, ни единого разу мне не давали. Никто о ней даже не заикался потом. Я вспомнил об этом и горестно всё поведал начальнику.

Он начал меня уверять, что теперь большая оплата будет

уже обязательно. Я написал служебную записку на имя гендиректора. В ней говорилось о дополнительной плате в двойном размере за отработанные «каникулярные дни». Внизу я поставил имя и фамилию ГИПа.

Я отдал цидулку пожилому начальнику и твёрдо сказал: – Когда я увижу подпись директора на этой бумаге, тогда я и выйду.

На этом всё и закончилось ...

... январь 2013 года. Зам по строительству нам сообщил, что ему позвонил один крупный менеджер, чуть ли не зам мыльного холдинга, и задал интересный вопрос: – Кто он такой этот СНИП? Почему он всем и всё запрещает?

Скорее всего, человек тот решил, что СНИП это фамилия довольно влиятельного сына Сиона, который сидит в нашем правительстве.

Зам по строительству попытался, как смог, объяснить этот казус большому начальнику. Хорошо, что к этому времени, он сам хоть, что-то узнал по данному поводу ...

... январь 2013 года. Мечта нашего зама по строительной части, наконец-то, исполнилась. Он всё-таки создал в институте «группу перспективного проектирования». Теперь она будет делать эскизники и отдавать их на сторону, на субподряд.

В неё вошли, зам по строительству и его два ставленни-

ка: «специалист по инсоляции» и неудавшийся глав. архитектор. Со временем, к ним должен был подключиться очередной «крупный талант». Один медведеобразный мужик, работающий лишь в «Архикаде». Эту команду пересадили в соседнюю комнату. Подальше от прочих плембеев.

После чего, неожиданно выяснилось, что «рабочку» за нами будем делать именно мы – группа «строительного проектирования». То есть, те архитекторы нашей конторы, что не вошли в элитную группу. В том числе и ваш покорный слуга.

Передавая слова зама по строительной части, «принцесса с Востока» сказала с усмешкой: – Рабочку будут делать рабы.

(В этом месте на писчей бумаге оказалось невероятное большое количество внушительных капель. Слезы заливали весь текст так обильно, что с едва удавалось прочесть то, что написано. Чернила от гелевой ручки весьма расплывались – примечание автора)

В помощь нам приняли двух молодых архитекторов, что лишь прошлым летом закончили стройинститут. Это были армянин и татарин. К той сладкой парочке тут же прилипла интересная кличка «Равшан и Джамшут». (Вымышленные гастарбайтеры из телепередачи «Наша Russia» – примечание автора)

Меня позвал к себе ГИП и попёр на меня по новому поводу. Якобы, я должен обучать молодежь, готовить себе достойную смену и проверять их чертежи. Мол, теперь я руководитель «группы рабочего проектирования», на мне лежит

большая ответственность и всё остальное в этом же роде.

Я вежливо спросил у мужчины: – А где же приказ о моем повышении? Я ещё не видел его и ничего не подписывал. Кроме того, какая прибавка мне будет за новую должность, и сколько мне будут платить за работу с молодыми специалистами, что только пришли в институт? – ГИП сильно разгневался, и разговор завершился ничем ...

... февраль 2013 года. Лепим «рабочку». У нашей группы в работе шесть разных секций. Почему-то, четыре из них, самые крупные, достались именно мне. Две остальные, поменьше, сунули пожилой архитекторше, раннего пенсионного возраста. Она обладала весьма оглушительным голосом.

Если честно сказать, элитную группу и пересадили от нас лишь по одной важной причине. Громкоголосая дама неуважительно обращалась к «молодым дарованиям». Она им тыкала в нос разными СНиПами и всячески их поносила за незнание основных документов, которые необходимы в строительстве.

Она постоянно им говорила, что они лишь эскизники, а что-нибудь путное запроектировать сроду не смогут. Особенно доставалось несостоявшемуся глав. архитектору.

Равшан и Джамшут у нас лишь на подхвате. Им ничего нельзя поручить. У меня создалось впечатление, что они не дипломированные специалисты, а студенты третьего курса стройинститута. Ничего толком не знают и ничего не умеют.

Общим развитием, тоже не блещут. По уровню знаний, очень похожи на слабеньких девятиклассников. Кроме того, пришлось им переучиваться на «Автокад».

Кроме элитной команды и престарелой генпланщицы в «Архикаде» у нас в институте никто не работает. Да и все прочие смежники не понимают подобных изысков ...

... февраль 2013 года. Менеджеры мыльного холдинга внезапно придумали новую фишку. Раньше, все нормальные люди, разрабатывали отдельные секции зданий и добавляли к ним чертежи с вариантами их блокировки. наших продвинутых гениев это, увы, не устроило.

Они дружно решили, что на листе должны быть начерчены все дома целиком. Если дом состоит из трёх разных секций, то не хай, будут все три. Ну, а если он из пяти, то ... и т.д.

Кстати сказать, на нашем генплане есть жилые дома, где более десяти секций к ряду. Пять из них расположены под прямым углом к остальным. Интересно, как мы будем выкручиваться?

Переделываем все чертежи под новое распоряжение холдинга. У меня, почему-то, оказалось одиннадцать длинных домов, а другого архитектора пять. Так распорядился наш ГИП. Наверное, мстит мне за мои выкрутасы. Хорошо, что я быстро работаю и пока всё успеваю.

В каждом том доме от двух до четырех крупных секций.

Получаются огромные простыни. Все объяснил Равшану с Джамшутом и посадил их на фасады. Вроде справляются. Хорошо, что не огрызаются, как делает вся молодежь. Понимают, что ничего толком не знают и очень стараются хоть чему-нибудь здесь научиться. Выдали задание строительной группе ...

... март 2013 года. Строительная группа разложила плиты покрытия, и «эффективные менеджеры» схватились за голову. Много типоразмеров. Нужно переделывать все планировки.

Две недели пахали, а вернулись к тому, с чего начинали. Либо много типоразмеров в железобетонных покрытиях, либо лишние площади в тесных квартирах. Решили оставить, как было до этого.

Теперь «эффективные менеджеры» озаботились секциями, которые зовут угловыми. Они надумали в них разместить, квартиры для инвалидов и магазины внизу. Косяком пошли варианты. Хозяева в полной растерянности. Никак не могут что-нибудь выбрать, а время идёт. Срок сдачи не обсуждается, как и всегда ...

... март 2013 года. Поступила новая указивка. На менеджеров с мыльной фабрики снизошло просветление. Они придумали, как снизить себестоимость трехэтажных жилых зданий. Все очень просто! Нужно сделать все кирпичные сте-

ны толщиной 250 мм, то есть в один кирпич! В проклятые советские времена такие стены делали, только у небольших сараев и надворных уборных. Мы все в шоке ...

... март 2013 года. Переделываем ранее выпущенные чертежи. Меняем толщину стен из кирпича с 380 на 250 мм. Строительная группа ругается всеми словами, которые знает. В основном, нецензурными.

Кругом возникают мостики холода. Стены приходится сильно армировать. Сколько стоит сама арматура, а так же работа с её размещением, на мыльной фабрике никто не считал. Наверняка было дешевле, оставить кладку толщиной в полтора кирпича.

... март 2013 года. Приняли нового глав. архитектора. Пожилая увядшая женщина шестидесяти пяти лет от рождения. Подружка нашей «новой» генпланщицы.

Раньше работала с нашим «весьма уважаемым» ГИПом. Зам по строительству ей сообщил по секрету, что работы у нас только по Лужному городу лет на десять вперёд.

По сравнению со «старым» глав. архитектором она держит себя несколько странно. Похоже, что все последние годы привыкла сидеть за спиной очень сильного ГИПа. Совершенно уверена, что здесь ей удастся заняться истинным творчеством. Наивняк! Она же не знает, что в этой конторе всё совершенно не так.

Приходит к она десяти и в четыре уже исчезает. Частенько звонит и говорит абоненту, что сегодня не сможет придти. Выяснилось, что живет она далеко и добирается полтора-два часа в каждый конец.

Десять лет кряду была обманутым дольщиком и воевала с застройщиком. Наконец-то, недавно она переехала в отвоёванную с кровью квартиру с черновой отделкой и теперь занимается капитальным ремонтом.

Живет вместе с матерью, которой за восемьдесят. Как у всех стариков, у любимой мамыши уже едет крыша. Так, что «новому» глав. архитектору не позавидуешь и поэтому ей не до работы. Отдохнуть хотя бы недельку.

Ей запретили касаться элитной группы «молодых дарований». Чем они там занимаются, никто у нас толком не знает. Бабы твердят, что зам по строительству создал с гендиром другую контору и их протеже пашут на них. ГИП повесил на глав. архитектора все технические вопросы и ответственность за сдачу проекта. Она находится в шоке. Мы к ней по чуть-чуть привыкаем ...

... апрель 2013 года. Новый приказ мыльной фабрики: – Бросить все трёхэтажки и начинать пятиэтажные секции. Планировки велели оставить такими же. Мы взяли исправленные чертежи трёхэтажек и возвращаем им стены толщиной в 380 мм.

... апрель 2013 года. Подоснову пятиэтажек велели передать в субподряд сторонней конторе. Все чертежи мы отправили по электронному адресу неизвестно куда. Сами продолжаем колбаситься опять с трёхэтажками ...

... апрель 2013 года. Субчики (субподрядная организация – примечание автора), отказались выпускать чертежи целиком по домами. Будут делать проект по нормальному – отдельными секциями, плюс чертежи блокировки строений.

Мыльная фабрика вызвала их руководителей к себе на ковер, и начала разговор в том же пренебрежительном тоне, в каком привыкла общаться с нашей конторой. Что было потом, нам рассказал наш зам по строительству.

Субчики, молча, послушали претензии мыльного холдинга. Он свернули свои чертежи в толстую трубочку и одновременно встали. Их ГИП заявил: – Мы будем делать так, как положено! Не нравиться наш производственный стиль – расторгайте трудовой договор и платите нам неустойку. Кроме того, пока вы не переведете все деньги за уже выполненную нами работу, мы не начертим даже коротенькой линии.

Все развернулись и дружно вышли из комнаты. У менеджера мыльного холдинга челюсть отвисла до самого пола. Они были уверены, что со всеми проектировщиками можно общаться, так же, как с нами. Но видно у субчиков очень крепкая крыша. ...

... май 2013 года. Потихоньку сдаём трехэтажные секции. Выпускаем стадию «П». («Проект» – утверждаемый этап проектирования объектов реконструкции и строительства, на основании которого получают разрешения на строительство и подсчитывают смету. «Проект», является воплощением общего технического задания, на основании которого разрабатывается «Рабочая Документация» – примечание автора).

Зам по строительству нам сообщил, что потом мы займемся семи и девятиэтажками для расселения отставных военных России.

Агентство «ОБС» (Одна Баба Сказала – примечание автора) передает, что мыльная фабрика решила закрыть свой институт в Нижнем Новгороде. Мол, не приносит ожидаемой прибыли.

Похоже, у них там дела идут, так же плохо, как и у наших «молодых энергетиков». Нахапали неподготовленных к работе объектов без всех нужных данных, а теперь платят неустойки заказчикам за срыв намеченных сроков.

Контору в Иванове пока что не тронули, Там нормально работают, но это вопрос ближайшего времени. Мыльная фабрика решила совсем отказаться от проектного бизнеса. Нет тех огромных доходов, что они ожидали.

Самое странное, что филиал окраинного энергохолдинга, куда ушла вся наша «старая» группа «строителей» всюю процветает. Заказов у них очень много и зарплаты там вы-

ше, чем в нашей конторе. Вот что, значит умные и знающие руководители ...

... май 2013 года. «ОБС» теперь говорит, что и нас ждёт та же участь, что институт в Нижнем Новгороде. Мы подняли их на смех, но на душе не спокойно. Послали глав. архитектора к её руководству.

Она ушла, очень долго отсутствовала, а когда вернулась, успокоила нас. Мол, зам по строительству вместе с ГИПом твердят, что работы у нас лет на десять вперёд. Будем лепить подосновы, как по пятиэтажкам, детсадам и катку и отдавать их на сторону. Так, что волноваться нам не о чем. Мы им поверили, но аванс за май месяц нам до сих пор так и не дали ...

... май 2013 года. Группа «строителей» начала проектировать фундаменты секций. Они, наконец-то, открыли полученную на днях геологию (документ, составляемый в результате геологического обследования местности, содержащий все необходимые данные, характеризующие геологическое строение района – Примечание автора).

Там было написано то, о чём я говорил всем давно. Мол, сезонное поднятие грунтовой воды происходит до уровня, на котором у нас расположены полы первого уровня зданий.

О таком милом казусе «строители» доложили вверх инстанциям. Мыльная фабрика тотчас заказала ещё одну гео-

логию. По ней получалось, что вода не доходит до пола на метр. Она начнёт заливать лишь все газоны с дорогами ...

... май 2013 года. С институтом в городе Нижнем всё прояснилось. Всё вышло так, как нам говорил «ОБС». Контору закрыли, людей сократили. Из мыльной фабрики прислали ещё один график выдачи документации.

Он заканчивается серединой июля. Дальше была «пустота Торричеллиева». Зам по строительству нам говорит. Мол, всё ерунда, будем и дальше работать, как раньше. Стройка пошла. Вопросов будет полно, придётся их быстро решать. Но вот аванс нам так и не дали, а время уже и к расчёту подходит.

«ОБС» сообщает самые разные новости. Слухи на любой, самый взыскательный вкус. Не знаем, чему стоит верить? Одни говорят, что сократят лишь «строителей», а энергетиков нет. Мол, надоело им содержать захребетников.

Другие твердят, что всё наоборот. Энергетиков быстро уволят, а «строителей» оставят на месте. Только всех переселят на мыльную фабрику, слишком аренда тут дорогая. Называют нам адреса, куда мы переедем. Каждый раз они очень разные.

Лужный город показали по телику. Сам губернатор туда приезжал и перерезал красную ленточку возле вырытого в земле котлована. Хозяин мыльной фабрики вился перед чиновником бесом и, не краснея, соврал, что документация на

всё строительство города готова уже целиком. К концу года, первые трёхэтажки можно будет уже заселять ...

... май 2013 года. Зам по строительству вызвали на мыльную фабрику и приказали ему написать заявление на увольнение по собственному желанию. Он написал с первого июня ...

... май 2013 года. Мыльная фабрика начала получать разрешение на строительство трёхэтажек. Выяснилось, что она купила поля, на которых мы проектируем Лужный город.

Однако, хозяином многих арыков, что перерезают площадку в двух направлениях, является кто-то другой. Раньше канавы принадлежали министерству мелиорации, а теперь каким-то подозрительным лицам. Они отказались продать эти артерии для отвода воды. Ведутся переговоры.

Когда начинали проектирование Лужного города, мы спрашивали менеджеров мыльного холдинга: – Как быть нам с арыками?

На что получили безапелляционный ответ: – Не обращай-те внимания.

Теперь половина домов оказалась прямиком на канавах. Некоторые из них сидят так удачно, что арыки проходят прямо по центральной оси длинного дома, вдоль множества секций.

Самое страшное то, что канал трудно прорыть, и намного

труднее избавиться потом от него. Вода так и будет бежать по старому руслу, постепенно вымывая оттуда насыпанный грунт. Придётся или заключать каналы в трубы, или отводить воду в сторону. В любом случае это дополнительные работы с фундаментами ...

... июнь 2013 года. Со стройки уже нам звонили. Они промахнулись при закладке фундаментов. Перепутали проектную отметку с уровнем существующей почвы и заглубились на лишних полметра.

Прорабы интересовались, что же делать теперь? Начальник «строительной» группы послал их на мыльную фабрику. Мы пребываем в недоумении. Если нас всех разгонят, то кто будет делать «рабочку»? (Рабочую документацию. Без неё невозможно сдать в эксплуатацию новое здание. – примечание автора).

Кто будет теперь, отвечать на все вопросы со стройки, переделывать для них чертежи, пересчитывать сметы и вести надзор за работой? По всей видимости, менеджеры мыльного холдинга решили, нанять десяток таджиков, которые им всё очень быстро и дешево сделают.

Денег за май нам так и не видели. Аванс за июнь тоже не дали. С мыльной фабрики постоянно звонят и требуют срочно им выдать то одно, то другое. Глав. архитектор как-то ответила особо ретивому менеджеру: – Мы тут последние дни дорабатываем. Неужели вы думаете, что мы всё это сделать

успеем?

С того конца провода безапелляционно заявили: – Мы же составили вам чёткий график. Вы должны его выполнить, перед тем, как уволиться.

Глав. архитектор бросила трубку, а я со вздохом добавил: – Больные на голову люди. Они нам не платят зарплату уже больше месяца и почему-то рассчитывают, что мы будем задницу рвать, чтобы выполнить их дурацкие графики. Ну, а в награду получить уведомление об увольнении ...

... июнь 2013 года. Молодежь из разных отделов удивительно дружно побежала в другие конторы. «Старики» сидят и с унынием ждут развития дальнейших событий. И вот, наконец-то, дождались.

Пришла в комнату кадрик (Начальник отдела по работе с персоналом – примечание автора) и объявила: – Все должны написать заявление на увольнение по собственному желанию с 28 июня.

Наши женщины бросились к ней и с громкими криками: – С какой это стати? Если мы вам не нужны – сокращайте и платите выходное пособие!

Кадрик ничуть не поморщилась: – Никто сокращать вас не будет. В Нижнем всех так просто уволили. Неужели вы думаете, с вами по-другому поступят? Выходное пособие вы не получите. Тем, кто напишет сейчас заявление, руководство пойдёт навстречу и выпдаст заплата за май и июнь.

Если у кого есть неиспользованный отпуск – то отпускные, причём только белые. (То есть, без всех надбавок и премий, что платили наличными. – примечание автора).

– Мы будем жаловаться! – слышались дружные вопли разгневанных женщин: – Пока не получим все деньги мы никуда не уйдём!

– Жалуйтесь. – Через губу проронила начальница и сухо добавила: – После 28 июня вас никого в здание больше не пустят.

... июнь 2013 года. Каждый день одна и та же картина. Кадрик бродит по кабинетам, как очень давно, бродил призраком коммунизма в Европе и уныло трывдит: – Пишите заявление на увольнение.

Зарплату за май всё-таки выплатили и белую и, что удивительно, чёрную. За июнь только белую (одна треть от общей – Примечание автора). Чёрная у нас нигде не прописана. Так что, оттягать её не получится. Да и судиться из-за таких мелочей никто не хотел.

К концу месяца людям уже так надоело брехать, что все потихоньку написали заявления на увольнение. Начали по-маленьку носить личные вещи домой.

До полной ликвидации конторы остались работать лишь двенадцать сотрудников: гендир, главбух, наш «уважаемый» ГИП и несколько женщин из отдела оформления. Они печатали и переплетали готовую документацию.

В пятницу 28 июня мы собрались на прощальный «банкет». Грустная вышла отвальная. Пришёл важный ГИП и сказал, что мыльная фабрика хочет, чтобы мы сделали ещё десяток альбомов для получения разрешения на начало строительства.

Вопрос идёт о тех трёхэтажных домах, что попали целиком на арыки. Видимо менеджеры договорились с канавовладельцами. Все посмеялись над его странной шуткой. Выяснилось, что всё на полном серьёзе. Нужно выйти ещё на две недели и сделать эту работу.

– На каких же условиях? – Поинтересовался народ: – Нас, что восстановят в конторе?

– Нет, придётся работать по договору.

Среди нас сидела женщина, пожилой архитектор. Она проработала в нашем отделе по договору два месяца и не получила за них ни копейки. Все дружно отказались от предложения ГИПа.

– И что мне сказать генеральному? – заволновался мужчина.

– Говорите, всё что хотите. Теперь это ваши проблемы – ответили мы ...

P.S. Через неделю мне домой позвонил «уважаемый» ГИП и с ходу спросил, где лежат чертежи? Я, было, стал объяснять: – Включите мой компьютер ...

– Все ваши компьютеры увезли на мыльную фабрику. –

вымолвил ГИП и добавил: – Может быть ты, что-то с собою забрал?

– Зачем, мне это нужно? – удивился я такому вопросу: – Поищите на сервере, я всё туда сбрасывал.

Потом мне позвонила наша громкогласая архитекторша и повторила вопрос. Я объяснил, где нужно искать. Она поблагодарила и рассказала, что её и одну из генпланщиц уговорили поработать по договору пару недель.

Они согласились, но потребовали аванс 100%. Сговорились на пятьдесят. Женщины вышли и теперь усиленно трудятся. Аванс пока не давали, но завтра обещают зарплату за прошедший июнь.

На следующий день, мне позвонили из бухгалтерии и сообщили, что можно забрать свои деньги. Я пришёл. Почил скромну белую часть от зарплаты и заглянул в наш кабинет.

Там сидели архитекторша и пожилая генпланщица. Компьютеры у них были удивительно старые. Видимо, мыльная фабрика побрезговала их увезти в свой навороченный офис.

Женщины мне рассказали, что каждое утро у них начинается с очередного скандала: – Где обещанный вами аванс? – кричат они на два голоса.

ГИП вертится, как уж на сковороде и обещает: – Завтра привезут обязательно.

Я пожелал им успехов, попрощался и вышел ...

... август 2013 года. Мне ещё один раз пришлось оказать-

ся в нашей безвременно почившей конторе. Пришлось мне явиться за трудовой книжкой. Все комнаты были совершенно пусты.

Только в приёмной, в бухгалтерии и «отделе оформления» были знакомые люди. Переплетчицы мне рассказали, чем же закончилась история с альбомами документации.

Громкогласая архитекторша, всё же смогла выбить аванс, но под расчёт с ней рассчитаться забыли. Она распечатала сделанные чертежи, сложила их на столе и пошла к «любимому» ГИПу

– Где мои деньги сурово поинтересовалась она: – Сегодня последний день договора и я бы хотела получить полный расчёт.

– На следующей неделе мы вам позвоним. Сейчас денег нет. – прозвучало в ответ.

Женщина повернулась и молча вышла из кабинета начальника. Она вернулась в отдел и собрала все свои вещи и все бумаги, над которыми усердно работала. Попрощавшись с генпланщицей, дама ушла.

Через час прибежал взволнованный ГИП и спросил: – Где чертежи?

– Она увезла их с собой. – сказала напарница.

ГИП начал звонить архитекторше. Та просто ответила: – Пока я не получу своих денег, вы не увидите никаких чертежей. Файлы из компьютера я удалила. – Добавила она на-

последок.

Начальник побледнел, словно снег и помчался к гендиру. Через пару минут он позвонил виновнице переполюха и покаянным тоном пробормотал: – Деньги нашли. Приезжайте, пожалуйста, к нам побыстрее. Сейчас машина мыльного холдинга сюда подойдёт.

Архитекторша скоро вернулась, получила все деньги и отдала чертежи. ГИП в смешенных чувствах досады и радости рванулся на улицу. Он бежал к машине из мыльного холдинга. Женщина гордо вскинула голову и ушла уже насовсем.

Заплатит ли гендир деньги всем остальным, я точно не знаю. Однако, мне рассказали историю про нашего «любимого руководителя». Пришло нужное время, мыльная фабрика поимела от ГИПа всё, что хотела и приказала ему срочно написать заявление на увольнение.

Ему ничего не осталось, как уныло последовать за остальными сотрудниками. Хотя, как говорит моё сердце, он был уверен, его-то точно не выгонят. Да вот, не срослось.

Через неделю после увольнения ГИПа. Прямо с утра, на мыльную фабрику позвонил какой-то внушительный член городского правительства и начал орать: – Почему в ваших домах такие тонкие стены? Что за дурак так спроектировал? – ну и далее всё в том же духе.

Хозяин мыльного холдинга рассвирепел. Давненько ему

не устраивали такую грандиозную выволочку. Чтобы слегка успокоиться, он созвал совещание и назначил его ближе к вечеру.

«Гениальные менеджеры», совсем не хотели брать вину на себя и быстро нашли виноватого стрелочника. Они позвали на совещание «всеми любимого» ГИПа, уволенного неделю назад. Причём, забыли мужчине сказать, зачем же его пригласили.

Ничтоже сумняшися, он, очертя голову, помчался туда. Скорее всего, бедняга решил, что его снова возьмут на работу. Ведь, в отличие от проектировщиков ему там платили очень приличные деньги.

Но всё пошло по-другому. Хозяин мыльного холдинга начал с ходу орать. Причём, кричал те же фразы, что услышал от члена правительства: – Почему в ваших домах такие тонкие стены? Что за дурак так спроектировал? – ну и далее всё в том же духе.

ГИП немного струхнул. Ведь он не привык возражать грозному шефу. К счастью, он понял, что трудоустройство ему не грозит, набрался неслыханной наглости и пролепетал: – было указание моего руководства. – и указал на сидевших поблизости менеджеров.

– Вам же сказали, всё сделать, как в «Кошмар-проекте». Вам даже дали их наработки. – возмущённо завопили все хором.

– Мы всё так и сделали. Посмотрите их чертежи. – про-

стонал измученный ГИП.

На этих словах совещание, в общем-то, кончилось. Какое-то время менеджеры переглядывались с суровым хозяином. Никто не решился признать себя виноватым, и коллегиально решили:

– Проект выполнен совершенно нормально. Это таджики на стройке неправильно делают. Нужно всем обратить на это внимание. – и ГИПа прогнали из комнаты. Пребывая в недоумении, он поплёлся домой.

Через неделю, эту историю узнали все проектировщики города ...

(Данная повесть полна невероятных страстей. Она могла бы соперничать с теми трагедиями, что принадлежат древним греческим авторам: Эсхилу, Софоклу и Еврипиду. Очень жаль, что текст обрывается столь неожиданно. – примечание автора).

Коммерция

В шестидесятых годах двадцатого века был весьма популярен такой анекдот: – Сидят зимою на кухне два мужика. На столе початая поллитровка, а закуски нет никакой. Один подходит к окну. Смотрит на дом, стоящий напротив, и говорит: – Смотри, сколько на рамах висит сеток с продуктами. Давай возьмём парочку штук, будет, чем закусить.

Они одеваются, выходят на улицу и приближаются к соседнему зданию. Один встает на плечи другому, снимает авоську и сползает на землю с добычей в руках. Друзья топают дальше и воруют еду.

Появляется милиционер и говорит: – Чем это вы занимаетесь?

Мужик, что находился внизу, держал несколько срезанных сеток. Он не растерялся, и бодро ответил: – Да вот, подарки развешиваем к Новому Году!

Сейчас молодёжь вряд ли поймёт, о чём говорит сей анекдот? Многие просто не знают, что такое авоськи и сетки, и зачем пищевые продукты зимой вешали за наружную раму?

Так что, придётся, кое-что объяснить. Дело всё в том, что в разговорной речи советских людей авоськой назывались небольшие прочные сетки. Точнее сказать, сетчатые хозяйственные сумки, сплетённые из тонкой бечёвки, шпагата или

же нити. В сложенном виде она занимала удивительно малый объём. Их было удобно носить с собою в кармане или в портфеле. В настоящее время, их целиком заменили пакеты из пластика.

Ну, а продукты выставляли на улицу для лучшей сохранности. Делали это лишь потому, что у советских людей того давнего времени не было электрических бытовых, холодильников.

Если честно сказать, то в них не было особой нужды. В двадцатых, тридцатых, сороковых, пятидесятых, да и в шестидесятых годах, у людей не наблюдалось каких-то излишков. Да и питались все, в основном, хлебом, картошкой и кашей.

Кто был немного богаче, ели щи из костей, и селёдку бочкового посола. По праздникам стол украшали свежая рыба, курица или кусочек говядины. Даже партийной и советской номенклатуре холодильники были не очень нужны. Начальники постоянно питались с ближайшего рынка, а прислуга готовила пищу три раза в день. Ну а то, что от них оставалось, доедала голодная челядь.

В шестидесятых годах, тогдашний ген.сек Никита Хрущёв съездил в Соединённые Штаты. Он там увидел, что людишек страны можно кормить не так, чтобы впроголодь. После чего, власть предержавшие стали платить простому народу чуточку больше, чем нужно, чтобы не сдохнуть от голода.

Леонид Брежнев был большим добряком и принял эстафету по «всемерному повышению благосостояния советских людей». Тут-то и появились у граждан излишки продуктов. Немедленно встал важный вопрос: – Как их хранить?

В деревнях всё оказалось значительно проще. Там с давних веков всюду строили погреба или ледники. Ну, а в элитных домах для начальства, делали холодильные ниши, что находились под подоконником.

Это такие углубления в наружной стене, которые со стороны кухни закрывались деревянными дверцами. Кирпичная кладка между квартирой и улицей была очень тонкой и зимой промерзала насквозь.

Благодаря чему, такой стеной шкаф и работал, как холодильник. По крайней мере, в лютую стужу. Летом он превращался в духовку. Особенно на той стороне высокого здания, куда светило жаркое солнце.

В обычных «хрущёбах» дела обстояли значительно хуже. Бетонные стены оказались достаточно тонкими. Поэтому какой-либо ниши в них сделать было нельзя. Вот и стали зимой в городах вешать сетки на улицу. Именно тогда и возник анекдот, рассказанный выше.

Нужно сказать, что воришки являлись не самой главной проблемой. По крайней мере, не для тех этажей, что находились высоко над землёй. Главной неприятностью для советских людей стали пернатые. Птицы сразу же поняли, что в авоськах спрятана пища и стали клевать всё, до чего могли

дотянуться.

Умельцы принялись защищать продукты снаружи. То есть, прибивать к рамам ящики, сколоченные из тонких досок. Сами хорошо понимаете, что хранить в них еду можно было, только в морозы. Жарким летом такой «аппарат» уже не работал.

Пришёл конец шестидесятых годов. Так же, как и у всех советских людей, у нашей семьи тоже не было тогда холодильника. В конце концов, моя мама не вынесла такого положения дел и решила купить, жизненно важный для горожан, агрегат.

Холодильник средних размеров и среднего качества стоил тогда около двух сотен рублей. Родительница получала семьдесят пять карбованцев за месяц и имела на своей худой шее двух школьников.

В то давнее время, её бывший муж, жил на стороне, искал большую любовь, и денег на поддержку детей, у него не хватало.

Достать холодильник в Самаре тогда оказалось серьёзной проблемой. Моя милая мама, впрочем, так же, как я, являлась уроженкой Азербайджана. Поэтому, она ездила в отпуск на родину почти каждое лето. Там она видела, что в столичном Баку, холодильников просто навалом. Бери, не хочу.

Благодаря этому, она и решила, как тогда говорили: – Провернуть непыльное дельце. Мама прикинула основные

расходы в поездке. По всему получалось, что она всё же выкроит, на такой нужный, бытовой агрегат.

Нужно напомнить, что сейчас это мероприятие называется бизнесом. Ну, а в те времена, такое деяние квалифицировалось кодексом РСФСР, как спекуляция в особо крупных размерах и каралась тюремным, очень внушительным сроком. Насколько я помню, до восьми с чем-то лет.

Мама обошла на работе своих сослуживцев и предложила, купить всем неплохой холодильник с наценкой в десять процентов. Выяснилось, что на это согласны пятнадцать сотрудников.

Новоявленная коммерсантка собиралась в отпуск к родне, и купила за личные деньги билет в Баку и обратно. На сумму, полученную от знакомых людей, она должна была взять холодильники для всех членов данной «афёры». Потом, отвезти их на железнодорожную станцию, загрузить в железный контейнер, и отправить в Самару.

Одна из нескольких женщин, что участвовала в том мероприятии, работала в профсоюзном комитете данной конторы. Она посоветовала доброй подруге заручиться мандатом. Мама с ней согласилась.

Дама тотчас написала письмо на фирменном бланке. В нём говорилось: –Предъявитель сего послана профкомом в город Баку для того, чтобы приобрести шестнадцать штук холодильников. Ниже значилось, что все агрегаты, предна-

значены для поощрения победителей социалистического соревнования, проводившегося в этом году.

Именно эта бумага и спасла мою маму от зоны. Сначала ей заинтересовались в магазине Баку и задали неудобный вопрос: – Зачем скромной женщине нужно так много больших холодильников?

Эти слова повторили в конторе, где она оформляла грузовое такси. Затем на контейнерной железнодорожной площадке, на станции «Баку-товарная» и, наконец, на терминале города Куйбышева.

Лишь предусмотрительно взятый мандат и позволил мамане благополучно закончить ту операцию. При виде странной бумаги профкома бдительные милиционеры сразу терялись. А слова о социалистическом соревновании вызывали у них уважительный трепет. Так же, как подпись Владимира Ленина у легендарных чекистов.

Вот так и появился в нашей квартире неплохой холодильник! Кстати сказать, он проработал без всяких ремонтов, тридцать пять долгих лет.

Какое-то время моя милая мама не обращалась к коммерции. Выпавших на её долю мытарств, с лихвою хватило на то, чтобы отбить ей охоту к таким авантюрам. И так продолжалось лет десять-двенадцать.

Именно в эти года, химическая промышленность нашей страны сделала семимильный рывок. В СССР появился ис-

кусственный мех, который тут же пустили на изготовление зимней верхней одежды. Её в народе прозвали – шубами из Чебурашки.

Мама немного подумала и пришла к странному выводу. Мол, можно опять повторить свою давнюю акцию. Только и нужно, что заменить холодильники, на тулупы из пластика.

В этот раз, она возвращалась из отпуска через город Москву. В столице кинулась в ГУМ, или в ЦУМ, точно не помню куда, и отстояв длинную очередь, купила на взятые у сотрудников деньги, восемь шуб различных размеров.

Охранную грамоту от профкома она тогда брать, почему-то, не стала. Видно, подумала, что шубы не холодильники. Так что, сильно в глаза не бросаются. Она увязала «мягкую рухлядь» в узлы и отправилась в аэропорт.

Без всяких проблем она села в «ИЛ-18» и благополучно долетела до Куйбышева. При получении багажа к ней подошли два мента. Они сунули ксиву под нос и взяли маманю под белые ручки.

Скорее всего, при разгрузке, какой-то «бдительный» грузчик хотел, что-то стащить и проверил мешки. Ворюга увидел «неразъёмные» шубы и сообщил – куда следует.

Маму заковали в наручники, отвели в отделение и составили там протокол об изъятии восьми новых шуб. Потом, дали женщине, подписать эту бумагу, и сунули её в обезьянник. Ночь она провела в камере с пьяными дамами извест-

ной профессии и получила неизъяснимую радость от их деликатных манер.

Утром нового дня на дежурство заступил офицер, который лет десять назад, трудился с маманей в одной из автомобильных контор. Она работала там обычным диспетчером, а он просто шофёром. Как вышестоящий начальник, она много раз покрывала его неприглядные выходки, такие, как «левые» рейсы.

Тогда он был простым армянином, приехавшим из родного Баку. Парень учился в вечернем институте, на юридическом. Денег у него не хватало, и приходилось ловчить. Так что, он получил свой диплом лишь благодаря моей маме. Она не дала этим проделкам выплыть наружу.

Офицер ознакомился с рапортом и со вздохом посетовал: – Если бы я был при твоём задержании, то смог бы замять всю историю. Но делу теперь дали ход, и я не смогу чем-то помочь.

Вот такие смешные обычаи тогда бытовали в советской милиции. Не то, что сейчас. Теперь много миллиардный «хапок», можно легко развалить на любой стадии судебного действия.

Правда, после таких горьких слов, способ содержания мамы под стражей, тотчас изменился. Теперь она находилась не в обезьяннике, а в помещении отделения. Она пила чай вместе с ментами и развлекала их байками из своей увлека-

тельной жизни.

Кстати сказать, она поведала им один странный случай, произошедший с ней в давние годы в городской чайхане. Пока она бегала по проспектам Баку, и оформляла «вагон» холодильников, ей было некогда сделать даже глоточка воды.

Наконец, все было благополучно устроено. Железнодорожный контейнер ушёл от платформы и тихой скоростью поехал в Самару. Мама облегчённо вздохнула. Вытерла пот с мокрого лба и решила выпить чашечку чаю.

В те времена, обычная чайхана представляла собой, комнату площадью в тридцать-сорок метров квадратных. В зале находилось несколько столиков со множеством стульев и широкая деревянная стойка, на которой стоял большой самовар.

Правда, тогда они топились уже не дровами, а электричеством. Рядом находился чайханщик. За его широкой спиной висели деревянные полки с товаром: конфетами, чаем и сахаром.

Несколько завсегдатаев сидели в полупустом помещении и, никуда неспеша, пили чай. Услышав стук двери, они повернули головы и недоумённо уставились на русскую женщину. Она вошла в зал одна одинёшенька, без сопровождения мужа или какого-то другого мужчины из ближайшей родни.

Мама обратилась к чайханщику на чистом азербайджанском наречии, и все сразу утратили к ней интерес. В те,

уже легендарные годы, азербайджанцы в Баку блюли чистоту своей нации, и даже не подходили к местным русскоязычным гражданкам. Не говоря уж о том, чтобы к ним приставать. Достаточно было дамам сказать пару «ласковых» слов, и «ухаживания» тотчас прекращались.

Чернявый и горбоносый чайханщик кивком головы показал, что услышал слова русской женщины и продолжил обслуживать седого клиента. Мама села за пустой стол, стоящий в углу, и стала ждать, когда к ней подойдёт работник прилавка.

Меж тем, тот подошёл к пожилому мужчине и поставил на белоснежную скатерть блюдце с небольшим «бэрмуды». Так назывался тонкостенный грушевидный бокальчик, в которых, тогда подавали душистый напиток.

Посетитель посмотрел на «стакан». Потом строго взглянул, на чайханщика и потребовал принести свежезаваренный чай. Мол, он не будет пить кипяток со старой заваркой.

Труженик общепита устало кивнул, вернулся к рабочему месту и в чистом фаянсовом чайнике сварганил новую порцию. Он подождал пару-тройку минут, налил чай и отнёс посетителю, который беседовал со своими друзьями.

Требовательный мужчина вновь отказался взять принесённый «стакан» и объяснил, что на поверхности свежего чая должна плавать лёгкая пенка из небольших пузырьков.

Чайханщик безропотно вернулся к своему самовару.

Встал так, чтобы его не было видно из зала, плюнул в «стакан», и отнёс его придирчивому мужчине.

Тот взглянул на плевок, плавающий на поверхности дымящейся жидкости. Он нравоучительно поднял указательный палец и сказал: – Вот теперь чай такой, какой должен быть.

Чайханщик тихо вздохнул, поднял глаза и встретился взглядом с улыбавшейся мамой. Он пожал крутыми плечами и направился к стойке. У всех на виду, налил свежего чаю и принёс единственной женщине, сидевшей в его заведении. Поставив стаканчик и блюдо на стол, он наклонился и еле слышно сказал на русском наречии: – Чего только не сделаешь, чтобы клиент был доволен.

Менты слушали эти истории, и веселились от чистой души. Ведь анекдоты всегда очень смешны, когда они не про вас.

После того, как все разошлись по постам, офицер отвёл маму в другой кабинет, где стоял проводной телефон. Она связалась с младшей с сестрой, проживавшей в Самаре, и рассказала о том, что хотела вернуться домой вчера вечером, но её задержала милиция и попросила созвониться со мной.

Затем, пришёл следователь, и стал объяснять злоумышленнице, что она идёт по статье о спекуляции в особо крупных размерах. Мама тотчас опровергла все претензии органов. Она сообщила, что брала шубы только для членов семьи. А в семье, кроме её, самой старшей, есть ещё шесть се-

стёр. Итого, семь женщин от тридцати до пятидесятилетнего возраста.

Кроме того, у двух из них, имеются взрослые дочери. Так что, шуб на всех даже не хватит. Кто-то останется без чудесной обновки. А размеры у всех шуб очень разные, потому что и женщины не похожи одна на другую. Кому подойдут, тот и будет носить.

Следаку не понравились сии объяснения, и он стал про- верить её, как он сказал, «очень нелепую версию». Тем вре- менем, сестра моей мамы позвонила ко мне на работу. Она объяснила, что мама моя сидит в каталажке и сказала, чтобы мы унесли из квартиры всё, что только возможно и спрятали у надёжных друзей.

Вот только, кроме старенькой мебели, холодильника и те- левизора, дорогих вещей у нас не имелось. Лишь несколько золотых безделушек мамани, кольцо моей младшей сестры, да небольшие серёжки. Вот, пожалуй, и всё. Но, на всякий случай, мы спрятали все «фамильные ценности».

В те давние годы, одна сестра моей мамы обитала в городе Мурманске, две проживали в Самаре, а три в Азербайджа- не. Запросы послали во все концы нашей огромной страны. Ко всем сёстрам мамани тут же пошли дознаватели и задали один и тот же вопрос: – Зачем ваша сестра купила так много шуб из Чебурашки?

Все сёстры в один голос ответили, причём, почти по

Некрасову: – Семья то большая, и вся из бабцов! Всем хочется шубу иметь!

Самая юная из сестёр моей мамы приглянулась одному из ментов, и он пригласил её для начала в государственный цирк, на представление экзотичных зверей, а потом в дорогое кафе. В связи с тем, что моя младшая тётя, к тому времени была уже замужем, продолжения эти свидания, увы, не имели. По крайней мере, так она всем говорила.

В конце концов, все протоколы были благополучно написаны и подшиты в толстую папку. После чего, знакомый офицер-армянин приложил много стараний, чтобы дело «замяли» и органы не написали письмо на работу подозрительной женщине. Мол, ваша работница недавно попала на сомнительной акции. Приглядитесь к ней повнимательней.

На пятый день, несчастную маму отпустили домой. Причём, вместе с мешками, набитыми шубами!

Нужно сказать, что второго раза таких приключений хватило для мамы на всю её долгую жизнь. Меж тем, как до начала «КАТАстройки» Мишки Горбатого и Гайдаровской «приХватизации» оставалось ещё десять лет.

Табак

Был вечер субботы. Тёща строго посмотрела на Женю и заявила таким непререкаемым тоном, против которого, он никогда не мог ничего возразить. А сказала она ему следующее: – Тебе нужно поехать утром на дачу и опрыскать картошку препаратом от колорадских жуков.

Евгений Григорьевич знал, что когда мама жены говорит таким стальным голосом, то спорить с ней бесполезно. Он лишь кивнул головой и продолжил смотреть телевизор, где шёл интересный фантастический триллер.

Утром нового дня, Евгений проснулся ни свет, ни заря. Стараясь не разбудить домочадцев, он быстро выпил чашечку кофе, взял собранную ещё накануне спортивную сумку и на цыпочках вышел из спящей квартиры.

В подъезде он достал из кармана мятую пачку, в которой ещё кое-что оставалось. Евгений взял сигарету и, чиркнув «золотой» зажигалкой, с большим удовольствием втянул порцию душистого табачного дыма.

Нужно сказать, что первая затяжка с утра всегда казалась самой приятной и доставляла ему, ни с чем несравнимую радость. Как не крути, а спал он целых восемь часов, и воздержание вызывало сильную тягу к курению.

Несмотря на свои сорок лет, Евгений был ещё хоть куда.

Здоровый, крепкий, высокий мужчина, работал тренером по настольному теннису. Он постоянно участвовал в соревнованиях на первенство города, и каждый раз, занимал призовые места в соответствующей возрастной категории.

На работе и дома всё шло просто прекрасно. Впереди у него было ещё двадцать-двадцать пять лет такой интересной и насыщенной жизни. А может быть, и значительно больше.

Евгений зажал в губах бумажную гильзу с травяною начинкой и, никуда не спеша, начал спускался по лестнице. На нижней площадке он встретил Александра Сергеича, пожилого соседа по дому, а по совместительству, преподавателя каких-то медицинских наук. Тот стоял у порога и закрывал один из замков свой прочной двери.

Как всегда, Евгений поздоровался первым.

– Здравствуй! – ответил профессор и шутливо пропел речёвку из древних времён советских студентов: – Бросай курить! Вставай на лыжи! Здоровьем будешь, не обижен!

– Здоровье в порядке! Спасибо зарядке! – в тон старику ответил Евгений.

Сосед прекратил возиться с ключом и улыбаясь сказал: – Поверь мне, как врачу с большим стажем. – он на секунду запнулся и закончил гораздо серьёзней: – Сейчас у тебя самый рискованный возраст! У тех, кто разменял сороковник, очень большой риск заработать инфаркт. Поэтому, всем мужчинам данного возраста нужно срочно бросить курить!

– Меня это не скоро коснётся! – усмехнулся Евгений: –

Вы же знаете, я работаю тренером и постоянно держу себя в форме. Так что, две-три сигареты за день меня вряд ли подкошат.

– Будем на это надеяться! – пробормотал Александр Сергеевич, и продолжил возиться с дверными замками.

Евгений вышел на улицу и увидел большую траншею, пересекавшую двор от конца до конца. Он с интересом взглянул внутрь длинной канавы и увидел толстые, ржавые трубы.

– «Водопровод ремонтируют». – решил он почему-то и вспомнил, как полгода назад здесь копались связисты. Тогда он подошёл к чумазым рабочим и спросил, что это они тут стали копать? Один из парней привычно сказал: – Телефонизируем ваш отдалённый район.

– А можно провести телефон к нам в квартиру? А то мы с шестидесятых годов стоим в хвосте длинной очереди. – поинтересовался Евгений.

– Напиши заявление на телефонную станцию и прибавь, что по роду ваших занятий вам необходим телефон. Приложите к заявке справку с места работы и ходатайство от предприятия. – неохотно ответил связист.

Евгений сказал парню: – Большое спасибо за информацию. – и помчался на службу. В школе ему напечатали справку о том, что он работает тренером и ему необходим телефон для связи с родителями своих подопечных.

К письму приложили слёзную просьбу от предприятия о

том, чтобы телефонная станция изыскала возможность, и подключила к линии связи очень ценного кадра. Мужчина взял эти бумаги, отвёз их по нужному адресу и благополучно забыл на три долгих месяца.

Затем, свершилось настоящее чудо, и в их квартиру провели телефон. Причём, минуя длинную очередь. Нужно сказать, что в восьмидесятых годах двадцатого века в России это считалось за роскошь. Сам Евгений почти никуда не звонил. Так что, сей аппарат пригодился любимой жене, что очень любила трепаться с подружками.

Дача Евгения находилась на большом расстоянии от города. Однако, всё вдруг сложилось невероятно удачно и мужчина добрался до места достаточно быстро. Сделал там всё, что было велено тещей, и пошёл на делянку, где кустилась картошка.

К этому времени солнце поднялось уже высоко и сияло на небе почти в полную силу. Ветерок окончательно стих, а жара чрезвычайно усилилась. Евгения вынул из сумки флакончики с инсектицидом, прочёл небольшую инструкцию и развёл отраву водой в нужной пропорции. Затем, достал из кладовки переносной распылитель и принялся за работу.

Капли разбрызганной жидкости падали на зелёные листья и тотчас исчезали под лучами светила. Скоро над скромной делянкой повисло желтоватое облако ядовитых паров. Мало того, препарат от колорадских жуков оказался на редкость

вонючим.

– «От такой жуткой химии любые жуки обязательно сдохнут!» – морщась подумал Евгений и продолжил опрыскивать листья ботвы.

Дело уже приближалось к концу. Внезапно Евгений почувствовал странную слабость. Голова слегка закружилась, а в глазах появились разноцветные пятна: – «Как бы тут самому не отбросить копыта!» – заволновался мужчина и ускорил работу.

Минут через десять он дошёл до края делянки и вернулся на дачу. Возле деревьев было гораздо прохладней, да и химией тут почти что, не пахло.

Он с облегчением плюхнулся на деревянную лавочку и отдохнул немного в тени. Однако, неприятные ощущения у него не прошли. Евгений выкурил одну сигарету, но и от этого ему лучше не стало. Он посидел ещё минут пять, решил плюнуть на другую работу по даче, и стал собираться домой.

Размышляя о том, что нужно, скорей продышаться от химии, он двигался достаточно быстро. Противный запах отравы скоро исчез, но самочувствие от этого ничуть не улучшилось.

Вдали послышался шум электрички, приближавшейся к станции. Не желая её пропустить, Евгений ещё поднажал и припустил лёгкой рысью. Затем побежал. Благодаря бурному спурту, он оказался возле платформы одновременно с поез-

дом.

Тренер ввалился в вагон, показал контролёру сезонку и оставшись без сил упал на скамью. По проходу шёл малолетний цыганский ребёнок. Ничуть не стесняясь, он обращался ко всем пассажирам с довольно навязчивой фразой: – Дай денег на хлеб..

Кто-то давал какую-то мелочь, кто-то отмахивался от попрошайки.

Евгений вдруг вспомнил, что так и не съел тот обед, что взял с собою на дачу. Он открыл спортивную сумку и достал из пакета городскую свежую булку.

Когда цыганёнок подошёл к нему с просьбой, мужчина протянул побирушке душистую выпечку. Пацан машинально забрал протянутый хлеб. Потом злобно ощерился и швырнул булку на пол.

– Я говорю, денег давай! – заорал малолетний мерзавец.

Мужчина даже опешил от такой странной выходки. Потом, встал и потянулся схватить наглеца за ворот рубах. Цыганёнок резво отпрыгнул назад и начал грязно ругаться по-русски.

Евгений сделал шаг к негодяю, но тот не стал дожидаться, когда его схватят. Он развернулся на пятках, рванул в тёмный тамбур, а оттуда умчался в соседний вагон. Мужчина вернулся на прежнее место. Он невольно прислушался и разобрал говор людей, сидевших в вагоне.

Мнения пассажиров разделились на две половины. Одни

сильно ругали оборвыша. Другие, как это ни странно, клеймили позором мужчину. Вот мол, здоровый бугай пожалел для ребёнка пары монет.

Кто-то в ответ им напомнил, что на вид попрошайке лет семь или восемь. Меж тем, как передние зубы у «бедного мальчика» мастерски сделаны из червонного золота.

Спор между ними дошёл до кипения и, не стихая, продолжился до самого города. Виновник всей этой свары не вступал в перепалку. Он молча смотрел в окошко вагона и чувствовал себя, словно оплётанный.

С вокзала до дома Евгений добрался на удивление быстро. Вот только от этого, его самочувствие никак не улучшилось. Возле подъезда мужчина вдруг ощутил резкий толчок за грудиной. В глазах потемнело, и нахлынула невероятно слабость. Мужчина остановился и невольно оперся рукою за стенку.

Боль заполняла грудь и становилась сильнее с каждой секундой. Затем, он почувствовал, что в нём появился огненный сгусток. Пылающий шар превратился в раскалённую жидкость, которая жгучей волной заполнила левую руку. Она тут же проникла в окаменевшую спину и заполнила небольшое пространство между лопаток. Потом поднялась в напряжённую шею и в нижнюю челюсть.

Внезапно появилась одышка, и лёгкие сжались от отсутствия воздуха. Всё тело покрылось холодной испариной. Го-

лова закружилась, и он осознал, что оказался на грани потери сознания.

Вместе со всепроницающей болью мужчину заполнило большая тревога. Она сменилась испугом. Испуг тотчас превратился в дикий, всепоглощающий страх. Страх наступающей смерти.

С огромным трудом мужчина поднялся на третий этаж и позвонил в свою дверь. Как назло, всё родные куда-то ушли. Так что, ему никто не открыл. Превозмогая нестерпимую тяжесть в груди, Евгений достал ключи из кармана.

Он отпер замки и вошёл в небольшую прихожую. Мужчина бросил сумку на пол, захлопнул дверь за собой и увидел проводной телефон, который висел на стенке прихожей.

Ватной рукой, Евгений поднял тяжёлую трубку. С трудом попадая на кнопки дрожащими пальцами, мужчина набрал номер – 03. На том конце провода отозвались так быстро, словно там ждали, когда же он им позвонит?

– Станция скорой помощи слушает! – ответил женский голос Евгению.

Сбиваясь и путаясь в определениях, мужчина, как мог, рассказал о своём самочувствии. Он хотел говорить спокойным и уверенным тоном, но жуткий страх прорывался в его тихую речь и заставлял сильно дрожать хриплый голос.

Наконец, на том конце провода спокойно сказали: – Машина к вам послана, ждите. – потом диспетчер добавила: –

Лягте, как можно удобнее, и постарайтесь не двигаться. – в трубке зачастили гудки.

Кое-как Евгений разулся и прошёл в ближайшую комнату. Он осторожно, как хрустальную вазу, опустил себя на мягкий диван и приготовился ждать минут тридцать, а может и больше.

Нестерпимая резь в груди никак не слабела. Найти удобное положение лёжа Евгений не мог. От боли и страха мужчина стал тихо стонать. На стенке висели большие часы. Как ни в чём не бывало, они тикали вызывающе громко.

Через пять, очень долгих минут, раздалось настойчивое дребезжанье звонка. Евгений собрал свои силы и осторожно сполз с дивана на пол. С огромным трудом он поднялся на ноги и, качаясь из стороны в сторону, прошёл в небольшую прихожую. Там он открыл входную дверь, и увидел двух человек в белых медицинских халатах.

Гости бросили взгляд на хозяина и, не говоря ни единого слова, шагнули в квартиру. Они взяли мужчину под руки и, не слушая его возражений, отвели назад в общую комнату. Затем, уложили Евгения на мягкий диван, переглянулись и принялись над ним колдовать.

Через минуту один эскулап заявил: – Всё с вами понятно! Инфаркт! Вы едите с нами. Вас нужно срочно доставить в больницу!

Евгений кивнул и попытался подняться.

– Лежите, лежите! В машину вас отнесут на носилках. – вскинулся медик.

Мужчина хотел возразить.

– Я запрещаю вам двигаться! – прикрикнул врач на больного, и тот покорно опустил на спину. Доктор достал из чемоданчика небольшую стальную коробочку, достал из неё толстый шприц и ловко сделал пару уколов.

Скоро явился его юный напарник, который ходил неизвестно куда. С ним пришли трое крепких мужчин. В них Евгений узнал соседей по дому. Они положили инфарктника на раскладные носилки, осторожно пронесли его по узенькой лестнице и погрузили в «скорую помощь».

Машина тронулась с места и, пугая сиреной, всех окружающих, стрелой помчалась по городу. По дороге больной поведал эскулапу о том, как он опрыскал картошку и надышался какой-то химической дрянью.

– Очень возможно, что химикат послужил последним толчком. – сказал ему врач: – Но, скорее всего, ваше сердце было уже на пределе. Вот организм и не выдержал лишней нагрузки.

Евгению опять повезло. До больницы доехали удивительно быстро, минут за семь или восемь. В приёмном покое его переложили в каталку и бегом повезли по пустым коридорам.

Слабость и дурнота вновь накатили на Женю с немис-

лимой силой. Сознание опять затуманилось. Мелькавшие над головой, яркие лампы стали слегка расплываться, пока не слились в одно большое пятно. Из нестерпимого блеска вдруг выплыло чьё-то лицо. Последнее, что услышал больной, были слова: — ... внутривенно... две сотых грамма...

По внутреннему сгибу локтя скользнуло, что-то холодное. Острая сталь пробила кожу мужчины, и лекарство хлынуло в вену. Место где, только что вспыхнула боль от иглы, сразу наполнилось приятной истомой. Она растеклась по руке и постепенно затопила все существо человека.

Покидающее мужчину сознание почему-то решило вернуться. Только теперь оно было исключительно ясным и, как будто, стеклянным. Всё, что происходило вокруг, стало вдруг интересным и ярким.

Каждый звук, возникающий в комнате, внезапно обрёл мелодичное эхо. Оно мягко звенело, словно его порождал драгоценный хрусталь. Голоса врачей, хлопотавших вокруг, обрели глубину и объёмность.

Смысл любых слов блистал глубиной и значением и даже переливчатым цветом. Волны изумительных запахов окутали тренера. Будто мягкие руки подняли его над каталкой, и понесли прямо к солнцу, в сиявшие радугой горние выси.

Душу мужчины, заполнили беззаботная радость и приятная нега. Затем, пришли захватывающе сладкие сны. Их было сразу несколько штук, но сколько, точно определить Евге-

ний почему-то не мог. Казалось, что их будет столько, сколько захочешь. Мало того, их содержание можно будет менять по своему усмотрению.

Чарующие сладкие грёзы плавно перетекали друг в друга и самым причудливым образом сплетались с окружающей явью и другими виденьями.

По ним можно было летать во всех направлениях и временах. Удавалось перемещаться не только по воздуху, по твёрдой земле, и в глубине лазоревых вод, но и перемещаться в иные миры и пространства.

Каким-то удивительным образом, Евгений прекрасно чувствовал время и знал, сколько часов он пребывает в больнице. К концу третьих суток странные сны стали терять свои яркие краски, запах и умопомрачительный вкус.

Явь набрала небывалую силу и начала проступать сквозь сияющий флёр медикаментозных видений. С каждой минутой реальность становилась всё более шершавой и грубой. В один страшный миг, опьянение вовсе покинуло тренера, и он оказался на жёстком столе, покрытом холодной клеёнкой.

Молодой кардиолог осмотрел подопечного и удовлетворённо сказал медсестре: – Кризис уже миновал! Переводите в палату.

Санитары сноровисто подняли Евгения. Погрузили его на каталку и вывезли из отделения реанимации. Проехав по коридору, его экипаж свернул в открытую дверь и оказался в

маленькой комнате, где стояло три койки. Там пациента снова взяли на руки и переложили на одну из свободных кроватей.

Всё это время врач находился поблизости и наблюдал за переездом больного. Перед тем, как уйти он посмотрел на Евгения и сообщил строгим голосом: – Вам повезло, вы оказались у нас сразу после инфаркта. Опоздай скорая помощь на десять минут, и вы могли умереть! В лучшем случае, стали бы полной развалиной! – он открыл дверь в коридор, и добавил: – Можете потихоньку встать. Только на очень короткое время.

Больной осмотрелся по сторонам и увидел, что оказался в трехместной палате. Одно место занимал очень крупный, дородный мужчина с багрово-красным лицом. На вид ему было не больше полтинника. Третья койка пока пустовала.

Едва за врачом закрылась широкая дверь, как сосед осторожно сел на кровати и тихо спросил: – Мужчина ты куришь?

Евгений кивнул и тут же почувствовал, как сильно ему захотелось сделать затяжку. За три дня, проведённые здесь, он сильно истосковался по табачному дыму. У него даже голова закружилась.

– Меня только перед тобой привезли. – продолжил трепаться сосед: – Я уже четыре дня не курил. Все уши опухли. У тебя есть сигареты?

– К сожалению нет.

– У меня тоже всё отобрали, но я послал друга в ближайший киоск. Сейчас принесёт.

Палата расположилась на первом ярусе огромной больницы. Окно выходило на север и, благодаря жаркому лету, было распахнуто настежь. Через пять-шесть минут, за решёткой возник человек. Он дал постояльцам палаты пачку дорогих сигарет и коробочку спичек.

Сосед с радостью взял передачку. Приятель перекинулся с ним какими-то фразами, быстро простился и мгновенно исчез.

– Встань-ка на стрёме, чтобы меня не застучали! – распорядился краснолицый больной: – Сначала я покурю у окна, а потом уже ты.

Евгений с готовностью выполнил строгий приказ. Он осторожно поднялся, неуверенно добрался до двери и настороженно выглянул в большой коридор. Там не было ни единой души, ни медиков, ни их пациентов.

Евгений встал в открытом проёме, кивнул, мол, всё братец тихо, и посмотрел на соседа с нескрываемой завистью. Тот с нетерпением вскрыл картонную пачку, вытащил из неё сигарету и, торопливо чиркая спичкой, наконец, закурил.

Человек глубоко затянулся, с большим наслаждением задержал белый дым в своей грудной клетке и выдохнул тугую струю меж прутьев решётки. Одновременно с этим, он по-

ложил спички и курево в карман лёгкой куртки.

Толстяк сделал несколько глубоких затяжек. Всё это время, его физиономия сияла невероятным блаженством. Вдруг счастливая мина куда-то исчезла. Вместо неё возникло смущение. На широком лице появился испуг, а следом за ним, и гримаса ужасающей боли.

Сосед захрипел, уронил сигарету и схватился руками за грудь. Огромный дородный мужчина мгновенно обмяк, словно из тела вынули стержень, который держал его прямо.

Затем, подогнулись колени. Он повернулся затылком к окну и, опираясь спиной на стену, сполз на пол палаты. Оказавшись на старом линолеуме, краснолицый больной завалился на бок, и мгновенно затих.

Увидев всё это, Евгений сначала опешил. Он быстро оправился от изумления и заорал во весь голос: – Врача! Человек умирает!

В дальнем конце коридора слышался топот множества ног. Через десяток секунд, в дверях появились люди в белых халатах. Они дружно рванулись к соседу, лежащему возле окна, и начали с ним, что-то делать. Евгений прижался спиной к стене и с испугом смотрел за их суетой.

В коридоре загрохотали колёса тележки. Появились ещё два санитары и вкатили каталку в палату. Медики дружно подняли мужчину и положили его на передвижную платформу.

Прибежала сестра с внутривенной системой в правой руке. В левой она держала флакон с каким-то прозрачным лекарством. Кто-то воткнул иглу в вену больного. В сопровождении медиков тележка помчалась к отделению реанимации.

Через минуту, Евгений остался в один и отрешённо подумал: – «Прямо как в штатовских фильмах!» – он повернулся к окну. Медленно подошёл к своей койке и осторожно присел.

Только сейчас, тренер почувствовал, что пульс в его голове бьётся с неистовой силой. Ему вдруг подумалось: – «Сейчас мышцы сердца не выдержат и разорвутся на тыщу кусков».

Мужчину вдруг стало трясти, как осиновый лист. Его взгляд скользнул по светлomu полу и упал на сигарету, выкуренную до половины, невезучим соседом.

– Нужно выкинуть её за окно! – подумал Евгений, но приронуться к небольшому окурку он почему-то не смог. Сигарета дотлела до самого фильтра и превратилась в полосу светло-серого пепла.

Через тридцать минут в палату вошёл кардиолог. Он взял стул, стоявший у стенки, поставил напротив больного и сел. Потом приложил стетоскоп к грудной клетке тренера и стал изучать те странные звуки, что издавало инфарктное сердце.

– Как там сосед? – спросил Евгений.

Доктор ничего не ответил. Он продолжал очень внима-

тельно слушать шумы, что доносились из тела больного. Мужчина повторил свой вопрос во второй, а затем, в третий раз. Врач закончил всю процедуру и произнёс: – Не спасли мы его. Не успели...

Тренер вздрогнул и непроизвольно взглянул на истлевший окурок. Кардиолог проследил за больным и увидел то, что осталось от сигареты. Врач вскинулся на ноги и заорал: – Он здесь курил?

Пациент удручённо кивнул. Эскулап подскочил к нему такой сильной яростью, что Евгений подумал: – «Сейчас влепит затрещину!» – на всякий случай, он опасливо отшатнулся к стене.

С трудом сдержав буйный гнев, медик склонился к больному и тихим, злым голосом ему прошипел: – Запомни мужик на всю свою жизнь! Если будешь курить то, сдохнешь, как он! – врач указал на пустую кровать, стремительно вышел из тесной палаты и с треском захлопнул широкую дверь.

Уже через день в палату пришёл другой человек. Этот больной был явно из, так называемых, «новых богатых». Сотовый телефон в то время стоил от пяти тысяч баксов и являлся отличительным знаком подлинных властителей жизни. Ну, что-то вроде рясы монаха, или увесистой цепи из золота на шее бандита.

Новый сосед тут же достал свой мобильный и стал звонить по своим друзьям. К вечеру в палату внесли новый боль-

шой холодильник, забитый деликатесами до самого верха, и цветной телевизор с лазерным видиком. По настоятельной просьбе больного санитары взяли незанятую третью кровать и вынесли её в коридор.

– Я, конечно, мог и тебя отсюда прогнать, – объяснил нувориш: – но после инфаркта, почему-то, боюсь оставаться один. Да и врагов у меня слишком много, – добавил он тихо: – Вдруг захотят меня порешить, а ты, я смотрю, мужчина здоровый, может быть, чем-то поможешь?

Евгений решил не углубляться в опасную тему и сделал вид, что она его ничуть не касается. К счастью, «сокамерник» оказался совершенно нормальным соседом. Не корчил из себя неизвестно кого и не был ни снобом, ни жмотом.

Он даже кормил тренера из своего холодильника. Через несколько дней настолько проникся доверием к Евгению, что поведал свою непростую историю. Это был стремительный взлёт к вершинам богатства.

Он был человеком довольно воспитанным и хорошо образованным. Вот только, во время рассказов о другой, теневой стороне своей жизни, переходил на речь очень близкую к блатному жаргону. Видно, эта часть его существа не признавала другого наречия.

– В прошлом году, я перетёр с кем было нужно в своём пароходстве и взял в аренду три сухогруза. – с большим удовольствием вспоминал нувориш: – Я загрузил корабли обыч-

ным песком, да и угнал их в Голландию. Там задарма отдал груз какой-то строительной фирме. Потом продал три корыта на слом, а команду посадил в самолёт, и отправил домой. Так что, за эту афёру, я получил почти десять лимонов, зелёных баксов.

Десятую часть от доходов я перевёл в родную Россию, а всё остальное попрятал по различным офшорам. Вернулся домой и сунул, кому надо на лапу. Уже через час я с облегчением узнал, что все три парохота списали три года назад и тогда же сдали в утиль.

После той операции, я жил припеваючи несколько лет. Ну, а потом, меня заложил кто-то из моих дружбанов. Этот подлец дал уркам наколку и они, чисто конкретно, взяли меня за бока. Я сразу свернул все дела и собрался свалить за бугор, да чуть-чуть не успел.

Именно в этот момент, меня трахнул инфаркт. Врачи говорят, мне придётся торчать в этой тихой больничке, что-то около месяца. Ну а потом, я быстро слиняю из этой страны! – он мечтательно поднял глаза к потолку и надолго умолк. Видимо, грезил о тамошней жизни.

– Кстати, а как бы нам посмолить? – внезапно сменил тему сосед: – Я целых пять дней пробавляюсь без курева. Правда, врач запретил, но я думаю, от одной сигареты ничего мне не будет.

Евгений вздрогнул от слов нувориша и рассказал про того человека, что недавно лежал у окна. С тех пор они никогда

не вспоминали о вредной привычке. Несмотря на подобную постановку вопроса, мужчина сильно хотел затянуться. Хотя бы раз или два.

Через неделю, в палату вошёл их лечащий врач и сказал: – С обеда вас будет вести другой кардиолог. Женщина двадцати пяти лет. Её прикрепляют, к самым тяжёлым больным! – он сделал длинную паузу и вдруг уточнил: – Причём, только к мужчинам. Она их поднимает на ноги удивительно быстро.

Утром нового дня в дверях появился другой эскулап. Им оказалась такая прелестница, что её фотографию можно было печатать в журнале «Плейбой». Высокая, очень красивая, на вид лет двадцати. С огромной гривой блестящих волнистых волос. Грудь колесом, минимум пятый размер.

Верхние пуговицы расстёгнуты так, что упругие полушария видны почти целиком. Халатик в облипочку, очень короткий, до самых верхних пределов. Длинные ноги идеальных пропорций обуты в туфельки-лодочки, на больших каблуках.

Шикарная женщина улыбнулась, как экранная дива, томо представилась и приступила к осмотру больных. Она не стала садиться на край узкой кровати, как это делали другие врачи. Нет, она лишь наклонилась к Евгению.

После чего, её выдающаяся, во всех отношениях, грудь оказалась возле самого лица пациента. Так что, смотреть он теперь, мог только в одном направлении – прямо за пазуху

медика.

Облако сладких, весьма дорогих и модных, в то время духов, окутало молодого мужчину. Сердце у него встрепенулось и забилося удивительно сильно. Оно так не стучало со дня первых свиданий с любимой женой. А его спортивные треники неожиданно стали слишком тесны.

Врач выслушала колотящееся сердце больного, выпрямилась и лёгкой походкой танцовщицы перешла к противоположной кровати. Женя посмотрел на соседа. Он лежит красный, как рак, и держал скрещённые руки в низу живота.

Прелестная дама грациозно склонилась к другому инфарктнику. Евгений увидел не только её прекрасные ноги, но и то, чем они завершались. Кстати сказать, цвет и фасон дамских трусиков он разглядел во всех мелких подробностях.

Наконец, необычный осмотр завершился. Призывно качая прекрасными бёдрами, врачиха двинулась к двери. На самом пороге она замерла и на пол оборота повернулась к больным.

Причём, повернулась лишь верхней частью точёного торса. От этого её изящная талия, стала казаться ещё более тонкой. Она слегка откинула голову, тряхнула пышной гривой волос и широко улыбнулась.

Дверь за медичкой закрылась, и сосед громко выдохнул. С огромным трудом он перевёл спёртый дух и хрипло сказал: –

У меня сердце бьётся, как рыба об лёд!

Мужчина чуть-чуть помолчал и добавил: – Вчера, я слышал, как санитары обсуждали её в ординаторской. Мол, как врач она мало что, собой представляет. Зато своей сексапильностью пробуждает в больных мужиках волю к продолжению жизни. Все хотят поскорее оправиться и попытаться её закадрить.

– Обычная мужская ошибка! – поддержал соседа Евгений: – Принимают обычную доброжелательность, за особое расположение дамы к своей скромной особе.

– Да, ты братец философ! – уважительно выдохнул молодой «нувориш».

– У меня внушительный опыт, извлеченный из большого числа подобных ошибок. – отозвался Евгений.

Волнующие посещения медика заставляли забыть о желаемом куреве, но тяга к нему у больных никуда не пропала. Стоило рядом пройти человеку, который недавно курил, или вдруг прилетал запах табачного дыма, как тяга к данному зелью вспыхивала с невиданной силой.

Как-то раз, мужчина шёл по коридору больницы и неожиданно встретил своего соседа по дому. Престарелый профессор приехал сюда по каким-то медицинским делам и спешил к главврачу отделения. Как всегда они поздоровались, остановились перекинуться словом, и тренер поведал о скорбном недуге.

Александр Сергеич внимательно выслушал жалобы. Он задал несколько разных вопросов, а затем печально добавил: – Сколько раз я тебе говорил, бросай Женя курить!

После инфаркта прошло три недели. Евгения выписали из стационара и послали долечиваться в небольшой санаторий. Пришлось тренеру тотчас распрощаться с богатым соседом.

Перед этим, красotka-врачиха предложила своему пациенту вместе с женой зайти в её кабинет. Сначала она прочитала им лекцию о здоровом питании, о допустимых нагрузках и, наконец, о полном запрете курения.

Когда краткая речь подходила к концу, медичка, не снижая начального темпа, обратилась к супруге больного: – И самое главное. Вы! – она показала пальцем на смущённую женщину: – Должны трахаться с ним! Хотя бы два раза в неделю! Вашему мужу необходимы такие эмоции! Это понятно?

Жена покраснела, как маковый цвет и торопливо кивнула. Мол, что только не сделаешь для блага больного.

Лечение в санатории мало, чем отличалось от распорядка в больнице. Евгений принимал прописанные врачами лекарства и физиопроцедуры. Он пил, ел и спал, сколько влезет.

Вследствие этого, его самочувствие постепенно улучшилось. Единственное, что портило тренеру жизнь, так это запрет на курение. Нестерпимая жажда вожделенного табач-

ного дыма терзала его круглые сутки.

Лечащий врач разрешил молодому инфарктнику небольшие прогулки. Парк у санатория был совсем небольшим, но чрезвычайно ухоженным. Однажды Евгений гулял по пустынным аллеям. И там он наткнулся на бычок сигареты, лежащий на пыльном асфальте.

Неожиданно тренер рванулся вперёд и жадно схватил старый окурок. Он крепко сжал пальцы в кулак, торопливо сунул добычу в карман и воровато огляделся вокруг. Не видел ли кто его странных действий?

Людей рядом не было. Мужчина облегчённо вздохнул, и тут сильный стыд накатил на Евгения мощной волной. Кровь бросилась в голову и залила багровою краской не только лицо, но и шею.

Как говорили в старых романах: – Почувствовав, что стал багровым, как рак, он развернулся и быстрым шагом двинулся прочь, от места своей раздавленной гордости.

Отойдя метров на десять-двенадцать, Евгений кое-как успокоился и задал себе нелicenseприятный вопрос: – Зачем же мне нужен старый окурок? Если я захочу, то выйду из парка на улицу и куплю в ближайшем киоске полную пачку любых сигарет! А если понадобится, то возьму целый блок! А если мне будет очень уж нужно, то я возьму два блока, три или даже четыре. Но я этого совсем не хочу!

Повторив эти слова про себя, раз пять или шесть, он вытащил из кармана кулак и с ощутимым трудом разжал креп-

ко сжатые пальцы. На ладони лежал измятый бычок. Острый запах ударил в раздутые ноздри, и голова закружилась от воздействия табачного дыма.

Евгений опять повторил свой вопрос: – Зачем же мне нужен этот старый окурочек? – и с большим напряжением взглянул на него. Он сделал ладонями круговое движение, и растер бычок в мелких прах, словно зерно жерновами на мельнице. Затем замер на месте на десяток секунд, разомкнул напряжённые руки и посмотрел на то, чего он достиг?

Перед ним оказалась горстка коричневой пыли смешанной с белой трухой, в которую обратилась бумага. Не отдавая себе никакого отчёта, Евгений поднял всё это к лицу, и вдохнул резкий запах желанного курева.

Он задержал в лёгких воздух настолько, насколько возможно, и с сожалением выдохнул. Страхивая мусор на землю, Евгений несколько раз ударил ладонь о ладонь и пошёл в спальню мыть грязные руки.

Так повторялось несколько раз. Едва попадался на дороге окурочек, как Евгений кидался к нему, как бросается голодный к еде. Каждый раз приходилось себя останавливать и говорить себе фразу о том, что он может купить любое количество табачных изделий. Однако, он вовсе не хочет этого делать.

Постепенно он научился собою владеть в такой ситуации, и постоянно удерживался от подбирания окурочков. Но кто бы

мог знать, как трудно ему приходилось? А ведь раньше мужчина был твёрдо уверен, стоит ему захотеть и он бросит дурную привычку.

Иногда тренер вдруг вспоминал о своих ощущениях, что посетили его от укола морфина в больнице. Картины чудесных, обворожительных снов всегда прерывались ужасающей мыслью. Мужчина думал о том, что он может легко превратиться в наркошу.

Ведь, как неожиданно выяснилось, он не может избавиться от самой обычной табачной зависимости. А что с ним случится, если он пару раз попробует то проклятое зелье?

Через три с лишним месяца, Евгений совершенно оправился. Он закрыл «инфарктный» больничный и вернулся к работе. Первым делом мужчина взялся за то, чтоб отучить всех сотрудников от привычки курить в тесной тренерской. Тем более, что там не имелось естественной вытяжки, а ветсистема никогда не работала.

Он объяснил всем людям вместе и каждому по отдельности, что для него смертельно опасен дым табака. Окружающие только смеялись и пожимали плечами. Мол, что нам-то до этого?

Тогда в ход пошли более жёсткие методы убеждения. Доходило не только до перебранки и громких скандалов, но и до рукоприкладства. Благодаря своему высокому росту, плотной комплекции и несокрушимой уверенности в своей

правоте Евгению удалось настоять на своём.

Теперь в том помещении больше не курят. Но, к огромному сожалению мужчины, мир не ограничивался только работой и домом. Во всех прочих местах много любителей подобной отравы.

Прошло несколько лет, с тех самых пор, как Евгений Григорьевич перенёс обширный инфаркт. Но слова кардиолога: – Запомни мужик на всю свою жизнь! Если будешь курить то, сдохнешь, как он! – навсегда врезались в память.

Ну, а вид пожилого соседа по тесной палате, что умер с сигаретой в зубах, часто встаёт перед мысленным взором.

Даже сейчас, если поблизости кто-то дымит, он прилагает массу усилий, чтоб не поддаться соблазну. В таком нежелательном случае, Евгений отходит так далеко, чтобы вовсе не слышать вожделенного запаха. Тоже самое, он делает на открытом пространстве, если рядом окажется кто-то, кто пыхтит табаком.

Однако, судьба не сдаётся и продолжает устраивать тренеру новые сложности. Два его сына стали достаточно взрослыми и начали открыто курить, как только закончили школу.

Все рассказы о страшном вреде данной привычки и о возможном инфаркте, парни, смеясь, пропускают мимо ушей. Печальная повесть о страшной болезни, перенесенной когда-то отцом, так же, как прежде, не достигает их сердца. Однажды, послушав очередную нотацию, младший ему так и ответил: – Это меня не коснётся!

– Будем на это надеяться! – только и вымолвил поражённый Евгений.

Финский вокзал

Прежде чем Вы начнёте читать эту историю, я должен сказать, что всё это случилось с моим старым другом в достаточно давние годы. А если быть более точным, то на дворе стояла последняя четверть прошлого, двадцатого века.

С давних советских времён, в городе Куйбышеве было несколько детско-юношеских спортивных школ по настольному теннису. То образовательное учреждение, где Евгений Григорьевич трудился в качестве тренера, была постоянно на прекрасном счету.

Её молодые воспитанники играли на уровне кандидатов и мастеров СССР. Поэтому, ребят из волжского города всегда приглашали на мероприятия всероссийского уровня.

Погожим, солнечным днём, Евгений с командой юных спортсменов прилетел в Ленинград. Несмотря на весну, приморский город встретил их достаточно прохладной погодой. Северная Пальмира всё ещё была припорошена снегом. Природа не обещала тепла в ближайшее время.

Ежась на промозглом ветру, школяры стояли возле здания аэропорта, и ожидали микроавтобус, обещанный организатором данной поездки. Хорошо, что устроители большого турнира не забыли о своих подопечных.

Небольшая машина пришла достаточно быстро. Ребята и тренер домчались до места, где их проводили в уютные комнаты на двух-трёх человек. Там они могли отдохнуть после дальней дороги.

В первый день командировки, Евгений съездил в пригород Питера и отвёз небольшую посылку, что просил передать его давний друг. Дорога туда и обратно, заняла чуть меньше времени, чем рассчитывал тренер.

Ближе к полудню мужчина уже оказался на Финском вокзале. Он покинул вагон электрички, пересёк длинный перрон и, скорее из любопытства, чем по какой-либо надобности, заглянул в зал ожидания. Первым кого он там встретил, был его старый знакомый из далёкой Самары. С этим пожилым человеком он познакомился года четыре назад.

В те времена, Евгений работал мастером на стройке жилья. Вячеслав Константинович представлял конструкторское бюро, что разрабатывало сложный объект. Характер он имел компанейский, да и выпить был совсем не дурак. Так что, общаться с ним оказалось нетрудно, а временами даже приятно.

К сожалению всех окружающих, в каждом проекте удивительно много всевозможных ошибок. Не являлся исключением и тот, который Евгений воплощал в реальную жизнь.

Поэтому сталкивались они достаточно часто. В конце концов, объект возвели и сдали в эксплуатацию городу. Их ин-

тересные встречи сами собой прекратились.

– Вячеслав Константинович! Ты, как здесь очутился? – радостно крикнул Евгений.

– Женя, сколько лет, сколько зим? – не удержался от восклицания старый знакомый.

– Да уж два года прошло, как ты заходил в мой деревянный вагончик и правил там свои чертежи.

– Вот время летит! А, словно вчера это было. – удивился Вячеслав Константинович и тут же спросил: – Ты всё ещё вкалываешь на какой-нибудь стройке?

– Нет, закончив объект, я сразу ушёл из мастеров. Сейчас тружусь проектировщиком в одном институте, а вечерами, работаю тренером в детской спортшколе. Привёз в Ленинград команду по настольному теннису. А, что делаешь ты?

– Я всё там же и тем же, как раньше, ГИПую. Еду на поезде в Выборг. Мы там реконструируем хлебозавод.

– И как, интересно?

– Сначала было чудесно. Каждый день приходилось решать с зам. директором много вопросов. Ну а после того, как мы с ним обсудим детали, он достает бутылку «гамырки» и ...

– Постой, а что это такое – «гамырка»? – прервал мужчину Евгений.

– Так они называют пищевой спирт, смешанный с разными вкусовыми эссенциями.

– Разве такое бывает? – удивился парень.

– Его производят специально для хлебной промышленности. Ну, а в пекарнях всегда добавляют в готовую выпечку. Градусов семьдесят если не больше.

– Классная штука, наверное? Крепкая и пахнет приятно.

– Это точно, а на закусь всегда, пирожные с кремом, которые недавно из печки. Ешь, сколько хочешь, а когда уходим в гостиницу, каждому с собою дают ещё и буханку горячего хлеба. У них на заводе так принято ещё с последней войны. Положено всем взять домой по одной штуке в день.

– Сладкая у вас получается жизнь. – искренне позавидовал тренер.

– Вот-вот такая уж сладкая, что неделю спустя, мы на «гамырку» и пирожные с кремом уже и смотреть не могли. Мечтали о самой простой русской водке под солёный огурчик.

– Так зачем дело встало? Давай поскорее отметим нашу случайную встречу. Пока я топал сюда, видел большой «Гастроном» возле площади. Купим там всё, что нам нужно и выпьем в буфете. Кстати, а когда у тебя будет поезд? – на всякий случай спросил тренер мужчину: – А то, чего доброго, ещё заболтаемся. Пропустишь отход и не доедешь до Выборга.

Вячеслав Константинович взглянул на часы и успокоил Евгения: – Отправление лишь через час и пятнадцать минут. Так что, мы всё спокойно успеем. Пошли в магазин.

Через десять минут, они нагрузились покупками и вернулись в полупустой зал ожидания. Вячеслав Константинович подошёл к старой уборщице, лениво возившей тряпкой по полу, и осторожно спросил: – Мамаша, а где тут у вас расположен буфет?

– Выпить, небось, захотели? – весьма подозрительно спросила мужчину блюстительница чистоты и порядка.

– Съесть, что-нибудь! – возмущённо вмешался Евгений.

– Ну и, выпить рюмочку перед дорожкой. – к месту добавил Вячеслав Константинович.

– На этот вокзал, в одна тыща девятьсот семнадцатом годе, вернулся из буржуазной Финляндии Владимир Ильич Ленин. – вдруг отчеканила замурзанная поломойка: – Поэтому, в нашем буфете запрещено распивать спиртные напитки.

– А как же тогда отъезжающие? – растерялся Вячеслав Константинович.

– А отъезжающие идут поклониться тому паровозу, на котором приехал товарищ Ульянов. Как выйдете на первый перрон, сразу налево. Там увидите тропку, по ней и шагайте. – уборщица строго взглянула на изумлённые лица мужчин и с улыбкой добавила: – Ну, что же вы встали? Ступайте сынки, ступайте.

В полном недоумении от её предложения, Евгений развернулся на месте и потопал по адресу, что указала старушка. Он шёл и усиленно думал: – «Куда я иду? Зачем мне древ-

ний локомотив?»

Обескураженный Вячеслав Константинович, автоматически двигался за своим старым другом. Не говоря ни единого слова, мужчины вышли из здания и свернули налево.

Они прошагали до почти всю платформу, благо, что на Финском вокзале он довольно короткий, и спустились на землю по металлической лесенке. Тут они и увидели утопанную тропинку, о которой говорила старушка.

Дорожка быстро закончилась, и Евгений наткнулся на довольно старинный локомотив. Перед ним находилась скромная стела. Она объясняла грамотным гражданам, что это за агрегат.

Машина сияла свежими красками и выглядела, не хуже, чем новая, словно только сейчас она вышла с завода. Над красными большими колёсами шёл широкий металлический выступ.

На нём, как на кухонной полочке, рядочком стояли стаканы, которые называют гранёными. Скорее всего, они перекочевали сюда из автоматов с газированной водой, что находились на площади перед вокзалом.

Рядом со ржавыми рельсами расположилась объёмная урна. Её заполняли пустые бутылки и обрывки серебристой обёртки от «плавлёных сырков». Среди них часто мелькала наклейки с названием «Дружба».

Вячеслав Константинович выбрал два более-менее чи-

стых бокала и отставил их в сторонку. Он открыл огромный баул с технической документацией хлебазавода и достал из него лист писчей бумаги.

ГИП просмотрел напечатанный текст и удовлетворённо кивнул. Он защёлкнул замки и поставил портфель на длинный чугунный шатун. Затем, привычным и ловким движением хорошенько вытёр посуду. Она заблестела, словно помытая.

Тем временем, тренер не оставался без дела. Он развернул ту газету, что читал в электричке, расстелил её на металлической полочке, а сверху поставил бутылку «Столичной», которую купил в магазине. Рядом устроил буханку чёрного хлеба и пяток солёных бочковых огурцов.

После чего, своё место, заняли «Голландский» сыр, местной варки, и колбаса под названием «Любительская». Продащица из «Гастронома» сразу смекнула, для чего двое приличных мужчин брали немудрёную снедь, и порезала её на кусочки.

Евгений плеснул понемногу в стаканы и произнёс первый тост: – За встречу друзей вдалеке от родимого дома!

Второй озвучил Вячеслав Константинович: – За паровоз, к которому не зарастёт народная тропка.

Третий вновь сказал тренер: – За то, что нам удалось приобщиться к истории. Так сказать, совместить духовные ценности с материальным воззрением на окружающий мир.

Потом водка неожиданно кончилась. Наступила пора расставания. Евгений проводил старого друга на первый перрон

и посадил в нужный вагон. Электровоз громко свистнул и тронулся с места. ГИП отправился в Выборг на встречу с такой ненавистой «гамырккой».

Евгений взглянул вслед уходящему короткому поезду, печально вздохнул и устремился в гостиницу, к своим юным спортсменам.

Встреча выпускников

– Ты на заходишь сайт «Одноклассники»? – спросил меня как-то Григорич.

– Нет. – откликнулся я и добавил: – Мои родители часто переезжали с места на место. За десять лет мне пришлось сменить шесть образовательных учреждений. Причём, все за первые годы учебы.

Меня, как чужака, всюду пытались избить классные авторитеты. Мне всегда приходилось отстаивать своё право на независимость. Так что, в последней школе друзей у меня уже не имелось. Привык, знаешь ли, весьма осторожно подходить к вопросу о тесном общении. Имел только несколько хороших приятелей и с десятков знакомых. О них я забыл сразу после того, как получил аттестат.

– А на встречу выпускников когда-то ходил?

– Ни единого разу. Однажды меня пригласили на какой-то там юбилей, но хвастаться мне, было особенно не чем. Так что, я не пошёл. Ну, а институт я закончил вечерний. Насколько я знаю, никаких встреч там никогда не устраивали.

– В школу я тоже никогда не ходил. – продолжил Григорич: – А на встречу выпускников энергетического техникума меня не пригласили ни разу.

– Странно. – удивился я подобным словам. Нужно ска-

зять, что Григорич всю жизнь был так называемым «гением общения». Мужчины относились к нему с уважением. Ну, а женщины, что находились поблизости, попросту млели. Несмотря на некоторую косноязычность и не так чтобы, очень большой кругозор, он всегда находился в центре внимания.

Несколько раз, я с ним оказывался в компании незнакомых нам девушек. Там я всегда наблюдал такую картину. Пока мы были с ним рядом, практически все юные дамы отдавали предпочтение мне, как более симпатичному и интересному парню.

Однако, стоило ему отойти метра на три, как их отношение ко мне резко менялось. У них, как пелена падала с глаз. Гормональный фон моего стройного и высокого тела привлекал девушек значительно меньше, чем половой запах Григорича.

Как сообщала пословица, за ним дамы, дружно стояли в длинную очередь. Причём, как говорил другой мой приятель: – Они держали в правой руке стакан полный водки, в левой у них был огурец, а подол короткого платья женщины зажимали в зубах.

– Вот именно. – поддакнул Григорич: – В энергетическом техникуме я был личностью весьма популярной, нормально учился, получал повышенную спортивную стипендию, был чемпионом города, области и России по настольному тенни-

су среди средних учебных заведений страны.

Когда все поехали на строительную практику в глубинку Сибири, меня по решению деканата, распределили на Богучанскую ГРЭС. Она расположена под городом Киевом. За Уралом тогда было минус пятнадцать, а на Украине плюс восемнадцать по Цельсию.

– Может быть, за это тебя невзлюбили?

– Да нет. После той практики весь техникум относился ко мне, словно к звезде местного уровня. Зато моя группа невзлюбила меня так основательно, что устроила настоящий бойкот. Все перестали со мной разговаривать. Общались со мной только мой закадычный товарищ, Решетов Саша, и одна девушка. Она была старостой.

– За что они так? – Изумился я тому, что услышал.

– Всё произошло из-за одного странного парня из нашей же группы. Рашид его звали. Он, уже в то давнее время, курил анашу. Я, как ты знаешь, вырос на Безымянке. У нас там к наркошам относились, как к прокажённым, с брезгливостью и большим отвращением. Поэтому я старался, держаться от него вдалеке.

Очень скоро, Рашида арестовали за хранение наркотиков. Ему светил длинный срок. Наша странная группа дружно решила взять его на поруки. В отличие от всех остальных, а я не подписал их заявление. Сказал, что не верю Рашиду. Мол, он уже не сможет исправиться.

Несмотря на мой резкий отказ, письмо отправили в суд.

Рашида не посадили, учли их заявление и передали его на поруки нашей же группе. После этого, со мной все и перестали общаться.

– Обвинили тебя в чёрствости и совершенном бездушии. – сделал я вывод.

– Вроде того. – согласился Григорич и продолжил рассказывать: – Самое странное, что всё вышло по моему. Через полгода, Рашид пришёл в техникум сильно обкуренным и ударил студента из нашей же группы ножом прямо в лицо.

Финку у него отобрали, быстро скрутили и сдали в милицию. Пострадавшего парня увезли в городскую больницу и сделали ему там операцию. К счастью, всё обошлось. Остался лишь маленький шрам на щеке. Рашида тогда посадили, а сокурсники начали относиться ко мне значительно хуже, чем прежде.

– Потому, что ты оказался прав в этом случае, а они все ошибались. – подвёл я закономерный итог.

– Наверное. – пожал плечами Григорич: – Через несколько лет после выпуска Решетов Саша мне рассказал, как он ходил на встречу выпускников. Отмечали пять лет после окончания техникума.

Я тогда весьма удивился, почему же меня не позвали. Саша мне объяснил, что вся группа восстала против моего приглашения. Даже тот парень, которого порезал Рашид. Голос Саши и бывшей старосты во вниманье не приняли.

– Им всем было неловко перед тобой.

– Скорее всего. – кивнул Григорич.

– На встрече зашёл разговор, кто чего смог достичь за это короткое время. Когда все о себе рассказали, кто-то поинтересовался у Саши, а как там Степанов? Он сообщил, что я два года подряд признан лучшим молодым мастером в тресте «Волгаспецстрой». У всех просто челюсть отвисла от такой удивительной новости.

– Как же тебе это тогда удалось? – засомневался вдруг я: – Ведь в те времена это был очень крупный строительный трест

– Во-первых, мой батя, был главным мастером в данной конторе.

– Понятно. – ухмыльнулся я косо.

– Ничего тебе не понятно. – обозлился Григорич: – За всё мое время работы на стройке, он мне ни разу не сделал какой-либо поблажки. Просто каждый вечер, после еды, мы с ним садились за стол, и он устраивал мне планёрку, по ходу строительства моего большого объекта.

Я приносил домой все чертежи. Мы с ним намечали планы работ на весь новый день. Отец мне рассказывал, что и, как нужно сделать, и как обращаться с работающим народом.

А во-вторых, мне просто повезло. Ты же сам понимаешь, когда приходит зелёный мастер на стройку, рабочие очень стараются, делать ему всякие мелкие пакости. Так сказать, проверка на вшивость.

А тут вышла такая история. Когда меня представляли бригаде, один работяга вдруг мне показался очень знакомым. Когда все разошлись по местам, я догнал того мужика и спросил: – Не узнаешь?

Он пожал плечами и бросил: – Извините, не помню.

Я ему говорю: – Василий, сними-ка фуражку.

Он снял. Сквозь короткий волосы просвечивал шрам, на левой стороне головы. Я показывал на рубец и продолжил: – Моя отметина. Богучанская ГРЭС, комсомольская стройка. Ты работал там каменщиком, а я у тебя трудился подсобником. Когда кирпичи перекидывали, я бросил, а ты был под мухой и не успел один подхватить. Теперь узнаешь?

– Женька! – обрадовался хмурый мужик: – Значит, ты у меня теперь мастером будешь?

– А чего он обрадовался? – засомневался я снова: – Три года назад ты ему башку пробил кирпичом, а теперь стал начальником, чего тут хорошего?

– Он тогда был шепутным. Пару раз отсидел за колючкой за драки с нанесеньем увечий. – объяснил мне Григорич. После чего, рассказал, как пьяного в усмерть наставника хотели зарезать два зека. Тогда он утащил мужика с крупной попойки и спрятал под старым мостом.

– Каменщик утром уволился и мы с ним уже не встречались. – продолжил Григорич историю: – Затем, как рассказал мне после Василий, он попал за решётку по какому-то пу-

стяковому делу. Отсидел там два года, вышел, а теперь снова «на химии».

То есть, получил досрочно-условное освобождение, с отработкой оставшегося непогашенным, срока на стройках народного хозяйства СССР. К этому времени, он стал уже зecom в авторитете. Поэтому, на площадке никто с ним даже связывался. Он мог обидчику и морду набить и кирпич на башку уронить.

Немного позднее, я узнал интересную вещь. Оказалось, что после нашего с ним разговора, Василий заявил всей бригаде, что три года назад я спас ему жизнь. Ещё он добавил, если кто-то захочет со мной шутки шутить, тот будет дело иметь лично с ним. Он за меня каждому глотку порвёт.

Так что, дисциплина у меня на площадке была идеальная. Сначала просто Ваську боялись. Потом, благодаря обучению отца, я поднаторел на работе, как мастер. Меня уже самого стали все уважать. Так и выбился мой скромный участок на первое место в строительном тресте.

– Теперь всё понятно. – сказал я в ответ.

– Недавно Решетов Саша мне позвонил. – продолжил Григорич.

– И, как он сейчас поживает? – поинтересовался я товарища. Дело было всё в том, что с Сашей я был неплохо знаком. Сталкивались в различных компаниях, как в спортзале, так и за обильным столом, накрытым для каких-нибудь

праздников.

– Во времена КАТАстройки, он работал в каком-то большом управлении. Там он приХватизировал акции многих перерабатывающих сельхозпредприятий и получил задарма несколько крупных земельных участков.

Потом, Саша всё это удачно продал и с тех пор, он ведет жизнь рантье. Купил себе в Зубчаниновке домик и, в своё удовольствие, выращивает в теплице цветы. Пять лет назад, сын у него стал первым призёром на всемирной олимпиаде по биологии, проходившей в Сиднее.

После этого, парня без всяких экзаменов пригласили поступить в МГУ. Сейчас он успешно работает на какую-то международную фирму и уже помогает родителям. Недавно, он любимому папе, подарил иномарку.

Григорич чуть помолчал и продолжил: – Другой наш общий знакомый, Коля Богданов, к девяностым годам стал начальником крупного автохозяйства строительной техники.

До КАТАстройки он был там начальником. После, стал полновластным хозяином. Сам себе по дешёвке продал тяжёлую технику, и теперь большой воротила в строительном бизнесе.

Теперь они оба очень хвалят Чубайса и нашу настоящую власть. Самое странное, что, сколько я не просился к ним в гости, ни тот ни другой меня к себе не позвали. Наверное, думали, если увижу, как они богато живут, то начну у них денег просить.

Я не нашёл, что сказать по этому поводу. Григорич двинулся дальше: – Когда мне звонил Решетов Саша, то он сообщил, что лазал по «Одноклассникам» и оттуда узнал интересную новость.

Оказалось, что наша группа хочет отметить сорокалетие после окончания техникума. Он спросил, как насчёт приглашения Степанова? Все опять были против моего присутствия там.

– Сорок лет уж прошло, а они, никак не смиряться с тем фактом, что ты был прав в отношении Рашида. – сказал я Григоричу. На этом наш разговор на тяжёлую тему закончился. Мы стали беседовать о более приятных вещах.

Восстановление справедливости

При СССР, в Кремле, почему-то, считали, что наша страна должна производить столько тонн продовольствия, сколько ей было нужно, чтобы кормить всё население. Поэтому, выращивали всё у себя.

А из-за границы везли разве что, ананасы и апельсины с бананами. Ну, и ту ерунду, без которой легко обойтись. Наподобие киви, помело и орехов с кокосовых пальм. О пармезане с хамоном тогда и не слышали. Вместо них ели натуральное мясо, птицу, молочку, и другие продукты.

Короче сказать, в те далёкие годы в сельском хозяйстве весьма не хватало рабочих. Достаточно часто жители города сами заботились о своём пропитании. Государство выделяло участки под садово-дачные товарищества, где люди успешно растили овощи с фруктами.

Мало того, на всех предприятиях и мелких конторах можно было, весной взять кусок пашни, расположенный, в ближайших предместьях. Причём, аренда тогда обходилась в гроши.

Обычные люди брали от трёх до пяти соток земли и сажали картошку, а так же арбузы и тыквы. Дирекция заводов и фабрик выделяло автобусы, и несколько раз в течение лета, сотрудники совершенно бесплатно, организовано выезжа-

ли, так сказать, «на природу».

Ведь нужно было всё посадить, трижды полоть, а затем и собрать. Полученный урожай, каждый ссыпал в большие мешки. Их хорошо помечали, чтобы не спутать. Наполненные кули клали в автомобиль предприятия, и тот отвозил их домой к человеку, что вырастил эти плоды.

Конечно, выращивание картошки оказывалось весьма трудоёмким процессом. Зато холодной зимой человек не бегал за ней в магазин и не ездил на рынок. У каждой семьи, что проживала в частном строении, имелся собственный погреб.

В многоэтажных домах устраивались подвалы. Они разделялись на небольшие кладовки, где и хранилось всё это добро. Жильцам приходилось только спуститься в хранилище и взять то, что заложено там на хранение. Да и стоили овощи гораздо дешевле.

Горожане ничуть не роптали на сложившийся порядок вещей и занимались, так называемым, подсобным хозяйством. Как и все остальные, мой давний приятель, никогда отлынивал от этой тяжёлой работы.

Между прополками, что «организовывали на предприятиях», были довольно большие промежутки по времени. Мужчина родился и вырос в селе, и прекрасно усвоил, что нужно для роста всех корнеплодов. Поэтому, он ездил «к себе на плантацию» значительно чаще, чем все остальные.

Совершенно естественно, что подобные действия постоянно давали свой результат. Его делянка всегда была чистой и очень ухоженной. Картофельные кусты стояли, как по линейке, словно солдаты на смотре. Растения отличались от соседних посадок удивительно сильно. Они были намного пышнее и выше.

Лето стремительно близилось к концу. Через пару недель уже намечалось рытьё корнеплодов. Наш огородник в то время находился в очередном, честно заслуженном отпуске, и делать дома мужчине было, в общем-то, нечего. Вот он и решил ещё раз окучить картофель.

Мужчина взял с балкона мотыгу и собственным ходом, приехал на скромный участок. Он выбрался из пригородного автобуса и углубился в небольшой перелесок. За ним находилось широкое поле, что выделили на лето для граждан.

Он бодро шагал по узкой тропинке и минут через пять, оказался у светлой опушки, заросшей низким кустарником. Оставалось пройти сотню метров, и он будет на месте.

Мужчина почти что, добрался до «личной» делянки. Вдруг, он наткнулся на чей-то новый «Жигуль», стоявший между деревьев. Нужно сказать, что этот, казалось бы, незначительный, факт его весьма озадачил.

Он доподлинно знал, что никто из соседей по «скромной плантации» не имеет подобной машины. Значит, приехал совершенно чужой. А зачем, может тут оказаться незнакомый

ему человек?

Тем более, что сейчас середина рабочей недели. Все хозяйева местных посадок пока на работе. Мало того, на автомобиле нет номеров. Видимо, данные люди приехали сюда по просёлку из какой-то близь лежавшей деревни.

Огородник прокрался к опушке и осторожно высунулся из-за толстого дерева. То, что мужчина увидел, привело его в возмущение. Соседние участки земли стояли совершенно нетронутыми.

Зато, большая часть его прекрасной делянки оказалась уже перекопана. Увядшая на солнце ботва валялась на чёрной земле. Вся картошка была уже сыпана в заботливо увязанные большие мешки. Хозяин взглянул на конец длинного поля. Там ударно трудились четыре здоровенных крестьянина, незнакомой наружности.

Приятель хотел было, бежать к похитителям своих корнеплодов и разобраться со всеми ударом мотыги. Однако, он тут одумался. Во-первых, их было четверо. Во-вторых, все они оказались выше и крепче, чем он. Ну, а в-третьих, у них же лопаты в руках.

Ведь, кто знает, чем всё это закончиться? В лучшем случае, просто набьют ему морду. При худшем раскладе, закопают здесь же в лесочке, и никто никогда его не найдёт.

В те времена не имелось мобильных. Да ещё неизвестно, сработал бы он в центре бескрайних полей? Поэтому, что-

бы вызвать милицию, ему было нужно добежать до большого шоссе, дождаться автобуса и только затем, доехать до ближайшего населённого пункта.

Потом, найти отделение и заявить о воровстве. Сами хорошо понимаете, сколько на это могло уйти драгоценного времени. Да за столь продолжительный срок, мужики спокойно доруют картошку, сядут в машину и бесследно исчезнут. Ищи их потом по району.

На счастье мужчины, до грабителей было сто с чем-то метров. Автомобиль стоял в плотных кустах, а небольшой ветерок дул в его сторону. Недолго думая, человек вскинул острую тяпку и, первым делом, проколол все колёса.

После чего, сильным ударом разбил лобовое стёкло, выглянул из-за толстого дерева и убедился, что мужики ничего не заметили. Он вернулся назад, высадил прочие стёкла и прошёлся мотыгой по блестящему кузову.

Новый «Жигуль» стал выглядеть так, словно сейчас побывал в жуткой аварии. Выплеснув яростный гнев, мой приятель вернулся к шоссе, прыгнул в первый автобус и уехал домой.

В тот неудачливый год он остался совсем без картошки, и пришлось её покупать в магазине или даже на рынке. Единственное, что его успокоило, что вора́м корнеплоды обошлись намного дороже.

Ужин после бани

В давние советские годы, пять или шесть моих хороших приятелей, работали в Западной части Сибири. Тогда в тех районах, вели освоение месторождений нефти и природного газа.

Места были совершенно глухие. Ни какого жилья там почти не имелось. Буровики обитали в «вагончиках-бочках» и ударно трудились вахтовым методом. Один месяц в тайге или в тундре, другой отдыхали на «континенте».

Так продолжалось несколько лет. Постепенно, вокруг больших предприятий возникли посёлки, а кое-где городки. В основном, там обитали те люди, у которых не имелось квартир в европейской части страны. Им некуда было уехать.

С течением времени, многие уволились с промыслов, где нужно было пахать по двенадцать часов, и стали добывать пропитание другими, очень разными способами. Они подвизались подсобниками, занялись сбором грибов или ягод, а также охотой с рыбалкой.

Тогда наша промышленность ещё не достигла современных высот. Она не умела создавать материалы, из которых можно бы сшить очень тёплые и удобные вещи. То есть, такую одежду, что могла устоять против лютых сибирских морозов. Поэтому, «на северах» меховые полушубки и шапки

шли, так сказать, нарасхват.

Всем нам понятно, что для пошива того и другого необходимо иметь качественное сырьё. Вот этим промыслом и занялся один из «бичей». Не думайте, что это название происходит от слова, обозначающего длинную плетть или кнут.

На самом же деле это аббревиатура из нескольких букв – «БИЧ». Она расшифровывается, как бывший интеллигентный человек. Так называли людей, которые весьма опустились и жили единственным днём, от одной выпивки до другой.

Именно о таком человеке, я и услышал от моего молодого приятеля. Герой этой истории вышел на пенсию, но ехать ему было некуда. Мужчина обосновался на краю поселения и построил себе небольшую избушку.

Рядом он соорудил тесную баньку, куда он пускал командировочных, любителей хорошенько попариться. И брал он за это очень недорого. Благодаря этому, с ним познакомился мой товарищ и узнал о том странном случае, который я вам сейчас расскажу.

Государственного пособия на нормальную жизнь в глубинах Сибири, увы, не хватало, и человек занялся промыслом, который называют скорняжным. Охотники приносили ему шкуры убитых животных. Мужчина их прекрасно выделывал, и на этом хорошо зарабатывал.

Но сколько не дай пьянице денег, они всё равно очень

быстро закончатся. Тем более, что в таких городках поддёрживался, так называемый «сухой антиалкогольный закон». Выпивка «из-под прилавка» стоила потрясающе дорого. Да и простой самогон обходился ненамного дешевле.

В один из таких, безденежных дней, пенсионер вышел из дома и увидел большого лохматого пса. Нужно сказать, что в посёлке том жило удивительно много бродячих собак. Они целыми сворами бегали по грязным улицам, и своим громким лаем сильно пугали одиноких запоздавшихся путников.

Этих животных весьма опасались даже мужчины высокого роста с отличным сложением. Ведь, кто его знает, что на уме у полудикого зверя, который совсем не боится людей?

Наш полупьяный герой оказался совсем не из робких сограждан. Мало того, каким-то таинственным образом он быстро нашёл общий язык с кобелём и заманил его в свой запущенный двор.

Затем, поставил у пса на виду миску с помоями. Причём, расположил её хитрым образом. Чтобы добраться до вожака собачьей своры, зверь должен был, сунуть голову в петлю из металлической проволоки.

Как и другие животные, пёс даже не понял, что это ловушка. Он потянулся к объедкам, и его крепкую шею сдавило прочной удавкой. Он забился, словно рыба на льду, но так и не смог освободиться от пут. Они затягивались всё сильнее и сильнее.

Скоро пёс совсем обессилел. В предсмертной тоске он по-

смотрел прямо в глаза своему палачу. В затухающем взгляде оказалось столько страдания и боли, что мужчина помнил его долгие годы спустя.

Эту непростую историю, пенсионер рассказал моему дорогому приятелю уже после бани. Тогда они вместе сидели в маленьком домике и пили тот магарыч, что принёс любитель парилки.

Буровик выслушал грустную исповедь пожилого хозяина и весьма удивился: – Насколько я знаю, ты продолжаешь выделывать шкуры собак? Ты же неделю назад продал мне шапку с тулупом и из их прочного меха.

– Видишь, вон там, из стены выходит железка? – спросил скорняк и указал на скромную баню, меж бревён которой торчала толстая проволока: – Теперь, я завожу собаку в предбанник и ставлю там миску с похлёбкой.

Пока звери едят, я им на шею надеваю петлю, выхожу во двор и, зарыв дверь за собой, затягиваю стальную удавку. Делаю это только снаружи. Так псов не видно и даже не слышно. Ну, а потом, всё как обычно.

Он разлил остатки той водки, что находилась в бутылке, и предложил: – Ну, давай ещё по одной.

Мужчины выпили и закусили пожаренным мясом, лежащим в большой чугунной сковородке.

– Кстати, как тебе нравится этот гуляш? – поинтересовался скорняк.

– Очень хорош! Только вкус несколько странный, что за приправу ты бросаешь в баранину? – поинтересовался приятель.

– Не баранина это, а собачатина. – спокойно откликнулся «бич» и добавил: – Не пропадать же добру. Шкуры идут на одежду, а мясо на стол. Я её научился готовить, когда служил срочную на Дальнем Востоке.

Он посмотрел на изменившегося в лице собутыльника и со смехом добавил: – Между прочим, корейцы считают её прекрасной едой...

Кафельная плитка

В те времена, когда я работал в проектном бюро, там была очень сильная команда любителей настольного тенниса. Все довольно серьёзно относились к игре и тренировались во вместительных залах, хорошо приспособленных для этой забавы. Причём, совершенно бесплатно. Тогда таких помещений было много в Самаре. Не то что, сейчас.

Мне вдруг захотелось повысить свой посредственный уровень, и я, вместе с друзьями, начал ходить на занятия. Там я познакомился с интересными личностями, о которых ходили легенды.

В первую очередь, это Виктор Попов. Сейчас вряд ли кто вспомнит о том человеке. Меж тем, в восьмидесятые годы прошлого века он был мастером международного класса, чемпионом всемирной универсиады и регулярно входил в двадцатку сильнейших спортсменов СССР.

Познакомили меня с ним те парни, с которыми я трудился в КБ. Один из них, Борис Дымов знал Виктора с раннего возраста. Они стали играть, когда об этом экзотическом спорте в Самаре никто даже толком не слышал.

Судьба так сложилась, что в шестидесятых годах, родители двух пацанов работали в крупнейшей проектной конторе нашего города и, какое-то время, они проживали, как тогда

говорили, в «ведомственных квартирах». Эти жилища были устроены для сотрудников института, и находились в дальнем крыле огромного здания. Чтобы проникнуть туда, приходилось, пройти через проходную с вооружённой охраной.

После окончания работы, вахтёры запирали все двери и не выпускали мальчишек на улицу. От нечего делать, они бродили по огромному зданию и гоняли шары на бильярде, который стоял в холле первого уровня.

В институт из Москвы приехал крупный начальник, большой любитель настольного тенниса. Вместе с собой он привёз настоящий новенький стол, ракетки и сетку и очень много целлулоидных шариков.

К сожалению руководителя, у него не было свободного времени. Мало того, в тогдашней Самаре никто, кроме него, играть в пинг-понг не умел. Так что всё это богатство так, и лежало без дела.

Об этом прослышал мужчина, некогда живший в Москве. Там он полюбил ту игру и, научился, обращаться с ракеткой. Он пришёл в институт и устроился работать вахтёром.

Человек объяснил пацанам правила настольного тенниса, показал кое-какие движения и начал играть вместе с ними. Очень скоро, друзья обогнали пожилого учителя, и вечерами гоняли шарик друг с другом.

Об этом прознали в отделе народного образования и решили создать в городе Куйбышеве Федерацию настольного

тенниса. Ведь у подобной конторы должно быть, руководство и целый штат разных сотрудников с приличным окладом. Эти места могут занять ближние родичи или нужные люди.

Чиновники написали бумагу, отослали её в столицу страны, и вскоре, оттуда пришло разрешение. После чего, во весь рост поднялись два сложных вопроса. Первый – где взять спортсменов, что умеют играть в этот самый пинг-понг? (Так тогда назывался этот вид настольного спорта). И второй – как классифицировать их?

Не знаю, как в России сейчас, а тогда с этим делом было достаточно строго. Для того, чтобы иметь спортивный разряд приходилось, в течение года, участвовать в соревнованиях городского и районного уровня. Кроме того, одерживать в битвах победы над тем спортсменами, что уже обладали названным титулом.

В Федерации регулярно считали все баллы, что получил претендент. Если их набиралось нужное по уставу количество, то выдавали соответствующее удостоверение. То бишь, документ!

В то давнее время в Самаре, не оказалось ни одного человек, имевшего, какой-либо ранг по пинг-понгу. Новоявленная Федерация пошла на невинный подлог. Она присудила пожилому вахтёру самую низшую категорию в теннисе – третий взрослый разряд.

Причём, сделали это с удивительной формулировкой: – За многолетнюю службу в спортивных организациях города Куйбышева.

После такой хитроумной аферы, дела в Федерации сразу сдвинулись с места. Один раз в неделю отдел народного образования проводил городской открытый турнир по настольному теннису.

В нём принимали участие все три человека, что умели играть в экзотичный пинг-понг. Борис Дымов и Виктор Попов с поразительной лёгкостью обыгрывали пожилого наставника и записывали на свой личный счёт вожаделенные баллы.

Через какое-то время, ребята набрали столько очков, сколько им было нужно. Каждый из них, получил третий разряд. Теперь пацаны могли каждый раз, одержать две призовые победы. Накал соревнований резко повысился. Так что, к завершению года спортсмены уже получили по второму разряду.

Постепенно, теннисистов в Поволжье становилось всё больше. Их уровень стремительно рос. В Куйбышеве быстро собралась достаточно сильная команда спортсменов.

Они начали ездить по городам великой страны. Причём, за государственный счёт. Так они набирали очки на соревнованиях более серьезного уровня. Наши герои и доросли до мастеров спорта СССР. Затем, Виктор стал даже мастером международного класса.

В те времена, химическая промышленность развивалась достаточно бурно. Производители инвентаря разрабатывали накладки ракеток для настольного тенниса. Их делали из особой очень упругой резины.

Это позволяло спортсменам придавать лёгкому шарикю вращения различного рода. Они были настолько сильны, что шарик летел уже по дуге и отскакивал от стола совсем не туда, куда бы должен отпрыгнуть.

Как-то раз, Виктор Попов вернулся с соревнований, что проводили, где-то в Европе. Вместе с важной победой, он привёз ещё и ракетку с какими-то «супернакладками».

Теннисисты Самары сроду не видели подобной «резины», и совершенно не знали, чего от неё ожидать? Виктор Попов сыграл со всеми, кто оказался в спортзале и разгромил всех играючи.

После чего, один из достаточно «сильных» перворазрядников с обидой сказал: – Конечно, чего же не выигрывать с такую ракеткой?

– Да я у тебя выиграю, всем, чем угодно! – взвился вдруг Виктор: – Бери мою дорогую ракетку, а я возьму самую плохую «лопату», которая отыщется в зале.

После таких жёстких слов, парень умерил свой пыл, слегка поразмыслил, и скрепив разгорячённое сердце, признал, что класс их игры нельзя сопоставить: – Ну, ты же мастер спорта международного класса, а я обычный перворазрядник.

– Тогда, – вошёл в раж Виктор Попов: – ты будешь махать моею «лаптой», я кафельной плиткой. Идёт?

Тут и у парня разыграло ретивое. У него на лице появилось то выражение, что можно было понять, как слова: – «Ну, тогда я уж точно тебя разнесу!» – перворазрядник немного подумал и поставил условие: – Играем одну нормальную партию.

Виктор Попов согласился. Несколько человек пошли в мужской туалет, и кто-то снял со стены кафельную плитку размером пятнадцать на пятнадцать сантиметров. Её очистили от остатков цемента и хорошенько отмыли от пыли. После чего, все вернулись в спортзал. Все теннисисты слышали их разговор, поэтому прекратили играть и собрались возле стола яростных спорщиков.

Виктор Попов отдал свою ракетку сопернику, а сам взял кафельную плитку за один из четырех уголков. Они встали друг против друга и, чтобы привыкнуть к непривычному инвентарю провели коротенький розыгрыш. Каждый ударил по шарiku несколько раз.

Затем, началась их игра. Виктор сразу ушёл в глухую защиту. Он не рвался в атаку, а лишь отбивал все мячи, что прилетали с другой половины.

В те времена, бились до той поры, пока, кто-нибудь из соперников не набёрёт двадцать одно очко. Это прибавило Виктору шансов на выигрыш. Сначала противник вырвался

намного вперёд. Постепенно чемпион приспособился в отскоку шарика от кафельной плитки, заиграл чуть уверенней и на «больше-меньше», всё-таки вырвал победу.

Огорченный перворазрядник, ушёл из спортзала и не являлся туда почти целый год. Потом всё слегка позабылось. Никто уже толком не помнил, кого именно, наш чемпион обыграл кафельной плиткой. Однако, тот удивительный случай навечно вошёл в список самарских спортивных легенд.

Высокопоставленный ученик

В советское время, я достаточно часто посещал тренировки по настольному теннису. Поэтому, знал в лицо всех лучших игроков нашего города, а с некоторыми из них, был лично знаком. Не так, чтобы очень уж близко, но при встрече мы кивали друг другу, а с иными, я даже здоровался за руку.

Потом, началась ещё одна КАТАстройка, которые постоянно преследуют нашу страну. Следом, пришёл «дикий капитализм и первоначальное накопление средств». Многие люди Самары потеряли работу и тотчас обнищали. Они занялись добыванием средств к пропитанию и перестали ходить в спортивные залы.

Значительно позже, на места бескорыстных спортсменов пришли нувориши районного уровня. Каким-то таинственным образом в руки данных «господ» попали огромные деньги, и у них оказалось удивительно много свободного времени.

Подобные люди, являлись в спортзал, как в собственный дом. Они весьма изумлялись тому, что теннисисты высокого уровня, не проявляют к ним никакого почтения. Мало того, смеют «раскатывать их, как пацанов», а убедившись в плохом мастерстве «новых русских», и вовсе теряют к ним интерес.

Некоторые из богачей разочаровались в достаточно сложной настольной забаве и исчезли из зала. Другие вдруг захотели, хорошо утвердиться в желанной тусовке. Для этого существовал лишь один единственный способ, научиться играть на уровне мастера спорта СССР. На худой конец, как кандидат в мастера.

Нувориши были уверены в своих невероятных способностях. Ведь если они «заработали много бабла», то уж овладеть какой-то ракеткой и целлулоидным шариком, точно сумеют.

Они нанимали сильных «пинг-понгщиков» в качестве спаринг-партнёров и платили за это приличные деньги. Они почему-то решили, что всему быстро научиться и через месяц, другой, выйдут на нужный им уровень.

К тому времени, Евгений Степанов, уже много лет проработал тренером по настольному теннису. Он, совершенно заслуженно, имел репутацию классного специалиста в Самаре.

Однажды, в зал заявился один из тех богачей, что до этого дня, играл лишь с «дворовыми» соперниками. Как и все нувориши, он выглядел удивительно слабо за профессиональным столом. Это весьма разозлило мужчину, и он вознамерился, хорошенько «поставить» игру.

Он навёл справки по городу, и скоро узнал, кто из ведущих «пинг-понгщиков», чего-нибудь стоит. Богач решил, что мой старый приятель поможет ему резко повысить свой

класс. Он подошёл как-то к Евгению и предложил с ним «поработать».

Хорошо зная, что представляют собой высокомерные люди, тренер наотрез отказался. Тогда нуворишь посулил такие огромные деньги, что бедный работник спортшколы не смог устоять. Евгений скрепил своё беспокойное сердце и согласился на такую работу.

Тогда нуворишь поставил условие: обучение будет всегда проходить в личном спортзале, который находится в доме за городом. Договорились, что три раза в неделю, к Евгению начнёт приезжать машина клиента. Шофёр будет отвозить тренера в элитный посёлок, а после занятий, возвращать прямо к дому.

На следующий день, к спортивной школе подъехал блестящий чёрный «японец» с затемнёнными стёклами. Ошеломлённый Евгений уселся в машину и отправился к высокопоставленному ученику.

Дорога до дома клиента заняла более часа. Наконец, джип оказалась среди густого соснового бора, и остановился возле высокой кирпичной ограды. Тяжёлые стальные ворота неспешно открылись. Автомобиль въехал во двор огромных размеров.

Перед собой тренер увидел новенький бронетранспортёр «БТР-82». Размещённая в маленькой башенке, автоматическая тридцатимиллиметровая пушка, смотрела прямо на

прибывших гостей. Туда же был направлен и пулемёт «Калашникова», который был спарен с орудием.

Джип объехал грозную боевую машину и покатил к трёхэтажному дому, видневшемуся на горизонте. Прекрасное здание весьма походило на усадьбу богатого графа из дореволюционных времён.

Вот только не было здесь чопорных аристократов в цилиндрах и фраках, и крепостных бедных крестьян, облачённых в плетёные лапти и армяки с кушаками. Вместо них, всюду бродили вооружённые автоматами люди. Все как один, оказались одеты в боевой камуфляж.

Автомобиль остановился сбоку от огромного дома, и шофёр указал тренеру на «чёрный» вход. Тренер выбрался из шикарной машины, поднялся на небольшое крыльцо и открыл тяжёлую дубовую дверь.

Он вошёл в небольшой холл и натолкнулся на человека, похожего на официанта. Слуга поздоровался с гостем, повёл его по коридорам и доставил в прекрасный спортзал.

Точно такие спортзалы, правда, чуточку меньше, сейчас есть при всех новых школах. В ярко освещённом, большом помещении находились разнообразные на вид тренажёры, на любой, самый взыскательный вкус.

Кроме всего них, там имелось два прекрасных новых стола, произведённых известнейшим шведским концерном. На полках лежал огромный набор всевозможных ракеток и коробок с дорожками шариками.

Скоро появился хозяин, одетый в импортный спортивный костюм, и началась тренировка. Евгений не церемонился с богатым клиентом. Он вёл себя с ним, точно так же, как с простым неумехой из собственной школы.

Это очень не нравилось хозяину дома, но он стиснул зубы, и выполнял все указания учителя. После часа таких упражнений, измученный «в хлам» ученик попросил прекратить истязания. Слуга дал Евгению конверт с хрустящими большими купюрами, посадил его в джип и отправил в Самару.

Так продолжалось раз пять или шесть. Потом «новый русский», видимо понял, что успехи в каком-либо спорте не купишь за деньги. Сколько бы ты не платил. Мало того, ни один, самый замечательный тренер, не сможет вложить в тебя мастерство.

Или же ты с огромным трудом, его «наработаешь» сам, или так и останешься лишь дилетантом. Это тебе не «бизнес» в постсоветской «великой» России. Ведь, здесь самое главное, в нужное время, оказаться возле кормушки, растолкать всех локтями и оторвать кусок пожирнее.

Спустя две недели, высокопоставленный ученик перестал появляться в спортзале, а его чёрный джип прекратил заезжать за Евгением. Хотя кто его знает, может быть, человека просто убили его конкуренты?

Как бы то ни было, тренер облегчённо вздохнул и никогда не жалел о «потерянных» огромных деньгах.

Коммерческий турнир

После того, как выкормыши Мишки Горбатого пришли к власти в стране, они стали триндеть в один голос о строительстве социализма с человеческим ликом. Затем, эта идея удивительно плавно превратилась в стремление к народному капитализму.

После чего, вечно пьяненький Ельцин и его «монитаристы из Питера» завернули народ к свободному рынку. То есть, загнали в период первоначального накопления средств. Причём, в его самой дичайшей формации.

Как это ни странно, но среди моих многих знакомых тоже оказались счастливцы. Нежданно-негаданно они преуспели, оторвали себе по большому куску государственной собственности и стали «богатенькими буратинами» в «великой» России.

Один из них приХватизировал предприятие, где при «проклятом советском режиме» выпускали детали для «Жигулей». В народе его называли, почему-то, «ведёрным заводом», но это неважно.

Главное было всё в том, что благодаря стечению всех обстоятельств, несколько крупных цехов и заводоуправление в два этажа стало собственностью одного нувориша. Он выгнал всех прочих работников, кроме бухгалтера, а оборудо-

вание и сотни станков сдал в металлолом по грошовой цене. На вырученные огромные деньги мужчина купил большой дом на Кипре и срочно увез туда всю семью.

Как патриот «великой» отчизны, он не уехал с женой и детьми на чужбину, а остался в родимой Самаре. Он начал сдавать свободные площади и собирать за аренду обильную плату.

Превратившись в хозяина, он реконструировал корпус администрации, устроил в нём приличный спортзал, и стал приглашать друзей и приятелей, чтобы поиграть там в пинг-понг.

Другой наш спортсмен занялся «пушным бизнесом», а на средства, добытые от продажи мехов, покупал жилую недвижимость. К тому времени, когда я завершил тренировки, он имел в личной собственности семнадцать квартир, расположенных в разных районах Самары.

Третий сумел «получить» типографию и раскрутился в издательском деле. Четвёртый прихватизировал кинотеатр и перестроил его в культурно-развлекательный центр. И где только огромные деньги нашёл? Наверное, занял их у бандитов.

Но я хочу рассказать о том теннисисте, который внезапно для всех, из инженера превратился в банкира. Ничтоже сумняшися, он воздвиг загородный дом три этажа и купил самый «крутой мерседес в нашей области».

Спустя какое-то время, гигантский дорогой особняк сожгли до основания, а хозяина похитили прямо в центре Самары.

Среди бела дня, к нему подошли несколько мордоворотов, заломили руки за спину и положили в багажник чёрного джипа. Они отвезли несчастную жертву в какую-то глухую деревню, бросили в тёмный сарай и несколько дней держали на хлебе с водой. Хорошо, хоть не били.

Затем, бандюки крупных «бригад» договорились между собой и страдальца отпустили домой.

После этого неприятного случая, он как и прежде работал банкиром. Однако, перестал одеваться с вызывающей роскошью и снял с себя золотые «гайки», тяжёлые «цепи» и всё рыживьё.

Он изменил манеру своего поведения и стал вести себя так, словно он простой инженер. Затем, продал «скромную дачку» и «удобную тачку», а вместо неё, приобрёл невзрачную серую «Ниву».

Вот только, теперь он не знал, что делать с деньгами, которые бурной рекой текли ему в руки? А ведь их нужно было куда-то девать. Человек огляделся вокруг и заинтересовался зарубежными коммерческими состязаниями по настольному теннису.

Это те состязания, где сами «пинг-понгщики» формируют призы. За участие в мероприятии каждый игрок платит несколько тысяч зелёных баксов. Часть денег идёт на

аренду спортзала и, конечно, зарплату устроителям с судьями.

Вся прочая сумма разыгрывается между претендентами на победу в турнире. Люди, занявшие три, а то и пять первых мест забирают все деньги. Остальные получают лишь удовольствие от честной и бескомпромиссной борьбы.

Богатый банкир несколько раз, ездил на подобные форумы и с огорчением понял, что шансов пробиться наверх, у него практически нет. Даже, если он начнёт выступать только в своей возрастной категории.

Хоть он и входил в десятку лучших «пинг-понгщиков» нашего миллионного города, за бугром оказалось много людей более высокого класса. Мастеров международного уровня.

Тогда он решил попробовать счастья в состязаниях парами. Банкир взял с собою приятеля, с которым всегда получался хороший тандем. Он привёз компаньона за собственный счёт и заплатил за него вступительный взнос.

Друзья неплохо сыграли, и даже заняли призовое местечко. Так с тех пор и пошло. Иногда, они умудрялись вернуть все приличные деньги, что ушли на турнир. Правда, приехать домой с этим выигрышем они, почему-то, никогда не могли. Само собой выходило, что мужики всё пропивали по дороге назад.

Случалось и так, что банкир брал с собой двух самых близких друзей-теннисистов. Как-то раз, они вчетвером от-

правились к антиподам в Австралию. Как говорится, кенгуру осмотреть, а заодно, и себя показать.

Добирались туда с пересадками на самолёте. Ничего не выиграли на данном турнире и, от нечего делать, решили поехать назад на пароходе по морю. Мол, доберёмся до старушки Европы, рассуждали они, а там будет видно. Дальше движем на поезде, или на аэроплане.

Мужики сели на рейс, который выходил из Сиднея в конце февраля. Через два с лишним месяца он должен был швартоваться в центре туманного Лондона. В долгой дороге, корабль заходил в Малайзию, Китай, Вьетнам, Таиланд, богатую Индию, Эмираты, Египет, в «современную» Грецию, Италию, Испанию и Португалию.

Максимальное количество времени, что огромный корабль проводил в синем море, без захода в порты, длилось от трёх дней до пяти. Чаще, всего те переходы продолжались лишь сутки, максимум, двое.

Друзья проживали в отличных двухместных каютах, со «шведским» столом. Кроме того, им предлагались развлечения разного рода: библиотеки, кино, концерты с массовиками-затейниками. Всё это входило в стоимость большого круиза.

К великому сожалению «пинг-понгщиков» всё это оказалось на чисто английском наречии. Так что, было совсем непонятно четырём «простым» россиянам.

Сначала, мужчины сходили на берег в каждом порту и очень рьяно осматривали достопримечательности данного горда и даже окрестностей. Однако, скоро всё это им надое-ло. Сами подумайте, ну что там смотреть, кроме сумасшед-шей архитектуры, непривычной для глаза? Старинные хра-мы и здания, это одни и те же развалины. Куча старых кам-ней и ничего больше нет.

От нечего делать, они стали сильно бухать, незаметно втя-нулись в сложное дело и начали употреблять всё чаще и больше. Горячительные напитки в ресторанах и барах стои-ли удивительно дорого и наличность у них быстро закончи-лась. Кредитную карточку, где лежало бабло на билеты из Европы до дома, они дружно решили, пока что не трогать. Мало ли, что может случиться?

К сожалению спортсменов, плыть нужно было ещё больше месяца, а заняться им оказалось, в общем-то, нечем. Оста-валось только в теннис играть, спать в номерах, регулярно питаться в столовой и тупо пялиться на бесконечные волны.

Как-то уже поздним вечером, один из друзей вернулся в каюту и достал из кармана скромную пачку иностранной ва-люты. На вопрос: – Где добыл? – он рассказал, что бродил по палубе первого класса и натолкнулся на казино. Там сто-яло несколько ломберных столиков. За ними азартные люди резались в карты.

Совершенно не зная английского, он таинственным обра-зом, познакомился с группой мужчин. К его потрясению, он

встретил простых лесорубов из Британской Колумбии.

Они отдыхали в круизе после тяжких трудов в суровой канадской тайге. Нужно сказать, что дровосеки Сибири, почему-то, не любят кататься по тёплому морю. Наверное, им холода нашей Родины, милее экватора.

В тот знаменательный день, у иностранцев не хватало одного человека для игры в преферанс. Поэтому, его пригласили в компанию и дали сколько-то денег для ставок. Он не борзел и выиграл очень немного. Потом отдал партнёрам ту сумму, что от них получил, а всё остальное принёс друзьям.

Так он и стал каждый день играть с лесорубами, начиная с обеда и до позднего вечера. Ближе к полуночи он возвращался с добычей. Спортивная команда Самары шла в какой-нибудь бар, где напивалась «до положения риз».

Во время одной из этих попоек, человек рассказал, что он является младшеньким сыном знаменитого на весь город купца. Того самого, который до революции, случившейся в Питере, владел замечательной дачей в предместьях нашего города.

Она расположена в красивейшем месте, на берегу широкой реки. Кстати сказать, тот прекрасный участок, до настоящего времени, называют поляной его славного имени.

В год революции, герою истории было всего десять лет. Вместе с мамой и тётёй он уехал из города и взял их девичью фамилию. Мальчик подрос, окончил среднюю школу и

поступил в войсковое училище.

Он отлично учился и стал офицером Красной Армии РСФСР. Затем, благополучно прошёл всю войну, от начала до последнего дня. Был несколько раз сильно ранен, имеет ордена и медали. Кроме того, мужчина всю жизнь любил играть в карты и отличался невероятной удачливостью.

Так и пошло с этого дня. Как настоящий гусар, он вставал очень поздно, завтракал вместе с друзьями и шёл обдирать лесорубов Канады. Поздним вечером, он возвращался с неплохими деньгами и пьянствовал с теннисистами почти до утра.

Постепенно он стал понимать иностранную речь и общался с партнёрами по преферансу почти что свободно. Так в пьяном угаре, незаметно и весело пролетел удивительно длинный круиз.

Огромный корабль доплыл до самого Лондона. Пришёл срок расставаться с лесовиками Британской Колумбии. Вдруг оказалось, что он «запал в душу» бородатым мужчинам.

Они весьма огорчились, что потеряют напарника по карточным играм и со слезами в глазах принялись его уговаривать. Мол, нельзя разрушать удачную пулюку.

Нужно плюнуть на всё и с ними доехать до самой Канады. Мужики обещали, оплатить теннисисту каюту на корабле до Квебека, а там взять билет первого класса в самолёт до Москвы.

Однако, большой патриот «великой» России не смог бросить друзей, чрезвычайно опухших от беспробудного пьянства. Он вежливо распрощался с тремя дровосеками из богатой Канады и отправился восвояси, в Самару.

Помойка, тридцать лет спустя

В начале девяностых годов, каким-то таинственным образом, моя мама смогла накопить довольно приличную сумму. Она пошла в магазин и купила очень нужную вещь. В этот же день, новый диван привезли в нашу небольшую квартиру.

После чего, я занялся его старым собратом, который верой и правдой служил нам около четверти века. Сняв боковины, я распотрошил длинное сиденье со спинкой и разломал всё остальное на части.

Разбирая кучу обломков, я обнаружил две пружинные сетки. За долгие годы работы, они нисколько не потускнели и блестели так ярко, словно только вчера сошли с заводского конвейера.

Несмотря на замечательный облик, девать их мне было, в общем-то, некуда. Я даже не мог представить себе, для чего бы они могли мне пригодиться? Поэтому, я взял обе решётки и, вместе с мусором, понёс на помойку.

Подходя к железным контейнерам, я увидел, что впереди шагали двое крепких мужчин лет тридцати. Должен сказать, что они были одеты нисколько не хуже меня – архитектора с внушительным стажем проектной работы. На обоих виднелись почти новые куртки из кожи, в меру поношенные, синие джинсы и приличного вида кроссовки.

Один из невольных попутчиков вдруг заявил: – Смотри-ка рубль лежит. Забираем его?

– Берём! – бодро ответил товарищ. Он быстро нагнулся, поднял с асфальта пустую бутылку из-под «Жигулёвского пива» и сунул её в авоську из чёрной, замызганной ткани. Они двинулись дальше

Второй мужчина продолжал говорить: – Вчера, поздно вечером, я встретил Кольку из соседнего дома. Ну, того самого, с которым мы в школе дружили и часто гоняли в футбол.

Мужик вышел из прекрасной импортной «тачки». Упакован он был по высшему классу, с золотой гайкой на пальце, и толстой цепью на шее. Мы пять минут поболтали. Он рассказал, что отлично устроился, теперь у него всё в полном порядке.

К концу нашей беседы, Колян достал из новенькой куртки дорогой, навороченный сотовый, пощёлкал кнопками и назвал длинный номер. Я нашёл в кармане бумажку, старую ручку и, на всякий пожарный, всё записал. После чего, он вдруг спросил: – А какой у тебя телефон?

Я честно ответил ему: – У меня нет мобильного.

Колян удивился: – Как же ты без него?

– Да так. – пожал я плечами.

– Ведь это же очень удобно. – начал он мне объяснять: – Всегда можно соединиться с кем пожелаешь, поговорить и назначить важную стрелку. Купи себе обязательно и сообщ

мне свой номер. Мы с тобой созвонимся.

– Непременно. – ответил я Кольке, а сам себе грустно подумал: – Ну, звякнешь ты мне и предложишь: – Давай встретимся, выпьем в кафешке пивка! – потом ещё спросишь: – Ты, где сейчас обретаешься? Я подъеду к тебе. – и, что мне ему говорить? – Извини, мол, никак не могу. Я шарюсь по соседним помойкам!

Товарищи по несчастью приблизились к площадке для мусора и принялись быстро рыться в металлических баках. Следом за ними и я подошёл. Мне захотелось как-то помочь обнищавшим вдруг людям и, ничтоже сумняшеся, я им предложил:

– Мужики возьмите эти пружинные сетки. Вон они, как блестят, наверное сделаны из нержавеющей стали. Сдадите в пункт приёма металла. Получите какие-то деньги.

Один из «искателей ценных вещей» бросил внимательный взгляд на предложенные мною предметы и хмуро сказал: – Нет, это обычная дешёвая сталь. Скорее всего... – и, не задумываясь ни на секунду, мужчина назвал несколько букв и цифр. Видимо, они означали тип данного сплава.

Ошеломлённый быстрым и точным ответом, я положил никому ненужные штуки возле контейнера и поплёлся домой. Шёл я и думал: – «Наверное, тот человек, раньше был неплохим металлургом, который мог с первого взгляда определить марку стали. На худой конец, он работал на каком-то

заводе и сам клепал сетки для наших диванов».

Отойдя метров на сто, я натолкнулся на давнего школьного друга. С ним я когда-то учился вплоть до девятого класса. Потом, он связался с плохими парнями, совершил что-то преступное и даже сидел раза два или три.

Похоже, он издали заметил меня, остановился и поджидал, когда я подойду к нему ближе. Пока я двигался к своему однокашнику, он очень задумчиво смотрел на тридцатипятилетних мужчин, рывшихся в мусорных баках.

Мы поздоровались, и он возмущённо сказал: – Надо же было дойти до такого скотского уровня.

– Может быть, людям жить уже не на что. Вот и собирают всяческий хлам, чтобы с голоду не откинуть копыта. – попытался я их оправдать.

– Да я лучше убью какого-нибудь большого чиновника и сяду в тюрьму на всю свою жизнь, чем буду лазать по грязным помойкам. – вдруг оборвал меня старый знакомый.

Я не нашёл, что сказать. На прощание мы, молча кивнули друг другу, и пошли каждый своею дорогой.

С конца девяностых годов, прошло тридцать лет. Я, как и прежде живу в той же тесной квартире и сплю на том же диване, что удачно купила мне мама. Ремонт я тоже не делал уже лет пятнадцать, если не больше.

Почти все конторы, что занимались проектированием зданий и сооружений в Самаре, благополучно закрылись.

Архитектурной работы нет вообще. Мне повезло, что к этому времени, я всё же успел выйти на пенсию. Денег хватает лишь на еду, да ещё на оплату коммунальных услуг.

Так же, как прежде, я ношу мусор на ту же помойку. Нужно сказать, что там кое-что изменилось. Муниципальные власти сдали в утиль стальные контейнеры. Скорее всего, кто-то из крупных начальников прилично на том заработал.

Вместо металлических ёмкостей, они купили баки из пластика. По прошествии малого срока, стенки у них от нагрузки, лопаются по всей высоте. Кроме того, они прекрасно горят.

Частенько их кто-нибудь поджигает обычным окурком. Так что, на замену тех ящиков город всё время, тратит огромные суммы. Наверняка, что-то, кому-то прилипает к рукам.

Вчера я шагал мимо знакомой помойки и видел такую картину. Молодой крепкий мужчина лет тридцати, опустился на корточках со слесарным инструментом в руках. Используя плоскогубцы с отвёрткой, он разбирает чей-то старый диван.

Сквозь рваную ткань виднелась ржавая пружинная сетка, до которой он пытался добраться. По нынешним временам, это была неплохая добыча. Сдав её в пункт приёма металлолома, можно было купить полбуханки белого хлеба.

– «Тридцать лет, либералы орали, что наша Россия, наконец, начала подниматься с колен. Интересно, в какую же по-

зу она должна была встать? Не иначе, как «раком». А скорее всего, просто рухнуть ничком и разбить себе череп о камни, чтобы не раздражать Европу с Америкой». – подумалось мне.

Невропатологи

События 1991 года оказались чрезмерно тяжёлыми. Трусливый М. Горбачёв удрал в свою резиденцию, что находилась в Крыму. Управление великой державы перешла к некой команде. Они обозвали себя – ГКЧП.

К сожалению советских людей, среди них не нашлось ни одного человека с трезвым умом и железными нервами. Никто не взял власть в свои руки и не сделал всё то, что было нужно для сохранения огромной страны

Пользуясь их бесхребетностью, Ельцин, Кравчук и Шушкевич, руководители «братских» республик России, Украины и Белоруссии, остались на воле. Причём, на тех же постах. Чуть позже, они собрались в какой-то чиновничьей бане. Там, как следует выпили, набрались неслыханной наглости и объявили об уничтожении СССР.

Могучая советская армия, всезнающее КГБ, и многочисленные батальоны милиции почему-то не тронулись с места и не схватили противников существующего конституционного строя. Народ, как обычно безмолвствовал. Так, по пьяной воле трёх партократов и случилась контрреволюция.

Всё это усугубилось для Верочки теми трагедиями, что произошли непосредственно с ней. Развод с ненаглядным супругом, которого она очень любила, болезнь, а затем и

смерть любимого дедушки, пустая ходьба по различным конторам в поисках хоть какого-то места, всё это сильно сказалось на её самочувствии.

Девушка потеряла уверенность в собственных силах, стала пугливой и замкнутой. Она спала беспокойным прерывистым сном. Былая весёлость бесследно исчезла.

Черты лица у неё заострились. Появилась небольшая сутулость. Благодаря этому, походка вдруг изменилась не в лучшую сторону. Пропала та лёгкость гимнастки, с которой она двигалась раньше.

Заметив перемены в себе, Верочка обратилась к врачу. Пожилой терапевт с редкой «русской» фамилией Франк, осмотрел пациентку, выслушал её непростую историю и дал направление к другому спецу.

Мол, пусть тобой занимается тот человек, что разбирается в расстройствах нежной девичьей психики. Особенно в тех, что случились вследствие сложных семейных невзгод.

В отличие от отсталой России, в развитых странах Европы профессия психотерапевта сформировалась очень давно, ещё в конце позапрошлого века. То ли, в те годы там жили более нервные люди, чем в нашей великой державе? То ли, у них оказалось больше наличных и свободного времени? Как бы то ни было, но они все задумались о своих душевных недугах.

Совершенно естественно, кое-кто из врачей тотчас заме-

тил такой интерес. Они тотчас занялись чрезвычайно прибыльным делом. Среди них оказались такие учёные, как Жан Шарко, Зигмунд Фрейд, Карл Густав Юнг и другие. Они взялись за изучение возникшей проблемы и разработали теорию психоанализа. По ней и по сегодняшний день пользуют медики современных людей.

С течением времени, и в нашей отчизне завелись «мозгоправы» с дипломами. Сначала они появились в столице. Затем, в областных и других больших городах. Вскоре, новое веяние дошло до провинциальной Самары.

К сожалению страждущих, подобные специалисты были достаточно редкими птицами. Встречались они далеко не в каждой районной больнице. Как это ни странно, но за минувшие десятилетия, в этом вопросе всё осталось по-прежнему.

В семидесятые годы прошлого века, в тихом медицинском учреждении появился молодой терапевт с приставкою «психо». Правда, в те времена их кликали значительно проще. А если выразаться точнее, то их называли таинственным словом – невропатолог.

Согласитесь, есть в нём что-то пугающее, связанное как-то макарон с любой патологией. Однако, деваться народу было, в общем-то, некуда, вот и повалили больные к новому лекарю.

Никому непонятно, откуда люди узнали, что в одной по-

ликлинике работает специалист подобного профиля. Скорее всего, сами же медики рассказали своим друзьям и знакомым. Как бы там ни было, но уже в первый день, перед дверями в кабинет стояла огромная очередь.

В те давние годы, в невропатологи шли только те эскулапы, что успели пройти достаточно суровую школу. То есть, врачи, оттрубившие несколько лет в психоневродиспансере. Или, как говориться в народной среде – в доме для психов.

Благодаря этому, они держали себя со всеми больными достаточно круто, а иногда и очень жестоко. Эскулапы не сюсюкали с ними, как поступают сейчас в модных клиниках и на заграничных курортах.

Новый врач, увидел огромную очередь и стал общаться с людьми точно так же, как он привык ещё в «дурке». Он быстро принял пяток человек, а потом поток посетителей, словно отрезало.

Мужчина выглянул за порог кабинета и с удивлением понял, что в коридоре нет ни одного человека. Он спросил санитарку, которая рядом возила по полу тряпкой: – В чём, собственно дело? Куда подевались больные?

– Минут пять назад, – сказала седая уборщица: – из ваших дверей выскочила дородная дама, с пунцовым от гнева лицом. Она встала перед людьми, подбоченилась и, притопывая правой ногой, заявила на весь коридор: Представляет? Он обозвал меня жабой!

Услышав такие слова, все прочие ей стали тихонько сочувствовать. Хоть и была дама весьма неприятной, но зачем прямо в лоб ей о том говорить? В общем, больные немного подумали, поднялись с места, и ушли один за другим. Кому это может понравиться, когда его так называют?

После неудачного первого дня, психотерапевт сделал надлежащие выводы и немного смягчил манеру общения с больными. После чего, многие люди, как говорится, потянулись к нему.

Так уж случилось, что почти все психотерапевты России почему-то являются представителями «богоизбранной нации». Причём, они почти все, ведут себя соответственно «данному статусу». То есть, именно так, как высшие существа, обращаются с прочими смертными.

Как-то раз, старая знакомая Верочки, пошла на приём к такому спецу. В качестве помощи, он назначил ей посещение, так называемой, группы. Если кто-то не знает, то там собираются вместе те люди, у которых развился похожий на твой «закидон».

Они совершенно открыто обсуждают эту проблему. Врач слушает их разговор и направляет беседу в нужное русло. Больные выливают наружу всё то, что скопилось у них на душе. Постепенно они понимают причины ошибок в своём поведении и пытаются их как-то исправить.

Подруга Верочки посетила такое занятие. Врач так сильно

«давил» на неё и на всех остальных, она вышла оттуда совершенно другим человеком. Она вдруг ощутила, что у неё изменилось не только отношение к миру, но даже национальность.

Как она сказала девушке позже: – После той группы, я целый месяц себя ощущала еврейкой.

Сколько не думала Верочка, но так и не смогла догадаться, в чём это у неё выразалось? То ли, ей всё это время хотелось мацы? То ли, варёную рыбу под названием «фиш»? То ли, что-то ещё? Спросить она постеснялась.

Как бы то ни было, дама весьма испугалась за свой образ мысли. Поэтому, больше уже не ходила к тому эскулапу. Она пробежалась по городу и отыскала другого врача той же специальности.

Среди тех персонажей, на группу ходила одна милая женщина, что лечилась от сильных неврозов. В советские годы у неё был работающий супруг и трое малолетних детей.

Во времена «КАТАстройки», её муж потерял интересную службу с прекрасной зарплатой. Человек пережил потрясение и, внезапно для всех окружающих, почему-то решил, что он великий писатель.

Мужчина начал строчить рассказы и повести, а затем рассылать их по разным издательствам. Все уговоры жены, твердившей, что для подобного творчества, нужны свободные деньги, пропадали впустую. Супруг не обращал на супругу

никакого внимания. Он продолжал упорно пачкать бумагу.

Мало того, стал будить жену по ночам и настоятельно требовать, чтобы она срочно записывала его оригинальные мысли. Совершенно естественно, что спросонья она действовала недостаточно быстро. А если она стенографировала идеи неправильно, то «великий творец» отвечивал ей оплеуху.

Сами теперь понимаете, что даже ночами несчастная дама не могла хорошо отдохнуть. Благодаря столь напряжённому графику, она вставала с утра совершенно разбитая и, не выспавшись, шла на работу. К тому же, часто со свежим синяком на лице.

По совету подруг, она записалась на группу к известному невропатологу города. Его непростая фамилия была как-то удивительно связана с альфрейной живописью по штукатурке. Дама благополучно прошла курс лечения, и поняла то, что ей действительно нужно от жизни?

Осознав необходимые приоритеты, она приняла простое решение и развелась с «любимым» супругом. Затем, позвала несколько родственников крупных размеров и с помощью трёх мужиков, выгнала «гения» из своей личной квартиры. После чего, зажила без всяких проблем.

Среди многих других, в этой же группе, где проходила собеседования бедная Верочка, имелась ещё одна пациентка. От нервных переживаний в её организме произошёл физиологический сбой. У дамы от сильного стресса вдруг переста-

ли двигаться ноги. Поэтому, она ходила на двух костылях.

Несколько дней, она буквально ловила каждое слово врача. Потом поняла, что практических сдвигов невидно, и стала слушать его очень рассеянно. Во время одного из занятий, она о чём-то болтала с подругой, сидевшей поблизости.

Невропатолог сделал ей одно замечание, другое, третье, четвёртое. Всё бесполезно. Дама продолжила трещать, как сорока и отвлекать врача от работы. Тогда он разозлился и гаркнул на всё помещение: – Да заткнись ты, чёртова сука!

Оскорблённая женщина вскочила со стула, громко крикнула: – Да что вы себе позволяете? – и помчалась искать главного врача, чтобы всё рассказать.

Тот внимательно выслушал рыдавшую даму и тихо сказал: – Конечно, психотерапевт во всём виноват. Ему не стоило так выражаться при всех, но, в конце-то концов, он же, выполнил Ваше желание!

– Какое? – не поняла пациентка.

– Освободил Вас от недуга!

Лишь после слов главврача, дама вдруг поняла, что случилось. Ведь от возмущения она забыла костыли в кабинете и пробежала сто метров своими ногами. Благодаря нервной встряске, больная совершенно избавилась от таинственной хвори.

Однако, обида у женщины оказалась на удивление сильна. Она не отправилась к невропатологу и не поблагодарила его за лечение каким-то презентом. Она не сказала ему даже

доброе слова.

К сожалению, не всякая грубость врача проходила бесследно. Как-то раз, он пришёл на работу. Все немедленно увидели, что облик невропатолога слегка изменился. Его выдающийся нос обрёл удивительный цвет. Вернее сказать, он приобрёл сине-чёрный оттенок.

Один из врачей осторожно спросил: – Что с Вами случилось?

– Да вчера вечером я поработал с одним слишком нервным больным. Немного не рассчитал и передал на него.

– Каким это образом? – заинтересовался коллега.

– Так круто прошёлся по его психопатии, что мужчина не выдержал. Он вскочил, как ужаленный, схватил меня двумя пальцами за нос, сильно сжал и поднял со стула. Так и таскал по всему кабинету минуты две или три. Хорошо, что по моде не бил левой рукой и хрящи не сломал. Ну, а опухоль дня через три, бесследно сойдёт.

Отёчность у невропатолога действительно быстро прошла, но синяк у него исчез лишь через две с половиной недели.

Через год с небольшим, Верочка вдруг осознала, что общение с невропатологом принесло ощутимую пользу. Её душевное состояние, наконец-то, пришло в надлежащую норму. Ещё она поняла, что в настоящее время, без «мохнатой

руки» во властных структурах, научная степень ничего никому не даёт.

Связей у девушки, к сожалению, не было. Поэтому, пробиться наверх ей не удастся ни при каких обстоятельствах. Так же, как и сейчас, придётся «пахать» на той же маленькой должности. Причём, за те же скромные деньги, которых хватает лишь на еду.

Значит, ей нужно устраивать свою жизнь по-другому. Она покинула аспирантуру, уволилась из стройинститута и стала искать для себя новое рабочее место. Но это уже совсем другая история.

Анатолий

После окончания школы, я поступил на вечернее отделение строительного института Самары, где проучился пять с лишним лет. Среди моих однокашников был один парень, о котором я хочу рассказать. Звали его Анатолием. Он работал в отделе капитального строительства Куйбышевского мясокомбината. А жил он рядом со своим предприятием.

Как-то раз, я пришёл к нему в гости и увидел такую картину. Возле забора, который окружал комбинат, стояло несколько двухэтажных домов. Судя по внешнему виду, их возвели в начале пятидесятых годов.

Между ними приткнулся небольшой детский садик. Все эти здания глубоко ушли в почву. Так что, полы первого уровня оказались чуть ниже, чем тротуар. Во время сильных дождей, вода высоко поднималась и иногда, проступала меж прогнившими досками.

С другой стороны небольшого посёлка располагался жиркомбинат, с третьей молокозавод, ну, а напротив, через дорогу сильно чадила сталелитейная фабрика. Люди, живущие в том замечательном месте, могли, не выходя из квартиры, точно сказать, какой ветер сегодня на улице.

Если пахнёт подгнивающим мясом, то воздушный поток дует с юга. Если несёт какой-нибудь химией, с запада. Если

тянет прокисшим уже молоком, значит с севера. Ну, а коли воняет горелым железом, то с востока. Некоторые, особо чуткие граждане, могли уловить и все прочие румбы, откуда летели «душистые» атмосферные массы.

Какое-то время, мой одноклассник обитал в общежитии, в восьмиметровой конурке с двумя молодыми соседями. Потом, он женился на работнице того же госпредприятия, и дирекция пошла навстречу сотрудникам.

Парней отселили и предоставили комнатку в распоряжение молодоженов. Но не долго, они там шикавали вдвоём. Скоро у них родился сынок, и стало так же тесно и шумно, как и раньше.

По две стороны, от жилья Анатолия, за дощатыми перегородками находилось с десятков других помещений. В них так же ютилось много людей. В конце коридора имелась тесная кухонька с парой газовых плит, душевая и, конечно, уборная.

Ни с того ни с сего, один из парней, вдруг решил, научиться на чём-то играть. Он обращался к друзьям и знакомым и брал на пробу предметы, что производили какую-то музыку. Он перепробовал шесть или семь инструментов, и по неизвестной причине, остановился на мандолине.

Соседи по комнате работали с ним в разные смены. Едва они уходили, как парень начинал тренировки. Дела шли достаточно плохо, он очень медленно продвигался вперёд, но отличался невероятным упорством.

Слышимость в общежитии оказалась прекрасная. Так что, удивительно скоро, дребезжащие звуки, что доносились из-за тоненьких стен, довели всех до бешенства. Парня в глаза назвали лишь композитором и попытались с ним поговорить по душам.

Но меломан оказался несгибаемым стойком и, плюс ко всему, прекрасным боксёром. Он дал всем достойный отпор и с невероятным упорством продолжал заниматься. В конце концов, соседи смирились с его странной манией, и перестали совсем замечать бесконечные гаммы. А они, почему-то, никак не могли превратиться хоть, в какую мелодию.

В дальнем углу комбината располагалась большая площадка, покрытая толстым асфальтом. Там постоянно хранились крупные кости, извлечённые из разделанных в цехе животных. Кусочки мяса, что остались на них, съедали бродячие кошки, собаки и разнообразные птицы. В первую очередь, вороны и галки, которые слетались туда с разных сторон.

Ранним утром, во всех районах Самары, пернатые просыпались с восходом и проводили между собой перекличку. Они с оглушительным карканьем поднимались с деревьев, образовывали огромные стаи и очень организованно направлялись на Безымянку, на место кормёжки. Вечером, ближе к закату, сытые падальщики, тем же порядком, возвращались назад. Они устраивались на толстых ветках и спали там до

утра.

Очищенные таким странным способом, кости перемалывали на муку, которую добавляли в кормушки скоту. Кроме того, из неё варили столярный клей. Он был очень хорош. Застывал достаточно быстро и держал очень крепко. Вот только вонял очень противно. Со временем от него отказались все потребители, и перешли на синтетику.

Как-то раз, моя дорогая жена сильно простыла, долго болела, и врачи предложили ей есть побольше говяжьей печени. Я сходил в магазин и узнал, что она появляется там очень редко.

Я помчался на рынок и с удивлением узнал, что этот, не очень вкусный субпродукт, неожиданно стал деликатесом. Цены на него взлетели до неба, и платить за него сумасшедшие деньги не поднималась рука. Ни у меня, ни у жены. Тем более, что в нашей семье совсем не любили это странное кушанье и принимали его, как лекарство.

Я вспомнил про Анатолия, с которым ходил в институт. Позвонил ему на работу и спросил, не мог ли он для меня выписать на мясокомбинате два-три килограмма печёнки? Он мне ответил, что нет проблем. Завтра же он всё сделает. Потом, по делам окажется в моём спальном районе и завезет мне покупку.

На следующий день, я вернулся с работы. Моя милая мама мне сообщила, что приезжал мой приятель и привёз огромный портфель, доверху наполненный печенью.

Как потом выяснилось, там оказалось двенадцать с лишним кило. Мама пригласила гостя в квартиру и напоила его чаем с печеньем. Пока он угощался домашними плюшками, она вымыла испачканный в крови саквояж, и отдала парню те деньги, что он потратил на субпродукты.

Кстати сказать, на данную сумму, на рынке удалось бы купить лишь полкило такого продукта. Вот только, было бы значительно лучше, если бы я поступил именно так.

Потому, что во-первых, печень заняла почти всю морозилку у нас в холодильнике. Во-вторых, моя жена и маманя, съели всего по несколько ложек жаркого, приготовленного из говяжьей печёнки.

Большую часть мы бесплатно раздали родным, а всё остальное мне пришлось употребить самому. Мол, сам покупал, вот и ешь. Так что, я регулярно давился деликатесом ещё более года.

После окончания стройинститута, мы с Анатолием встречались достаточно редко. Меж тем, он не оставался на месте, стремительно рос и к середине восьмидесятых годов занял место начальника ОКСа. Чуть погодя, стал замом директора по строительству своего комбината.

Как-то раз, мы с ним столкнулись на улице, и он предложил мне работу в «своём» проектном бюро. Я пришёл для осмотра, который должен был проводиться в их же медпункте.

Первое, что меня поразило, было обилие разных плакатов, висящих на стенах всех помещений. Все они оказались на одну только тему и рассказывали о тяжёлой болезни под названием ящур. Мне некогда было читать убористый текст, и спросил у врача: – Что это такое?

Выяснилось, что это очень опасный недуг, что вызывает воспаление суставов. Его передают человеку разные виды животных.

– Так это касается тех, кто постоянно общается с разным скотом, а мне придётся работать в проектном бюро. – успокоился я.

– Нет! – оборвала мои рассуждения медичка: – Это профессиональное заболевание на комбинате. Им может заразиться каждый сотрудник.

– Каким это образом? – удивился я этим словам.

– Люди, которые работают с разным скотом, приходят в заводоуправление, где находятся проектировщики, и посещают столовую. Они оставляют возбудителей ящура на перилах, на ручках дверей, и вообще, где угодно.

Я тут же ответил, что всё понимаю, ушёл с мясокомбината и больше туда никогда не являлся.

Но прежде, чем я вышел на улицу, меня в проходной остановила ядрёная молодница лет тридцати, одетая в чёрную форму так называемой, ВОХРЫ. Она предложила поднять руки к небу и хорошенько обшарила моё стройное тело от

воротника куртки до самых ботинок.

Когда я шагал мимо большого забора, что окружал комбинат, то вспомнил историю, которую мне как-то раз рассказал Анатолий. Какое-то время назад, у них в разделочном цеху работал мужчина. В отличие от всех остальных, он зимою и летом ходил на работу в кедах огромных размеров. Каким-то таинственным образом, охрана узнала, что каждый день он брал с конвейера пару кусков лучшей вырезки, размером десять сантиметров на тридцать.

Но сколько его не проверяли на проходной, никогда ничего найти не могли. В конце концов, ВОХРовцы заставили мужчину разуться. Выяснилось, что в его внушительной обуви, вместо тоненьких стелек лежат два куса прекрасной свинины, завёрнутые в полиэтилен.

Таким образом, он каждый день, приносил с комбината больше одного килограмма свежего мяса. Мало того, по дороге оно хорошо отбивалось ногами, и его можно было сразу же жарить. Что, собственно, он и делал всегда.

Началась КАТАстройка, грянула разгул демократии, и на комбинате провели выборы руководителя. Главными претендентами на данную должность оказались сам Анатолий и его старый друг. Не помню, как его звали, но несколько раз мы все втроем, играли в футбол возле их общежития. Причём, входили в одну команду.

Два этих парня в один год окончили техникумы, и при-

шли по распределению в одну и ту же контору. Мой приятель имел диплом инженера-строителя, а его верный товарищ, являлся технологом по переработке животных на мясо.

Они жили в одной тесной комнате, до тех пор, пока не обзавелись красивыми жёнами. Но и после такой перемены, они продолжали дружить, только теперь это делали семьями.

Короче сказать, Анатолий проиграл эти выборы с минимальным отрывом. Неделю спустя, на комбинат приехало три чёрных джипа. Десяток бандитов ворвались в кабинет к молодому директору и поговорили с ним по душам. После чего, назначили «стрелку», для обсуждения размеров ежемесячной дани, которую нужно будет платить за «крепкую крышу».

Мой приятель услышал об этом и позвонил своему старому другу, который когда-то работал парторгом в районном отделении КГБ СССР. Тот переговорил с кем было нужно.

После чего, из «конторы» прислали десяток крепких бойцов. ГБшники выскочили из чёрных машин с помповиками. Они приблизились к оробевшим вдруг рэкетирам и заявили, что если ещё только раз, увидят их вблизи комбината, то перестреляют их всех к чёртовой матери.

Бандюки молча уехали, а комбинат стал платить отступного новым «защитникам». Сумма была даже чуточку больше. Весь этот спектакль, весьма походил на обычный «развод местных лохов».

В начале девяностых годов, новый начальник начал выдвливать с комбината тех старых сотрудников, кто его знал с давних времён. Одним из последних ушёл Анатолий. Между тем, как ещё перед выборами, руководитель дал клятву, что занятая им высокая должность, не повлияет на их крепкую дружбу.

Для начала, старого друга назначили директором фирменного магазина от комбината. Правда, самой точки торговли, как таковой, пока ещё не было. Имелось лишь несколько комнат, арендуемых в здании. К тому же, совершенно пустых.

Наконец, мой приятель отремонтировал и оборудовал все помещения, и надёжно наладил продажу мясопродукции. И тут, его вдруг понизили до уровня зама директора.

На его прежнюю должность назначили чьего-то близкого родственника. Через несколько месяцев, Анатолий ушёл и с этого места. Причём, по собственному желанию начальства.

Спустя один год, оборудование крупнейшего мяскокомбината Самары, разошлось за бесценок. Каким-то мистическим образом, оно всё попало в руки родных руководителя, избранного всем коллективом. Предприятие тут же закрылось, а все люди, что там усердно трудились множество лет, остались без всякой работы.

Языковой барьер

Как говорил, когда-то давно, Александр Сергеевич: – Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь.

Времена постоянно меняются, а подход к образованию народа остаётся всё тем же. По крайней мере, у знакомых мне школяров. Не знаю, как дела обстоят в настоящие дни, но все мои однокашники уверенно следовали указанию великого Пушкина.

Я тоже не особенно отличался от них и поэтому, не столько учил английский язык, сколько его «проходил». Вернее сказать, благополучно шмыгнул мимо него в средней школе, а затем, в институте.

На мой взгляд, это было верным решением. За всю мою долгую жизнь, данный предмет мог мне пригодиться раз пять или шесть. Однажды, ко мне в Самаре подошли иностранцы, которые, насколько я понял, хотели узнать, как можно проехать от улицы Революционной до берега Волги?

Как это ни странно, но я вспомнил кое-какие слова. Помогая себе разными жестами, я довольно подробно объяснил, где находится остановка и на какой трамвай им нужно сесть.

Не знаю, поняли меня эти люди или же нет, но они мне сказали: – Thank you! – то есть: Спасибо! – и устремились в указанном мной направлении.

Кроме того, я четырежды я ездил за границу страны, где можно было поупражняться в чужом языке. Дважды я так и сделал, и оба раза достиг определённых успехов. Сначала я расскажу о первом из случаев.

В восьмидесятых годах прошлого века, я с группой комсомольских работников поехал по турпутёвке в Болгарию. Мы путешествовали в междугороднем автобусе и по дороге туда и обратно, заодно осмотрели Румынию.

Перед нашим вояжем, нас проинструктировали в райкоме компартии и посоветовали всем подтянуть знание иностранных наречий. Якобы, за рубежом на нём все говорят.

Большинство из нас пропустили данный совет мимо ушей, и правильно сделали. Всю нашу дорогу группу сопровождал переводчик из местных. Так что, не возникало каких-либо проблем. Мало того, в Болгарии тогда все прекрасно понимали по-русски и могли очень легко объясняться с тобой.

А вот в городе Бухарест всё обстояло совершенно иначе. То ли, их сложный язык очень сильно отличался от нашего? То ли, они не были нам так благодарны за помощь во время войны, как братушки? Точно не знаю. Но я убедился в этом на собственном опыте.

Экскурсионный автобус остановился ещё ранним вечером. Нас разместили в гостинице и предоставили вечер для отдыха. Я оказался в двухместном номере с одним молодым

человеком.

Мы с ним сходили на ужин, приняли душ и захотели посмотреть телевизор. Из того, что говорилось с экрана, мы ничего толком не поняли и решили, пойти прогуляться перед тем как, лечь в кровать.

Мы прошлись по соседним кварталам, от нечего делать, заглянули в большой магазин, на местный рынок и купили какую-то мелочь. Нужно напомнить, что в те давние годы, советским туристам разрешали, иметь с собой сумму, равную тридцати с чем-то долларам.

Сами хорошо понимаете, разгуляться на них там не удастся. Так что, на обратном пути у нас практически не осталось валюты. Порывшись в карманах, мы выгребли, и пересчитали наличность.

Должен сказать, что банкноты в Румынии, тогда были в четверо больше советских, но они стоили, раз в десять дешевле, чем в СССР. Убедившись в своей платежеспособности, мы воспрянули духом, и зашли в небольшой магазин.

Мы прошлись вдоль прилавков и набрали на алкогольный отдел. Там находились батареи бутылок с неизвестными нам спиртными напитками. Мы изучили все ценники и с удивлением поняли неприятную вещь. Выяснилось, что мы очень мало можем позволить себе. Самое многое, приобрести небольшую бутылочку граммов на сто пятьдесят.

Приятель взял с полки приглянувшуюся почему-то чекушку, наполненную жидкостью, похожей на водку, и за-

явил: – Давай попробуем эту.

Я глянул на этикетку, написанную латинскими буквами, прочёл вслух название: – «Mastica». – и весьма усомнился. Насколько я знал из личного опыта, под этим импортным словом подразумевается густая вонючая масса, которую на стройках страны, используют, словно замазку.

Иногда её применяют для окрашивания различных конструкций или наклейки облицовочной плитки. Потом я припомнил, что так называется некий состав, предназначенный для натирания паркетных полов.

Всё это не вызвало энтузиазма во мне. Я предположил, что в бутылке находится жидкость для хозяйственных нужд, и посоветовал взять что-то другое. Однако, другие названия мы не сумели даже толком прочесть, не то чтобы понять, что же это такое? По крайней мере, на нашей бутылочке мы, нашли знакомые цифры, что означали крепость напитка. Она равнялась сорока нашим градусам.

– Пойдём-ка, спросим у продавца. – предложил мой напарник и двинулся к выходу. Мы прошли через зал и увидели молодую симпатичную девушку, лет восемнадцати.

– «Видно, недавно закончила школу. Вернее всего, изучала английский язык. В Восточной Европе теперь все на нём говорят». – подумалось мне.

Мы подошли к кассе и, не заморачиваясь правилами построения фразы, я напрямую спросил: – This drink? – что в переводе должно было значить: – Это выпивка? То есть, на-

питок?

Девушка испуганно посмотрела на нас, и что-то пролепетала на румынском наречии. Судя по напряжению, что отразилось у неё на лице, аборигенка впервые слышала «нормальную английскую речь». Хотя должен признать, она прозвучала с лёгким русским акцентом.

Убедившись, что нас совершенно не поняли, приятель задёргал руками и удивительно живо изобразил пантомиму. Он сделал несколько привычных движений, которые, как мне показалось, мог осознать любой примитивный дикарь.

А означали они – открывание бутылки, наливание жидкости в ёмкость и опрокидывание стопки в распахнутый рот. Для верности, парень звучно прищёлкнул себя пальцем по шее.

В выражение в глазах продавщицы стало совершенно осмысленным, и она закивала головкой.

На всякий случай, я уточнил: – How much? – то бишь: – Сколько стоит?

Собеседница снова впала в прострацию.

Я осознал, что если девушка не знает столь простых выражений, то о вкусе напитка она ничего нам не скажет.

Напарник пришёл к такому же выводу и тихо сказал: – Похоже, не очень давно, она спустилась с высокогорного пастбища, где слыхом не слыхивали об английском наречии. – затем, просто достал из кармана все деньги и помахал боль-

шими купюрами у неё перед носом.

Кассирша что-то опять протараторила нам. Отчаявшись найти с ней общий язык, я взял шариковую авторучку, что лежала возле неё на прилавке, отыскал старый чек и всё это протянул собеседнице.

Причём, поводил рукой так, словно я что-то пишу. Лишь после этого она поняла, что требуют от неё покупателя и, как курица лапой, нацарапала сумму в целых и десятичных долях. Начертание знаков оказалось довольно отличным, от привычных нам цифр по-арабски, но мы их прочли и облегчённо вздохнули.

Расплатившись за небольшую покупку, туристы поспешили в гостиницу. Мы зашли в скромный номер, разулись и отыскивали пару стаканчиков в маленькой ванной. В них должны были стоять наши зубные щётки и тюбики с пастой.

Мы быстро ополоснули посуду, вернулись в гостиную и, усевшись за стол, вскрыли «чекушку». Комнату сразу наполнил знакомый нам с детства, устойчивый запах «капель датского короля».

Мой приятель по-честному разделил неизвестный напиток. Я поднёс его к носу и интересом принюхался. Честно сказать, я находился в сомнении, стоит ли это мне пить?

Мой крепкий напарник, работал ветеринаром на крупном животноводческом комплексе и, скорее всего, употреблял всё подряд. Лишь бы в составе имелся этиловый спирт. Он опрокинул «стопку» в распахнутый рот, громко проглотил

её содержимое и с видом знатока сообщил: – Сладкая анисовая настойка.

Я не стал так рисковать и, для начала, сделал совсем небольшой, осторожный глоток. Выяснилось, что парень ничуть не соврал. Это была спиртовая смесь из солодки, и маленькой толики масла аниса, приправленная капелькой наштаыря.

Короче сказать, подобной микстурой меня в детстве лечили от сильного кашля, что возникал после простуды. Только мама давала всего двадцать капель и разводила в столовой ложке воды.

Однако, делать нам было нечего. Не выливать же алкогольный продукт, за который уплачены последние румынские деньги? Я проглотил ту «Мастику» и ощутил, словно бы выпил лекарство из моего давнего детства. Весь вечер меня всюду преследовал его устойчивый запах.

–08.10.2023

Филичкин Александр Тимофеевич
Россия, 443076, г. Самара,
ул. Партизанская, дом 180, кв. 77
дом. тел. 8(846)2613777
сот. тел. +79277139832
электронный адрес: a.t.fil@mail.ru
a.t.fil@rambler.ru